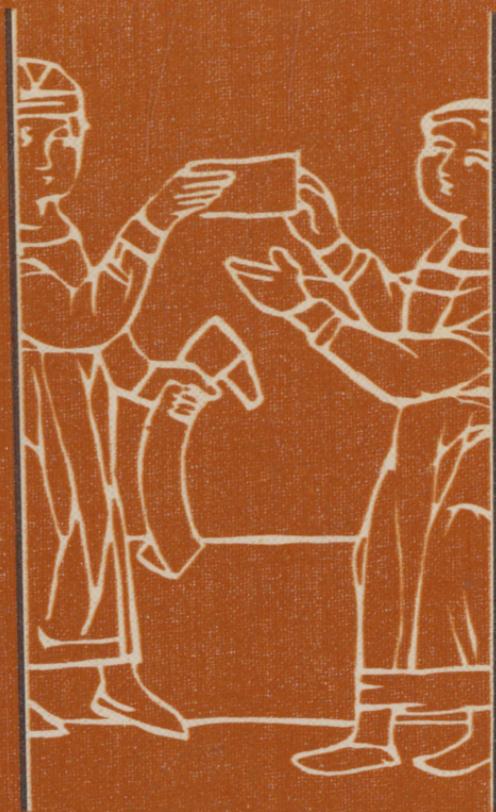

А. Н. Сахаров

Дипломатия Святослава

**•Международные
отношения•**

А. Н. Сахаров

Дипломатия Святослава

А. Н. Сахаров

**Дипломатия
Святослава**

**Москва
„Международные
отношения“
1982**

ББК 63.3(2)43
С 22

С $\frac{0504000000 - 025}{003(01) - 82}$ 14-82

ББК 63.3(2)41

© «Международные отношения», 1982

Введение

Эта книга является непосредственным продолжением моей монографии «Дипломатия древней Руси: IX — первая половина X в.», вышедшей в 1980 году. В ней ставилась цель показать зарождение древнерусской дипломатии, ее последующее усложнение и совершенствование по мере развития древнерусского государства. В данном исследовании речь идет о том периоде, когда, опираясь на предшествующий дипломатический опыт, Русь предпринимает дипломатические усилия для достижения своих внешнеполитических целей в 60 — начале 70-х годов X в.

К этому времени древнерусское государство уже имело определенный дипломатический опыт. Раннефеодальная монархия, осуществляя свои внешнеполитические цели, использовала разнообразные дипломатические методы и приемы. Развитие древнерусской дипломатии было тесно связано с социально-экономическими и политическими процессами в землях восточных славян. Дипломатия древних руссов использовала, с одной стороны, традиции и обычаи восточнославянских племен, осуществлявших контакты как между собой, так и с иноэтническими соседями, а с другой — международный опыт, в первую очередь славянских государственных образований, Византийской империи, государств Восточной и Северной Европы, Передней Азии.

С течением веков руссы шаг за шагом освоили процедуру заключения устных соглашений о прекращении военных действий и обмене пленными, научились заключать перемирия и миры, в том числе с местными византийскими властями в Северном Причерноморье; стали направлять посольства в соседние государства, позднее вступили в прямые дипломатические контакты с центральным византийским правительством, с государством франков, Хазарией и другими государствами. В 860 году

Русь после успешного нападения на Константинополь заключила первый известный нам договор «мира и любви» с Византией, который представлял собой стереотипное соглашение такого рода, неоднократно заключавшееся империей с окружающими «варварскими» государствами и народами. Это соглашение, явившееся своеобразным дипломатическим признанием древней Руси и заключенное русским посольством в Константинополе, предусматривало установление между государствами мирных отношений, возможно, уплату империей дани Руси, допущение на Русь христианской миссии, крещение части руссов, а также военную помощь империи со стороны Руси.

От конца IX века до нас дошли сведения о договорах «мира и любви» Руси с варягами, уграми, дружеские отношения связывали в конце IX — начале X века Русь и Болгарию.

В X веке, по мере укрепления и развития древнерусского государства, активизировалась его внешняя политика: Русь овладевала все новыми формами дипломатических отношений с окружающими странами и народами.

С Византией были заключены договоры в 907, 911 и 944 годах. Соглашение 907 года включало традиционные для договоров «мира и любви» условия, предусматривавшие восстановление мирных отношений между странами, уплату империей дани Руси и определявшие статус русских посольских и торговых миссий. Судя по совместным военным действиям Руси и Византии против общих противников, это соглашение включало и устную договоренность о военном союзе. По-видимому, устный клятвенный мир был дополнен и письменным соглашением — императорским хрисовулом, где были перечислены конкретные обязательства греческой стороны, как это было принято в византийской дипломатической практике. Уже в это время руссы выработали свой стереотип утверждения договоров такого рода — «роту», клятву, которая соответствовала международным дипломатическим обычаям и бытовала у «варварских», нехристианских государств. Выработка сначала перемирия, а потом мира 907 года сопровождалась посольскими обменами и посольскими конференциями. От этого времени доходят упоминания о первых русских послах, представлявших на переговорах Русь как суверенное государство.

Русско-византийский договор 911 года показал, что в начале X века Русь не только умела заключать обычные для того времени договоры «мира и любви», но и подошла

вплотную к освоению вершин тогдашней дипломатии — письменным двусторонним равноправным межгосударственным соглашениям, охватывающим политические, экономические, военные и юридические вопросы. Работа над текстом договора была проведена в Константинополе во время встречи представителей Руси и Византии. С византийской стороны переговоры возглавлял император Лев VI. В договоре были отражены посольские прения, «речи». Киевское посольство в Византии принимали в соответствии с установившимися правилами, распространявшимися и на другие иностранные миссии.

Представительство посольства впервые отразило в дипломатической сфере идеологию русского раннефеодального государства: послы выступали от лица великого князя русского, всех «светлых» бояр и князей и от имени всего русского народа.

Договор 911 года стал качественно новой ступенью в истории древнерусской дипломатии — он включал не только основную общеполитическую идею соглашения 907 года — идею «мира и любви», но и «ряд» — конкретные статьи, посвященные разнообразным торговым, военно-союзным, юридическим и другим вопросам.

Статья о союзных обязательствах Руси по отношению к Византии не только указывает на растущее международное значение русского государства, но и отражает его возросшую экономическую и военную мощь как следствие внутренней централизации.

Соглашение было зафиксировано в аутентичных грамотах, идущих от обеих сторон на их родном языке, и в копиях, написанных на языке другой стороны. Обмен оригиналами и копиями, порядок подписания грамот византийским императором и русскими послами, процедура их клятвенного утверждения свидетельствовали о том, что Русь преуспела в стремлении использовать опыт предшествующих веков по выработке письменных равноправных межгосударственных соглашений. Однако в это время Русь еще не добилась в этой области полного равноправия с Византией. Документ выработывался в императорской канцелярии; греческие послы не появлялись в Киеве; русский князь получил в договоре лишь титул «светлость», что соответствовало невысокой титулатуре в тогдашнем мире.

Во время похода на Восток в 912—913 годах Русь заключила дипломатическое соглашение с Хазарией о проходе русского войска по Дону и Волге на Каспий.

В середине 30-х годов X в. экономическая, военная, политическая мощь Руси продолжала возрастать. Все более активный характер приобретает ее стремление овладеть Северным Причерноморьем, сокрушить византийские опорные пункты в Крыму, прочно утвердиться на восточных торговых путях, и в первую очередь в Приазовье, Поволжье, Закавказье. Против Византии были направлены главные военные и политические усилия Руси в то время. В конфликтной ситуации империя прекратила выплату Руси ежегодной дани, что и обусловило начало войны между соперниками в 941 году.

В этот период Русь попыталась создать антивизантийскую коалицию: Игорь вел на Константинополь печенегов, варягов. Византия опиралась в этой борьбе на союзную Болгарию.

После первого неудачного похода 941 года Русь предприняла в 944 году новое наступление на Византию, но империи удалось остановить на Дунае союзное русско-варяжско-печенежское войско обещанием предоставить Руси контрибуцию и вновь начать выплату ежегодной дани.

После заключения перемирия начались длительные и многократные посольские переговоры и в Киеве, и в Константинополе, закончившиеся выработкой нового русско-византийского договора 944 года. Русь совершенствует порядок выработки дипломатических соглашений, усложняется и расширяется состав посольств, развивается идея общерусского представительства посольств за рубежом.

Договор 944 года включал не только статьи о «мире и любви» 907 года, но и вобрал в себя «ряд» договора 911 года. Однако содержание нового соглашения усложнилось. Его детально разработанные положения глубже отражают характер отношений Руси и Византии и полнее соответствуют уровню развития древнерусской государственности. По существу соглашение 944 года стало вершиной древнерусской дипломатической практики и документалистики, явилось первым развернутым письменным договором о военном союзе двух государств.

Новый шаг сделала русская дипломатия и в период русского похода на Восток в 945 году. Захватив город Бердаа, руссы попытались закрепиться в крае и предприняли меры по заключению договора с местным населением.

Есть также основания говорить о достижениях русской дипломатии в период правления княгини Ольги.

Русское посольство во главе с Ольгой появилось в Константинополе и провело там переговоры по широкому кругу вопросов, в том числе о титулатуре русских великих князей, повышении политического престижа русского государства. Посылка Ольгой посольства в Германию явилась попыткой установить с этой страной отношения «мира и любви», какие были установлены с Византией еще с 860 года.

Таким образом, в середине X века Русь стабилизировала свои отношения с Византией, Хазарией, венграми, варягами, Болгарией, печенегами, установила мирные отношения с Германией. Дальнейшая борьба за интересы Руси в Северном Причерноморье, Крыму, на Дунае, в Приазовье, Поволжье могла встретить ожесточенное сопротивление ее соседей, и в первую очередь Хазарии, блокировавшей русскую торговлю на юго-востоке и державшей в подчинении некоторые восточнославянские племена.

С середины 60-х годов X в. Русь вступила в полосу долгих и тяжелых войн, и дипломатия Святослава развивалась в основном в условиях военного времени, оказавших определяющее влияние на ее характер.

Войны с Волжской Булгарией, буртасами, Хазарией, северокавказскими народами — ясами и касогами, два военных похода в Болгарию, а в промежутке между ними отражение печенежского набега на Киев и, наконец, смертельная схватка Руси с Византийской империей вовлекли в водоворот военных событий 60 — начала 70-х годов X в. многие крупные государства и народы Восточной Европы. Если к этому добавить, что русские военные предприятия в отдельные промежутки времени развертывались параллельно с натиском на Византию со стороны арабов, то становится очевидным, что древняя Русь этого периода стала активным участником крупных политических событий.

Дипломатия князя Святослава Игоревича до сих пор не стала предметом специального исследования, хотя отдельные ее аспекты, особенно русско-болгарские и русско-византийские отношения той поры, получили достаточно широкое освещение. Между тем состояние источников таково, что они позволяют воссоздать не только общую канву военно-политических событий, что не без успеха сделано отечественными и зарубежными историками, но и дать подробный анализ их чисто дипломатической стороны. Такого рода анализ неотделим от исследования

внутри- и внешнеполитической линии как Руси, так и других стран, являвшихся участниками рассматриваемых событий, обуславливает необходимость показа общей международной ситуации, сложившейся к 60—70-м годам X в. В связи с этим мы вслед за отечественными и зарубежными историками, принимая во внимание их наблюдения, достижения, а порой и просчеты, обращаемся к группе источников, давно известных исследователям, но относительно достоверности которых также давно идут научные споры.

1. Обзор источников

Византийские хроники и русские летописи

Основными источниками по данной теме являются «История» Льва Дьякона, византийского автора второй половины X века, подробно описавшего русско-болгарскую и русско-византийскую войны, византийские хроники Скилицы (XI в.) и Зонары (XII в.), «Повесть временных лет», рассказавшая о походах Святослава на Оку и Волгу, против Хазарского каганата, на Северный Кавказ и войнах Руси с Болгарией, печенегами, Византией, а также другие русские летописи.

Лев Дьякон излагает ход событий с момента болгаро-византийского конфликта в 965 или 966 году и до заключительного этапа русско-византийской войны 971 года. Византийский хронист первым из древних авторов сообщает, что после болгаро-византийского конфликта, вызванного отказом Византии платить дань Болгарии и оскорблением болгарских послов, византийский император Никифор Фока направился в поход против болгар, но, решив не подвергать войско риску в местах опасных и неизвестных, повернул назад. Затем он послал к Святославу Калокира, сына херсонесского стратига. Калокир должен был убедить Святослава выступить против Болгарии, и, по мнению хрониста, ему удалось это сделать. Сам же император ушел с войском в Сирию.

Из дальнейшего повествования становится известным, что Никифор II Фока, узнав о победах руссов в Болгарии, приступил к организации своих войск и флота и принялся укреплять Константинополь, попытался примириться с Болгарией и направил к «единоверным миссиям» посольство Никифора Эротика и Феофила Евхаитского с предложением о мире и союзе. Но, как отмечает Лев Дьякон, Никифор II военной помощи болгарам не оказал, несмотря на их просьбы¹.

Лев Дьякон умалчивает, как далее развивались рус-

ско-болгаро-византийские отношения, и возвращается к ним, уже рассказав о захвате византийского престола Иоанном Цимисхием 11 декабря 969 г.

Новый император сразу же столкнулся как с внутри-, так и с внешнеполитическими трудностями. В этих условиях Цимисхий решил договориться с руссами о мире и направил к Святославу несколько посольств, но переговоры не дали желаемых результатов².

Тогда Цимисхий предпринял ряд мер: создал отряд «бессмертных», приказал своим известным полководцам — патрикию Петру и магистру Варде Склиру отправиться «в пограничную и близкую область Мисии», зимовать там и готовить войско; охранять византийские границы от «скифских набегов». Оба выступили с полками в Европу³.

Узнав о появлении византийских войск на Балканах, руссы «отделили от своего войска одну часть и, присоединив к ней рать гуннов и мисян, послали ее против ромеев»⁴. По словам Льва Дьякона, «скифы» были в сражении с Вардой Склиром разбиты, а «некто из знатных скифов», отличавшийся от всех ростом и блеском своих доспехов, пораженный мечом греческого полководца, убит⁵. Здесь же Лев Дьякон сообщает, что Цимисхий дал приказ азиатским войскам переправиться в Европу «зимовать на полях фракийских и македонских». После этого Варда Склир был послан в Малую Азию на подавление вспыхнувшего там восстания Варды Фоки. При этом хронист подчеркивает, что именно Варда Склир остановил быстрое продвижение руссов⁶.

Узнав об уходе Варды Склира, руссы, по сведениям Льва Дьякона, совершали неожиданные набеги, грабили и опустошали Македонию и тем самым доставляли большое беспокойство грекам⁷.

Рассказав о подавлении мятежа Варды Фоки, хронист сообщает о внезапном наступлении греческих войск против Святослава в пасхальные дни 971 года⁸. Цимисхий поставил перед своим войском задачу взять город Преславу — столицу болгар, после чего рассчитывал легко преодолеть сопротивление руссов⁹.

Греки после ожесточенного двухдневного штурма взяли болгарскую столицу Преславу, обороняемую отрядом Сфенкела, где пало много болгар, сражавшихся с греками «как виновниками скифского на них нашествия». После захвата первой линии укреплений внешнего города нападавшие пленили там болгарского царя Бориса с двумя

детьми, причем Борис был одет в царские одежды и сохранял другие символы царской власти. Уже затем был взят в кровопролитном бою царский дворец, и в руки греков попала хранящая там царская казна. Лишь с небольшим отрядом Сфенкел ушел из Преславы, откуда еще ранее бежал под прикрытием ночной темноты Калокир. Цимисхий обласкал Бориса, назвал его царем Болгарии, обещал отомстить руссам за все обиды болгар, провозгласил целью своего похода борьбу за освобождение Болгарии от власти «скифов»¹⁰.

Одновременно хронист пишет о поведении греческих воинов во взятом городе: они «ходили по улицам, убивали неприятелей и грабили их имущества». Преслава тут же была переименована в Иоаннополь. По уходе из города Цимисхий оставил там «достаточную стражу», то есть военный гарнизон¹¹.

Важно привести и высказывания историка о том, что засевший в Доростоле Святослав, «видя, что мисяне отстают от его союза и переходят на сторону государя (византийского императора. — А. С.), и зная, что, если все они присоединятся к нему, дела его кончатся худо, ...созвал всех знаменитых родом и богатством мисян, числом до трехсот человек, и совершил над ними жестокое и бесчеловечное злодейство: приказал всем отрубить головы, а прочих в оковах заключить в темницы»¹².

Интересен и факт гибели в сражении с руссами одного из греческих военачальников — Иоанна Куркуаса, который, сделавшись добычей «варваров», «тем потерпел достойное наказание за безумные преступления против священных храмов: он грабил, говорят, многие в Мисии церкви», обратив ризы и священные сосуды в свою собственность¹³. К этому времени города Плиска, Диня и другие уже «отложились» от руссов и перешли на сторону Цимисхия.

Святослав, видя отчаянность своего положения: большие потери в войсках, полное окружение крепости и с суши, и со стороны Дуная византийским флотом, состоявшим из огненосных судов, — заслал в греческий лагерь своих послов и запросил мира, на который Цимисхий с радостью согласился.

Мир был заключен, и Лев Дьякон кратко излагает его содержание: руссы должны были отдать Доростол, отпустить пленных, покинуть Болгарию, а греки — предоставить русской рати возможность беспрепятственно уйти из Доростола по Дунаю на своих судах, снабдить

ее хлебом, допускать руссов для торговли в Византию и считать этих торговцев «по-прежнему друзьями». Византиец оставил нам редкое описание личной встречи двух противников — Святослава и Иоанна Цимисхия на берегу Дуная, состоявшейся по просьбе Святослава после заключения мира. Святослав говорил с императором «о мире». Заканчивает рассказ о русско-византийской войне Лев Дьякон описанием «нечаянной» гибели Святослава под ударами печенегов и триумфа Цимисхия, посвященного победе над болгарами¹⁴.

Позднее эти события были изложены византийскими хронистами XI—XII веков Скилицей и Зонарой, однако эти авторы привнесли в изложение некоторые новые детали, отсутствовавшие у Льва Дьякона, которые помогают полнее понять смысл политических событий, происходивших в Восточной Европе во второй половине 60 — начале 70-х годов X в.

Скилица начинает историю зарождения болгаро-византино-русского конфликта с известия о направлении Никифором II письма болгарскому царю Петру с требованием, чтобы «тот не разрешал туркам (уграм. — А. С.) переправляться через Истр (Дунай. — А. С.) и не причинять вреда ромеям». Так версия Льва Дьякона получает развитие и дополнение в хронике Скилицы. Здесь на первый план выступают угры, их постоянные набеги на границы империи через территорию Болгарии. Скилица пишет о том, что Петр не обращал внимания на эту просьбу и всячески обманывал греков. Далее следует сообщение о направлении Калокира к Святославу, мало чем отличающееся от данных Льва Дьякона. Подобно своему предшественнику, Скилица считал, что именно посольство Калокира побудило русского князя подняться в поход против болгар в августе 968 года. Руссы во время первого похода Святослава в Болгарию «многие города и селения болгар разрушили до основания. Захваченную огромную добычу обратили в свою собственность»¹⁵. Далее автор сообщает, что руссы «покорили Болгарию», «пленили двух сыновей царя Петра — Бориса и Романа» и решили навсегда остаться в Болгарии «вопреки договору, заключенному ими с Никифором»¹⁶. И вновь это решение руссов хронист связывает с происками Калокира. Скилица приводит некоторые сведения о союзниках Святослава во время второго его появления в Болгарии и русско-византийской войны. Против греков Святослав действовал «сообща с подчи-

ненными ему болгарам, призвав на помощь печенегов и живших западнее, в Пашнонии, безобразных турок (угров. — А. С.)»¹⁷. О действиях объединенных русско-болгаро-печенега-венгерских сил под Аркадиополем против войск Варды Склира Скилица сообщает, что «варвары были разделены на три части: болгары и руссы составляли первую часть, турки — вторую и печенеги — третью»¹⁸. Печенеги были опрокинуты византийской армией в первую очередь.

Следует отметить и сообщения Скилицы о посольстве Святослава к Цимисхию на второй год правления нового императора, что соответствует, по-видимому, 970 году, так как в 971 году Цимисхий ранней весной уже осуществил прорыв своих войск через Балканы. В греческом лагере это посольство оценили как разведку (руссы пришли с целью «вывесть дела ромеев») ¹⁹.

Рассказав о захвате греками Преславы, хронист повторил известие Льва Дьякона о захвате болгарского царя в тот момент, когда на нем были царские знаки отличия. Цимисхий отпустил всех захваченных болгар и объявил, что не они являются его врагами, а руссы. Тем самым Скилица подтвердил данные Льва Дьякона о декларировании Цимисхием византино-болгарской дружбы²⁰. В свою очередь он повторил сведения и о казни Святославом в Доростоле 300 болгар, «которых он подозревал», и о заточении около 20 тыс. пленных, восстания которых он опасался²¹.

Для понимания истинных болгаро-византийских отношений этого времени важное значение имеет, с одной стороны, сообщение Скилицы о том, что к Цимисхию под Доростол прибывали ходатаи из болгарских городов с просьбой о помиловании, а с другой — о том, что он отдал на разграбление своему войску захваченные «многие города и крепости»²². Это соответствует и данным Льва Дьякона.

Интересно сообщение хрониста о ночной вылазке русского отряда в 2 тыс. человек, который по Дунаю ушел в поисках пищи и благополучно вернулся с провизией обратно, разгромив по пути греческие аванпосты²³. Скилица указал и на факт распада коалиции, организованной Святославом: «Собственная их страна находилась очень далеко, а соседние варварские народы, боясь ромеев, не соглашались помогать им»²⁴.

Рассказывая о мирных переговорах руссов с греками под Доростолом, хронист отметил, что Святослав просил

«принять его в число друзей и союзников ромеев». По его просьбе Цимисхий направил послов к печенегам с предложением союза и с просьбой не переходить через Дунай, не разорять Болгарии и «позволить руссам пройти через их землю в свое отечество». Печенеги согласились на все условия, кроме последнего²⁵. Этих данных нет у Льва Дьякона. Скилица также повторил коротко сведения Льва Дьякона о детронизации Бориса II²⁶.

Несколько десятилетий спустя Иоанн Зонара вновь привел в своей хронике описание русско-византийской войны, упомянув, что конфликт между Византией и Болгарией начался с разграбления уграми Фракии²⁷, что в ходе первого похода на Болгарию Святослав подверг опустошению болгарские земли, а в дальнейшем, в период борьбы с Цимисхием, «позвал на помощь» болгар в качестве «союзников»²⁸. Сообщает он и о казнях и других репрессиях в Доростоле и отмечает, что Святослав пошел на эти меры против болгар, «боясь, как бы они не восстали прогив него»²⁹. Сообщил он и о просьбе Святослава во время мирных переговоров с Цимисхием под Доростолом принять его в состав «друзей и союзников» империи, на чем стороны и согласились³⁰. Этот византийский автор, как и Скилица, повторил известия о детронизации Бориса II³¹.

Данные византийских хронистов дополняются сведениями русских летописей.

«Повесть временных лет» содержит ряд фактов во внешнеполитической истории Восточной Европы 60 — начала 70-х годов X в., которых нет ни у Льва Дьякона, ни у позднейших византийских хронистов. Так, под 964 год она сообщает о начале крупных завоевательных походов Руси: Святослав осуществил поход на Оку и Волгу и вторгся в землю вятичей, а затем, в 965 году, повернул на хазар, разгромил их войско и захватил их города, в том числе Белую Вежу (Саркел). После этого он направился на Северный Кавказ, где одержал победу над ясами и касогами³². Новгородская I летопись уточняет, что он и ясов, и касогов «приведе Киеву»³³.

Под 966 год «Повесть временных лет» приводит сведения о вторичном походе Святослава на вятичей и обложении их данью, что подтверждают и другие летописи, восходящие к древнейшим сводам³⁴.

Русские летописи ничего не знают о болгаро-византийском конфликте, о посольстве Калокира и сразу же сообщают под 967 год о походе Святослава «на Дунай на

Болгары», о разгроме болгарской армии, захвате городов «по Дунаеви» и о том, что русский великий князь «сече княжа ту въ Переяславци, емля дань на гръцех»³⁵.

Однако далее русская летопись приводит сведения, которые оказались неизвестными византийским хронистам, упоминающим о событиях, происшедших между первым и вторым походами Святослава в Болгарию. Русская летопись говорит о том, что в 968 году под Киев пришли печенеги и Святославу пришлось срочно отправляться на выручку своего стольного города. Причем киевляне послали к нему гонцов со словами: «Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охавивъ...»³⁶.

Летописец далее сообщает, что Святослав вернулся в Киев, а затем «собра вои, и прогна печенеги в поли, и бысть миръ»³⁷.

Летопись содержит и другие сведения относительно намерений Святослава в Болгарии. Заслуживают внимания еще два важных и несомненно связанных друг с другом свидетельства. Первое — это известная фраза, приписываемая Святославу и сказанная им своей матери в ответ на укоры: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, поволоки, вина и оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скоро и воскъ, медь и челядь»³⁸. Второе — это сведения о разделе Святославом своей Киевской земли между сыновьями, когда он Киев отдал старшему Ярополку, в Древлянской земле посадил Олега, а новгородцам отдал на княжение по их просьбе Владимира³⁹. Произошло это, по данным летописи, в 970 году.

Под 971 год «Повесть временных лет» сообщает, что Святослав вновь пришел в Болгарию, взял Переяславль штурмом, а затем объявил грекам: «Хочю на вы ити и взяти градъ вашъ, яко и сей»⁴⁰. Византийские хроники не знают факта вторичного прихода русской рати в Болгарию, зато Лев Дьякон сохранил сведения о переговорах Святослава с послами Цимисхия, во время которых русский князь также заявил, что он намерен взять Константинополь. Таким образом, о намерениях руссов овладеть Константинополем речь идет как в византийском, так и в русском источниках.

Факт этих переговоров, приводимый летописью, соответствует сведениям Льва Дьякона о первом посольст-

ве Цимисхия к руссам, когда византийский император, столкнувшись с трудностями, решил заключить со Святославом мир. Летопись сообщает, что во время этих первых переговоров греки согласились дать руссам дань («но возми дань на насъ, и на дружину свою»⁴¹).

Русский летописец видит причину провала переговоров в том, что греки якобы не собирались выплачивать дань, а лишь старались выяснить количество русских воинов, но в конечном итоге и он сообщает те же сведения, что и византийский хронист: «... и не даша дани»⁴². «И поиде Святославъ на греки», — рассказывает далее летопись. Она повествует о битве, состоявшейся между руссами, возглавляемыми своим князем, и греками, передает речь Святослава перед боем, обращенную к воинам, сообщает, что «бысть сеча велика», но, в отличие от Льва Дьякона, который также говорит о битве между руссами и греками, предводительствуемыми Вардой Склиром, летописец изображает совершенно иной исход дела: «...и одоле Святославъ, и бежаша гръци. И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая»⁴³. Затем рассказывается о втором посольстве греков к руссам, испытании Святослава золотом и оружием и т. д. Факт второго посольства вновь находит отражение в «Истории» Льва Дьякона. Однако известия о посольствах следуют одно за другим, а потом уже сообщается о начале отчаянной борьбы греков с руссами: походе патрикия Петра и Варды Склира в 970 году и битве под Аркадиополем. Русская летопись разделяет эти посольства битвой и дальнейшим движением Святослава «ко граду». Лев Дьякон также сообщает, что после ухода Варды Склира на подавление восстания Варды Фоки в военных действиях наступила пауза.

А теперь посмотрим, какие цели, согласно «Повести временных лет», ставило перед собой второе посольство Цимисхия к Святославу. Император через послов просил передать русскому князю: «„Не ходи къ граду, возми дань, еже хочещи“; за маломъ бо бе не дошелъ Царяграда. И даша ему дань, имашеть же и за убьеня, глаголя, яко «Род его возметь». Взя же и дары многы, и възратися в Переяславецъ с похвалою великою»⁴⁴. В данном случае русская летопись дополняет сведения Льва Дьякона и объясняет почти годичную паузу в активных боевых действиях между руссами и греками тем, что империя вновь согласилась уплачивать дань Руси. Дальнейший ход военных операций русскому летописцу не

известен. Он также неосведомлен о проходе греков через Балканы, о взятии Преславы, сражениях за Доростол. Сведения летописца вновь совпадают с известиями Льва Дьякона и других византийских хронистов лишь в описании тяжелого положения русского войска на Дунае и начала мирных переговоров между воюющими сторонами, причем летописец убежден, что русские послы были посланы к императору в Доростол, хотя Лев Дьякон и другие византийские хронисты считали, что в Доростоле до конца держались русские и именно оттуда ушли на родину. Уже этот факт указывает на смутное представление русского летописца о событиях под Доростолом. Зато несравненно полнее выглядят сведения «Повести временных лет» о ходе переговоров с греками. В ней говорится о том, что на предложение Святослава о мире Иоанн Цимисхий откликнулся немедленно и с радостью, что находит подтверждение и в хронике Льва Дьякона. Причину стремления русских к миру объясняют слова Святослава, обращенные им к дружине: «А Руска земля далеча, а печенези с нами ратьни, а кто ны поможет? Но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди доволно намъ. Аще ли почнетъ не управляли дани, да изнова из Руси, совкупивше вои множайша поидемъ Царюгороду»⁴⁵. Вопрос о дани вновь выходит на первый план в русско-византийских переговорах, о чем умолчали византийские хронисты, правда, охарактеризовавшие договор, заключенный Святославом с Цимисхием, как соглашение, по которому руссы были приняты вновь в число «друзей» и «союзников» империи, что было возможно лишь в случае уплаты Византией «варварам» регулярной дани.

В «Повести временных лет» сообщается о ходе мирных переговоров с греками, в ней помещен текст договора Руси с Византией, которого не знали византийские хронисты.

Текст «Повести временных лет», посвященный делам Святослава, заканчивается сообщением о его возвращении на родину, зимовке на Белобережье и гибели на днепровских порогах под ударами печенегов.

Следует сказать и об оригинальных сведениях Устюжского летописного свода, который сохранил более древнюю и полную редакцию Начального свода, чем «Повесть временных лет»⁴⁶. Устюжский летописец, излагая канву уже знакомых нам событий, сообщает некоторые любопытные подробности. Так, рассказав о взятии Свя-

тославом Белой вежи, автор повторил версию Новгородской I летописи о том, что Святослав, одолев ясов и касогов, «приде в Киев»⁴⁷, хотя в «Повести временных лет» нет указания на место возвращения князя, а в Новгородской I летописи отмечается, что к Киеву Святослав привел ясов и касогов.

Автор этой летописи убежден, что после первого похода на болгар Святослав сидел в Переяславце-Волинском «емля дань на грецах».

Устюжский летописный свод, рассказывая о втором походе в Болгарию, сообщает ряд дополнительных подробностей о взятии Святославом Переяславца: «И затворишася от него переславцы в городе. Потом же излезоша, нарядяся на сечу против Святослава, и одоляху болгаре переславцы, и к вечеру одоле Святослав, и взял копием град. И рече: «Сеи град мой», и казни в нем изменников смертью»⁴⁸.

В иных летописных текстах и даже в записи В. Н. Татищева об этом эпизоде, сделанной, как можно предполагать, на основе не дошедшего до нас источника, переяславцы отождествляются с болгарами. В сведениях же Устюжского свода по этому вопросу имеются некоторые нюансы. С одной стороны, мы видим здесь «болгар-переславцев», которые были разбиты в открытом бою; с другой — неких «изменников», которых Святослав предал смерти. Кто они? Те же болгары? А может быть, часть русского гарнизона, сдавшая город болгарам? Судить трудно. Но важно, что данный текст позволяет нам сопоставить факт казни изменников в Переяславце и репрессии против болгар, готовивших восстание против русов в Доростоле, о чем поведали византийские хронисты. Такое сопоставление дает возможность более полно представить характер противоречий в болгарском обществе в период исследуемых событий.

В спорах о том, какой город взял Святослав во время второго похода — Великий Преслав или Переяславец на Дунае, то есть Малый Преслав, Устюжский летописный свод ясно говорит в пользу Малого Преслава, так как «изменники» могли быть только там, где власть русов утвердилась ранее, как это было в Переяславце на Дунае. Во время первого похода до Великого Преслава (Преславы) руссы не дошли.

Наконец, важно обратить внимание и на слова Святослава «сеи град мой», которые еще раз напоминают нам о стремлении русского князя прочно утвердиться именно

на Дунае, сделав Переяславец центром своего государства.

Устюжский летописный свод, так же как и другие летописные списки, рассказывает о посольских переговорах Святослава с греками и приводит новые сведения относительно второго посольства греков к руссам, в частности о самой процедуре переговоров.

Пропустив затем, как и остальные летописные своды, описание событий под Доростолом, Устюжский свод сообщает, что Святослав собрался идти в Русь, так как многие его воины были убиты, «а к Переяславцу не пошел»⁴⁹.

Сопоставление этих фактов с другими сведениями о Переяславце, сообщаемыми этим же сводом, а также с данными, приводимыми В. Н. Татищевым, помогает нам шире представить себе роль этого города в происходившей борьбе и показывает, что и на последнем ее этапе жители города сыграли определенную роль.

О достоверности византийских и русских источников

Вопрос о достоверности сведений византийских хронистов, об их соотношении, а также о достоверности известий «Повести временных лет» и других русских летописей и их соответствии данным греческих хроник давно уже стал предметом исторических исследований.

А. Чертков еще в середине XIX века первым попытался дать анализ известных ему источников: «История» Льва Дьякона, хроник Скилицы, Зонары, «Повести временных лет». Автор считал, что «История» Льва Дьякона — это «главнейший и единственный источник» о войнах Святослава в 967—971 годах, русская же летопись содержит многочисленные умолчания и лакуны¹. Давая в целом положительную оценку «Истории» Льва Дьякона, А. Чертков вместе с тем замечает и некоторые слабости этого источника. По его мнению, Лев Дьяков не-

точно излагает причину болгаро-византийского конфликта в 966 году, ограничиваясь лишь вопросом о дани, в то время как Скилица и Зонара указывают на антивизантийские действия болгар, их сговор с уграми, которые продвигались к границам Византии через болгарскую территорию². Обходит Лев Дьякон вопрос о набегах руссов на Фракию, разорении ими Македонии³. Историк подвергает сомнению данные византийского хрониста о количестве русских войск⁴. Не знает Лев Дьякон и об участии печенегов в битве под Аркадиополем, о чем пишут Скилица и Зонара⁵, то есть в «Истории» нет сведений о полном составе антивизантийской коалиции того времени, организованной Святославом. Неизвестен Льву Дьякону и факт ухода Святослава в Киев, его новый поход на Болгарию.

В 70-х годах XIX в. Е. А. Белов оспорил тезис А. Черткова о недостоверности и отрывочности сообщений «Повести временных лет». Он отметил, что летопись повествует как об удачах, так и о трудностях руссов, хотя в ней пропущены сведения о последнем этапе борьбы Святослава с Иоанном Цимисхием⁶. Одновременно Е. А. Белов высказал недоверие к сообщению Льва Дьякона о том, что греки якобы одержали победу под Аркадиополем. Белов обратил внимание на то, что русский летописец, рассказав о победе Святослава над греками после второго появления в Болгарии, далее повествует о борьбе руссов с греками в «чистом поле». Одолев греков, руссы двинулись «ко граду», то есть к Константинополю, воюя и разбивая другие «грады». Это известие, как отметил Е. А. Белов, находит подтверждение и в византийских источниках о набегах руссов на Македонию. А это значит, что под Аркадиополем руссы не потерпели поражения. Историк увидел и общность сведений «Повести временных лет» и Скилицы об итогах военной кампании Святослава в Болгарии: Русь была вновь принята в число «союзников» и «друзей» Византии, а значит империя и впредь должна была платить Руси традиционную дань. О дани сообщено в русской летописи, о статусе «союзников» — в византийской хронике, а в общем речь идет об одном и том же⁷.

С. М. Соловьев, рассмотрев вопрос о противоречиях между известиями византийских и русских хронистов, а точнее о молчании «Повести временных лет» по поводу неудач Святослава, высказал предположение, что оно может быть объяснено не преднамеренной переделкой

летописи последующими переписчиками, а отсутствием сведений об этих неудачах в летописных первоисточниках. Историк обратил внимание на то, что в летописи неоднократно говорится о трудностях и неудачах военачальников, не менее крупных, чем Святослав. Известие же о делах руссов на Дунае и на Балканах принесли в Киев поначалу Свенельд и его люди, которые и умолчали о своих неудачах на втором этапе войны. Да и «внешний состав рассказа несколько не обличает выпуска», — утверждает С. М. Соловьев. Летописец весь текст построил таким образом, что в нем, как считает Соловьев, нет места рассказу о поражениях руссов: текст выглядит единым и не обнаруживает пропусков⁸.

В 1880 году новый источниковедческий экскурс по части восстановления истинных событий на Балканах в 60—70-х годах X в. предпринял в своей ранней работе Д. И. Багалея. Вслед за А. Чертковым он отдал предпочтение «Истории» Льва Дьякона, считая, что в русских летописях балканская кампания Святослава изображена неполно, «выхвачены из нее только некоторые эпизоды»⁹. Труд же византийца автор оценил в соответствии с историографической традицией XIX века весьма высоко, отметив, что «он не утаивал фактов, могущих бросить некоторую тень на изображаемых им лиц»¹⁰. Но, излагая шаг за шагом историю событий по Льву Дьякону, Багалея справедливо заметил, что и в греческом источнике, и в русской летописи совпадает ряд позиций. Во-первых, это относится к хронологии, хотя у Льва Дьякона не дано ни одной точной даты. Однако первый поход руссов в Болгарию он приурочивает ко времени после народного мятежа 966 года, что близко к дате русской летописи — 967 году. Историк констатирует, что до 970 года, по сведениям Льва Дьякона и русской летописи, не было враждебных действий между руссами и греками¹¹. Согласно летописи, договор 971 года был заключен в июле, и у Льва Дьякона кульминация военных событий под Доростолом относится к июлю¹². Хотя русский автор ничего не знал о взятии ряда городов в южной Болгарии, но, говоря о том, что Святослав немного не дошел до Константинополя, он косвенно подтвердил данные византийских хроник и о регионе действий русских войск¹³. И греческий, и русский источники в общем дают примерно одинаковую канву военных событий: сначала верх одерживали руссы, а затем военное счастье склонилось на сторону греков, «но постоянного и решитель-

тельного успеха не имела ни одна сторона...»¹⁴. Оба источника, как отмечает Багалея, сходно передают речи Святослава, описывают его личную храбрость¹⁵. Однако некоторые сведения летописи автор считает недостоверными. Среди них сообщения о победе Святослава, о взимании им дани с греков, на которую нет даже намека в договоре 971 года. Налицо пропуск многих событий. Он восполняется лишь благодаря известиям Льва Дьякона.

Багалея подробно рассматривает аркадиопольскую битву. Возражая Белову, он заметил, что описанию этой битвы в русской летописи верить нельзя, так как оно не носит цельного характера, а скомпоновано из отдельных эпизодов, заимствованных главным образом у византийских писателей. Так, в одном отрывке говорится о какой-то битве и победе Святослава над греками, а во втором — о завоевании им ряда городов¹⁶. Однако завоевание городов могло произойти, по мнению Багалея, лишь после аркадиопольского сражения, когда Варда Скляр ушел в Малую Азию, а во главе греческих войск был поставлен бесталаный Иоанн Куркуас. Рассказ летописи относится не к тому сражению, о котором пишут византийцы, имея в виду действия Варды Скляра в Европе, а к одному из сражений под Доростолом. В пользу этого говорит и наличие разных оценок греческими источниками и летописью этого сражения. Греки, замечает Д. И. Багалея, пишут о нем как о сражении небольших сил, а летопись оценивает его как решающее. (Если это так, то как же можно отнести его к событиям под Доростолом, где, как известно, не было такого решившего судьбу войны сражения? — А. С.). Согласно летописи, пишет историк, во главе войска руссов стоял сам Святослав, а у Льва Дьякона — некий вождь, убитый в этой битве¹⁷.

Д. И. Багалея обращает внимание на то, что летопись не знает о взятии греками Преславы, точно так же как не знает и всего хода кампании¹⁸.

А. В. Логинов также сделал попытку сопоставить отдельные сведения Льва Дьякона и русского летописца и заметил, что и византийский и русский авторы говорят о двукратных переговорах противоборствующих сторон¹⁹.

Весьма скептически отнесся к известиям «Повести временных лет» об участии Руси в международных событиях второй половины 60 — начала 70-х годов X в. А. А. Шахматов.

Касаясь восточного похода Святослава, А. А. Шахматов выделил в летописных сведениях ряд слоев и поставил под вопрос достоверность фактов, сообщаемых поздними составителями летописи. Однако не все доводы А. А. Шахматова безупречны. Так, он посчитал, что сведения о двух походах Святослава против вятичей — это позднейшая вставка. При этом он исходил из того, что после сообщения об обычае Святослава предупреждать своих врагов о нападении на них («Хочю на вы ити...») в летописи приводятся сведения о нападении руссов на вятичей и о походе Святослава на Оку и Волгу. На самом же деле, считал А. А. Шахматов, никакого похода в район Волги и Оки не было: Святослав шел на хазар, то есть в район низовьев Дона, и случайно набрел на вятичей, которые, видимо, жили в X веке «где-нибудь около Дона». Позднейший же автор застал их уже на Оке и сделал соответствующую приписку.

Второго же похода на вятичей, полагал А. А. Шахматов, не было вовсе, так как невероятно, чтобы Святославу пришлось вторично побеждать вятичей после решительной победы над хазарами, от которых они зависели.

Оба аргумента нам представляются сомнительными. Известная фраза «Хочю на вы ити...» стоит в разделе, характеризующем личность Святослава, его деятельность военачальника, и не соотносится ни с каким конкретным походом, в том числе и с походом на хазар. Затем летописец сообщает о военных предприятиях Святослава. Вот тут и появляется сообщение о его первом походе: «И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи»²⁰. Сообщается о походе на вятичей под 964 год, о походе на хазар под 965 год, что говорит о длительности похода на северо-восток, после которого руссы не сразу двинулись против Хазарии. Здесь мы должны воспользоваться сведениями Ибн-Хаукаля о нападении руссов на волжских болгар и буртасов. Эти данные, как и известия русского летописца, свидетельствуют о том, что поход руссов на Оку и Волгу предшествовал нападению на хазар. К тому же и В. Н. Татищев сообщил об этом походе, посчитав, что Святослав покорил вятичей и возложил на них дань²¹.

Б. А. Рыбаков убедительно показал, что путь Святослава на Оку и Волгу совпадал с древним путем славяно-руссов от Киева к Булгару. От Киева русские караваны шли в район Воронежа, далее через лесостепные прост-

ранства в район Пензы и южнее Тамбова, а затем через мордовские леса и степи к правому берегу Волги. Ни о каких низовьях Дона здесь не было и речи²².

Несостоятелен и аргумент А. А. Шахматова о невероятности двукратного похода руссов на вятичей. Подчинение восточнославянских племен, как известно, порой требовало больших усилий. Например, упорное сопротивление власти Киева оказали древляне. После разгрома Святославом хазар и ухода русской рати в Киев вятичи (если согласиться, что Святослав подчинил их в 964 г., в чем мы сомневаемся) вполне могли воспользоваться благоприятной ситуацией и «отложиться» от Киева, что и обусловило необходимость нового похода Святослава в окские леса. А это значит, что если сведения русской летописи о восточном походе Святослава действительно позднего происхождения, в чем приходится усомниться, то они вполне достоверно отражают ход событий.

Весьма спорным представляется и толкование А. А. Шахматовым сведений русской летописи относительно балканской кампании Святослава.

А. А. Шахматов, опираясь на греческие источники, поддержал тех историков, которые находили в сообщении летописи по этому вопросу «ряд несообразностей, противоречащих исторической правде»²³. К ним он прежде всего относил хронологию летописи. Во-первых, у греческих хронистов, полагал историк, говорится о двух походах на Болгарию, датированных 968 и 969 годами. Согласно русской летописи, между первым и вторым походами прошло три года. Во-вторых, «народная память» удержала лишь победы Святослава, поэтому в летописи нет сведений о его поражениях. К «народной памяти» А. А. Шахматов также относит и известие об «унижении» Византии в виде ее согласия уплатить Руси денежный выкуп²⁴.

В то же время исследователь обратил внимание на то, что ряд фактов, отраженных в летописи, имеет в своей основе письменный источник, так как народная память просто не могла бы удерживать их. Это сведения о 80 захваченных Святославом болгарских городах, Переяславце, являвшемся «середой» Святославовой земли, о чем не мог знать «скромный монах» XII века, о трех речах Святослава, напоминающих речи, помещенные в хрониках Льва Дьякона и Скилицы. А. А. Шахматов предполагал, что в данном случае автор Древнейшего свода использовал какую-то болгарскую хронику, восхо-

дящую либо к «Истории» Льва Дьякона, либо хронику анонимного автора, чьим трудом воспользовался Скилица. На этот вопрос обратил внимание В. Г. Васильевский²⁵, а позднее его более подробно рассмотрел М. Я. Сюзюмов.

Сведения же о нападении печенегов на Киев, возвращении Святослава на Русь, смерти Ольги — это вставка автора Древнейшего свода. Зная о двух походах руссов на Балканы из болгарской хроники, в «русских источниках он подыскал причину двукратного похода»²⁶. А это значит, что между походами Святослава в Болгарию и событиями на Руси не было никакой связи. Эту связь, по мнению А. А. Шахматова, искусственно создал летописец. А. А. Шахматов даже предположил, что в основе рассказа о нашествии на Киев печенегов лежало народное устное предание о походе Святослава не в Болгарию, а на Восток, так как речь идет о событиях, развертывавшихся на восточном берегу Днепра²⁷. В пользу того, что это «позднейшая вставка», говорит, по мнению Шахматова, ряд противоречивых сведений, отраженных в летописи: после похода отряда Претича положение киевлян должно было бы улучшиться, а на деле блокада стала еще тяжелее, чем раньше. Летописец сообщает, что печенеги отступили от града («отступиша»), но киевляне не получили облегчения и даже не могли напоить коней в Днепре. Следовательно, правильными были бы слова «оступиша градъ», то есть «обступили Киев». А если так, то это — повторение, происшедшее в результате вставки. Позднейший редактор, автор Начального свода, убрал повторение, а смысловое несоответствие сохранил. Такова логика рассуждений Шахматова. Это значит, что автор Древнейшего свода «вернул» Святослава из Болгарии, а затем «отправил» его туда обратно. Автор же Начального свода попытался ликвидировать смысловую неправомерность, явившуюся результатом вставки²⁸.

Автор Древнейшего свода нашел причину второго похода Святослава в Болгарию в словах о значении Переяславца. На самом деле, считает Шахматов, эти слова могли быть сказаны русским князем лишь в Болгарии и вложены в уста Святослава болгарским хронистом²⁹.

Если, по сведениям Древнейшего свода, Святослав отправился в Болгарию без промедлений, то, по данным Начального свода, он прожил в Киеве до смерти матери, разделил свою «отчину» между сыновьями и лишь затем отправился на Дунай³⁰. Далее, в Начальном своде вновь следуют известия болгарской хроники. Но почему бол-

гарской? Именно для болгар Святослав стал сказочным героем, так как, «быть может, национальное чувство болгар, униженное порабощением их Святославом, искало себе утешения в мысли, что Святослав бил и греков, что греки спасли свой город данью и щедрыми подарками». История же зимовки Святослава на Белобережье, его гибели на порогах принадлежит, по Шахматову, автору Древнейшего свода.

Что касается оценок А. А. Шахматовым сведений летописи о балканских походах Святослава, то следует заметить, что мысль исследователя об отражении в них как устных народных, так и письменных источников вполне правомерна. В историографии давно уже было замечено, что о поражениях Святослава летописец не знал: народное предание их не донесло до XII века, так как вернувшиеся в Киев руссы, видимо, умалчивали о своих неудачах. Наиболее убедительным аргументом в пользу того, что автор «Повести временных лет» не фальсифицировал события, а просто не знал о них, является его полная уверенность, что русские послы явились к Цимисхию для заключения договора 971 года в Доростол. Сведения о месте заключения договора летописец взял из текста самого договора и посчитал, что в этом городе и находился Цимисхий. Таким образом, он признал, что город был взят греками, чего в действительности не было.

В то же время к «народной памяти» А. А. Шахматов отнес сведения о готовности греков во время переговоров со Святославом уплатить руссам как традиционную дань, так и контрибуцию на войско, что являлось обычным условием соглашений Византии с руссами и другими «варварскими» государствами в прежние времена. А. А. Шахматов, не обратив внимания на постоянство сведений об уплате дани, посчитал их преданием. Между тем именно этот факт, очевидно, является одним из наиболее достоверных во всей истории походов, поскольку вполне соответствует всей строю отношений Руси с империей в IX—X веках³¹.

Можно согласиться с историком относительно «книжности» ряда приводимых им летописных сведений, за исключением, пожалуй, его мнения о том, что «скромный монах» не мог знать торгового и политического значения Переяславца. Этот аргумент неубедителен, так как многие другие весьма значительные события и факты были известны этому монаху и нет оснований пола-

гать, что данный факт он должен был обязательно почерпнуть из болгарской хроники.

Сравнивая сведения греческих хроник и русской летописи, мы уже обратили внимание на то, что им свойственны некоторые общие мотивы. Вопрос стоит так: либо русский автор воспользовался каким-то источником, восходящим к византийским хроникам, либо сам знал события, которые были отражены и в византийских источниках. Вторая гипотеза представляется нам более вероятной. Канва событий второго похода действительно сходна у византийских и русского авторов, однако различия в деталях так существенны (например, сведения о битве руссов и греков под Аркадиополем, событиях под Доростолом и др.), что приходится сомневаться в знании русским автором какой-то болгарской или византийской хроники. Из нее летописец мог бы почерпнуть неизмеримо больше сведений для возвеличивания русского князя, чем он это сделал, и уж во всяком случае не указывать вымышленного факта захвата Доростола Цимисхием.

Кроме того, нельзя забывать, что летописцу известен полный текст русско-византийского договора 971 года, которого не знал ни один византийский автор, а это весьма веский довод в пользу того, что летописец располагал сведениями чисто русского происхождения.

Можно считать, что описание событий, происшедших в Киеве в 968—970 годах, — это позднейшая, по сравнению с первоначальным текстом, вставка, но вряд ли можно согласиться с мнением Шахматова, будто она потребовалась летописцу для того, чтобы «вызвать» Святослава из Болгарии, а потом «отправить» его обратно. Мы знаем, сколь искусно византийские политики использовали силу печенегов в своих целях в районе Восточной Европы, и их удар по Киеву явился логическим следствием развития событий на Дунае, появления руссов в опасной близости к византийским границам. Мог ли покинуть Святослав Болгарию? Безусловно — да, так как положение там стабилизировалось, болгары были замиренны, а Никифор Фока находился в Сирии; кроме того, в Болгарии Святослав оставил значительную часть своего войска и ушел к Киеву лишь с конной дружиной. Сообщение летописца представляется нам достоверным.

Смерть Ольги 11 июля 969 г. — факт, не вызывающий сомнений, и трудно предположить, что Святослав мог после победы над печенегами немедленно уйти вновь на Ду-

най, оставив в Киеве умирающую мать и неустроенное государственное управление, тем более если учесть его намерение окончательно закрепиться на Дунае, которое, конечно, становится очевидным не из его слов о «середе» земли, а из его действий на Балканах. Следует учитывать и то, что князь не только отогнал печенегов от Киева, но и пошел за ними в степь, сокрушил их и заключил с ними мир, для чего, как известно, необходимо было время. Поэтому предположение историка об искусственном растягивании хронологии событий автором свода представляется необоснованным³².

Что касается аргументов Шахматова в пользу болгарского источника русской летописи, то они неубедительны. Почему Святослав должен был говорить о значении Переяславца лишь после его вторичного захвата и никак не в Киеве? Как можно считать, что русский князь стал героем болгарских хроник лишь потому, что болгары были благодарны ему за то, что он бил греков? На эти вопросы также ответить чрезвычайно трудно³³. А поскольку данные аргументы Шахматова являются основными в отстаивании приоритета болгарской хроники перед русским источником, то и сама концепция исследователя вызывает серьезные возражения.

Интересный параллельный анализ хроник Льва Дьякона, Скилицы и Зонары предпринял М. Я. Сюзюмов³⁴, затронувший также вопрос о сопоставимости сведений греческих хроник и «Повести временных лет» о балканских походах Святослава.

М. Я. Сюзюмов обратил внимание на то, что, приступая к изложению событий, относящихся к периоду самостоятельного правления Константина Багрянородного (с 945 г.), Скилица перестает пользоваться хроникой продолжателя Феофана. В основе его труда появляется какой-то другой источник. Автор показывает, что и Лев Дьякон, и Скилица пользовались этим общим источником. Скилица лишь дополняет Льва Дьякона. Противоречий между ними нет³⁵.

Для нас данный вывод важен потому, что Скилица действительно сообщает ряд оригинальных сведений по исследуемому нами вопросу, которые позволяют по-иному, чем это делает Лев Дьякон, оценить некоторые международные ситуации конца 60-х годов X в., и в частности взаимоотношения между уграми, болгарами и греками. Оба хрониста пользовались и другим общим источником, содержащим описание правления Иоанна Цимис-

хия, в том числе его сирийских походов, восстания Варды Фоки, войны с Русью³⁶.

Иоанн Зонара также пользовался как хроникой своего предшественника Скилицы, так и его источником. Этот вывод Сюзюмов сделал, анализируя все те же сведения об угро-болгаро-византийских отношениях. Скилица лишь сообщил о том, что болгары не препятствовали уграм проходить по их территории. Зонара приводит более подробно причины конфликта³⁷. Эти наблюдения историка позволяют нам с известным основанием пользоваться данными Скилицы и Зонары как восходящими к оригиналу X века.

Что касается «Истории» Льва Дьякона, то М. Я. Сюзюмов весьма скептически относится к достоверности ряда его сообщений. Историк заметил, что Лев Дьякон является эпигоном греческого историка Агафия (VI в.)³⁸. Некоторые ситуации X века Лев Дьякон описывал, взяв за образец факты юстиниановской эпохи, сообщенные Агафием. Поэтому, считал Сюзюмов, Лев Дьякон использовал лишь обобщающий фактический материал; подробности же исторической обстановки он зачастую придумывал сам, опираясь на сведения либо Агафия, либо какого-нибудь другого историка³⁹. Сюзюмов замечает, что Скилица многие факты приводит точнее, чем Лев Дьякон⁴⁰. Так, последний сообщил, что Цимисхий приказал своим азиатским войскам переправиться через Геллеспонт в Европу после битвы под Аркадиополем. Согласно Скилице, эти войска появились на европейском театре военных действий до битвы под Аркадиополем, а после сражения отправились обратно на подавление восстания Варды Фоки⁴¹. Как и А. Чертков, автор показал недостоверность данных Льва Дьякона о численности русского войска⁴².

М. Я. Сюзюмов считал, что греческие хроники передают одну и ту же версию русско-византийской войны. Эта версия, по его мнению, изложена и в русской летописи. Сопоставляя данные греческих хроник и «Повести временных лет», Сюзюмов пришел к выводу о том, что их авторами был использован, возможно, какой-то болгарский хронограф, существование которого предположил А. А. Шахматов и в основе которого могла лежать неизвестная нам греческая хроника. Он заметил общность сведений Скилицы и русской летописи о речах Святослава, об удивлении, высказанном руссами при виде богатств Болгарии. О первом походе Святослава в Болга-

рию дают схожие сведения Скилица, Яхья Антиохийский, Лев Дьякон и русская летопись⁴³. Нам, однако, представляется, что Сюзюмов не сумел доказать заимствование русским книжником сведений греческих хроник, а лишь еще раз подтвердил достоверность основных событий, в изложении которых существует согласие между греческими хронистами и русской летописью.

Вместе с тем историк отметил, что многие подробности событий византийскими хронистами упущены. К ним относится битва руссов с греками, в которой во главе русского войска стоял сам Святослав. Византийской армией руководил патрикий Петр, о котором как об одном из полководцев империи, направленном наряду с Вардой Склиром против руссов, упоминает Лев Дьякон. Далее Петр в его «Истории» не упоминается. Варда Склир направляется в Малую Азию, во главе греческих войск в Европе встает Иоанн Куркуас. А это значит, делает весьма интересный вывод М. Я. Сюзюмов, что, в то время как Варда Склир под Аркадиополем разбил войска коалиции (угров, печенегов, болгар, сражавшихся вместе с одним из русских отрядов), сам Святослав нанес поражение армии патрикия Петра во Фракии. Об этом-то сражении и говорит русская летопись как о победоносной для руссов битве, где отличился и сам русский князь. В связи с этим историку представляется беспредметным спор о том, кто же одержал верх в аркадиопольской битве — русские или греки⁴⁴.

В советское время источниковедческой стороны вопроса касались Ф. И. Успенский, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, М. В. Левченко. И вновь мы видим расхождения в оценке источников, обусловленные, видимо, тем, что историки не обратились к прежним наблюдениям Белова, Багалея, Шахматова, Сюзюмова, во многом прояснившим некоторые источниковедческие вопросы темы.

Ф. И. Успенский полностью доверяет Льву Дьякону в общей оценке событий, хотя и отмечает, что роль Калокира в инспирировании нашествия руссов на Болгарию византийским хронистом явно преувеличена⁴⁵. Б. Д. Греков лишь заметил, что Лев Дьякон рассказывает о событиях гораздо подробнее, чем русская летопись⁴⁶. М. Н. Тихомиров, напротив, высказал сомнение в достоверности известий византийских хронистов. Он разобрал данные Льва Дьякона, Скилицы, Зонары и показал, что их сведения о зверствах руссов в Болгарии противоречат другим ими же приводимым фактам. Так, Лев Дьякон, Ски-

лица, Зонара говорили об участии болгар в боях на стороне руссов; Лев Дьякон сообщил о том, что болгары совместно с руссами обороняли Преславу, что Святослав сохранил Борису его власть над страной и оставил за ним знаки царского достоинства, не тронул царских сокровищ и церковных святынь⁴⁷. Признавая правильность этих замечаний М. Н. Тихомирова, заметим все же, что участие болгар в антивизантийских действиях еще не снимает вопроса о жестокостях руссов на территории Болгарии по отношению к провизантийски настроенной болгарской знати.

М. В. Левченко, отстаивая правильность летописной хронологии событий, также обратил внимание на недостоверность ряда сообщений византийских хронистов, в частности о количестве русских воинов под Аркадиополем и Доростолом⁴⁸. В отличие от Е. А. Белова, М. В. Левченко считает недостоверными сведения русской летописи о победе русских войск под Аркадиополем. Если руссы одержали там победу, рассуждает автор, то почему они не двинулись на Царьград, почему получил поощрение Варда Скляр в виде назначения его командующим войсками против мятежного Варды Фоки? Отмечает автор и то, что русская летопись ничего не сообщает о заключительном этапе войны⁴⁹.

Из зарубежных историков отдельные источниковедческие экскурсы по поводу событий 60—70-х годов X в. в Восточной Европе предприняли в 1930 году болгарский историк Н. П. Благов, а в 60-х годах английский историк А. Стоукс.

Н. П. Благов подверг критическому разбору известия Льва Дьякона о Болгарии и вслед за русскими историками выявил некоторую тенденциозность византийского автора, ограниченность его сведений. Так, историограф Василия II не знал о двукратном появлении Святослава в Болгарии, нет у него ясности и относительно истинных причин болгаро-византийского конфликта в 966 году. Н. П. Благов обратил внимание на условность хронологических сведений Льва Дьякона⁵⁰. В то же время автор некритически воспринимает действительно тенденциозные оценки Львом Дьяконом действий руссов в Болгарии, оценки, корректируемые другими византийскими хронистами⁵¹.

А. Стоукс исследовал хронологию событий и отметил правильность их датировки русской летописью, проанализировал ход военной кампании Святослава и сравнил от-

дельные сведения византийских хронистов, показав противоречивость их известий, особенно в части русско-болгарских отношений в 970—971 годах, когда негативные оценки этих отношений не подтверждаются историческими фактами, приводимыми теми же хронистами⁵².

Отдельные источниковедческие наблюдения были сделаны отечественными и зарубежными историками в процессе изучения истории балканских походов Святослава. Об этих наблюдениях мы скажем в историографическом обзоре.

Ознакомившись с источниковедческой базой проблемы и анализом источников, предпринятым отечественными и зарубежными учеными на протяжении 100 с лишним лет, попытаемся с определенной долей вероятности установить достоверность сообщений византийских хронистов и русских летописей по интересующей нас теме.

Что касается метода установления этой достоверности, то он в основном правильно определен в предшествующих источниковедческих работах: сопоставление сведений независимых друг от друга источников, их взаимодополнение, соответствующее общей намеченной в них канве событий.

С этих позиций следует еще раз вернуться к сопоставлению, во-первых, сведений Льва Дьякона и Скилицы, а затем Зонары, и, во-вторых, сведений византийских хроник и русских летописей.

Византийские хронисты, касающиеся исследуемого вопроса, начинают описание событий с болгаро-византийского конфликта. Причем Лев Дьякон показывает внешнюю причину конфликта — оскорбление болгарских послов, а Скилица и вслед за ним Зонара вскрывают внутреннюю подоплеку событий — двусмысленную политику Болгарии в отношении венгерских рейдов, ее возможный тайный сговор с уграми. Учитывая постоянную враждебность угров по отношению к Византии в это время, их участие в антивизантийской коалиции, организованной позднее Святославом, их нападение на Фессалонику (об этом сообщает Лиутпранд), можно сделать вывод о достоверности факта, сообщаемого Скилицей и Зонарой. Все трое хорошо знают и о дальнейшем развитии болгаро-византийского конфликта, и о миссии Калокира к Святославу. Однако относительно миссии Калокира нам лишь известно, что он действительно был направлен на Русь. Оценка же его усилий, сделанная византийскими хронистами, может быть принята лишь с большими

оговорками, так как нет конкретного подтверждения действий Святослава по наущению византийского правительства. Зато мы знаем из сообщения Яхьи Антиохийского о войне между Византией и Русью до первого появления Святослава на Балканах. Учитывая это последнее сообщение, необходимо тщательно взвесить известие византийцев о побудительных мотивах похода Святослава на Дунай. Во всяком случае безапелляционная трактовка этого сюжета Львом Дьяконом и Скилицей нуждается в серьезной исследовательской проверке.

Что касается описания дальнейших событий, то, учитывая схожесть византийских и русских известий, мы должны признать достоверность сообщений византийцев о появлении русского войска на Дунае, разгроме им болгарской армии, пребывании Святослава в захваченной им части Болгарии, в Переяславце и об отсутствии военных действий между греками и руссами до вступления на престол Иоанна Цимисхия, то есть практически до весны 970 года. Лев Дьякон, как и русский летописец, говорит о многократных переговорах правительства Иоанна Цимисхия с руссами до начала открытой войны в 970 году. И Лев Дьякон, и Скилица сообщают о битве греков во главе с Вардой Склиром против союзных войск под Аркадиополем и о победе греческого отряда, а затем дают сходную канву событий весны и лета 971 года.

Греческие хронисты убедительно изображают порабощение Болгарии Византией после ухода руссов на родину. Довольно определенно говорят они и о случаях насилий и репрессий, учиненных русским войском в период первого похода на Дунай, а также в 970 году — в Филипполе и Доростоле. Факт расправы Святослава над своими противниками подтверждает и Устюжская летопись, рассказавшая о казнях, которым Святослав подверг изменников во вновь захваченном Переяславце.

Вместе с тем апологические оценки «Истории» Льва Дьякона, данные Чертковым, Багалеем, Успенским, безоговорочное следование большинства историков, в том числе и советских специалистов, сообщениям этого византийского хрониста нуждаются в серьезных коррективах. И Лев Дьякон, и Скилица многого не знали, о многом умолчали, многое исказили.

Не знали они о втором походе Святослава в Болгарию, хотя и зафиксировали хронологическую паузу в русско-византийских отношениях с начала первого похода до 970 года, что косвенно подтверждает правильность

сообщения русской летописи о двукратном появлении руссов на Дунае.

Молчат византийские хронисты и о нападении печенегов на Киев, о чем сообщил русский летописец. Вместе с тем Скилица упомянул о посольстве Иоанна Цимисхия в 971 году к печенегам с рядом просьб, в том числе с просьбой пропустить остаток русского войска с Дуная на родину. А это значит, что в данный период и именно в связи с русско-болгаро-византийскими отношениями существовали контакты между Константинополем и печенегами, что также косвенно подтверждает возможность инспирированного либо греками, либо болгарами (по наущению греков) печенежского набега на Киев.

Сообщения византийцев о характере русско-болгарских и болгаро-византийских отношений весьма противоречивы, поэтому трудно принять их версию о том, что с 970 года руссы принудили воевать болгар против империи, и о том, что болгарское население якобы высказало полное сочувствие греческой армии. При этом Болгария в изображении византийских хронистов предстает как политически единое государство, сломленное русским нашествием и вернувшееся затем к союзу с Византией. Греческие историки настойчиво подчеркивают ужасы русского нашествия, в первую очередь отразившегося на болгарях, которые, по словам Льва Дьякона, даже взялись за оружие в союзе с руссами лишь для того, чтобы отомстить ромеям, навлекшим на них русскую угрозу; они говорят о стремлении Святослава подчинить Болгарию своей власти, хотя приводят факты и противоположного свойства.

Вместе с тем ни один из них не скрывает фактов разграбления Болгарии византийскими войсками и печальной участи этой страны под гнетом Византии после ухода руссов из Доростола. Поэтому версия о захвате руссами Болгарии, настойчиво повторяемая византийскими хронистами, не находит подкрепления. Все трое, говоря о русско-византийском договоре, заключенном под Доростолом, отмечают, что он означал восстановление мирных и союзных отношений двух стран. Большого они не знают. Неизвестен им русско-византийский договор 971 года, хотя его основной смысл — возвращение Руси в лоно «друзей» империи — они передали точно.

Некоторые эпизоды событий на Балканах в 970—971 годах византийские хронисты, видимо, умышленно замолчали. М. Я. Сюзюмов совершенно верно заметил, что

Лев Дьякон ни слова не говорит о результатах сражений с руссами патрикия Петра во Фракии. Не говорят они и о набегах угров на Фессалоники, о чем сообщил под 968 год кременский епископ.

Все это требует весьма критического подхода к византийским источникам, общая концепция которых довольно далека от реальной картины описываемых ими событий.

Столь же дифференцированный подход необходим и к русской летописи.

Мы не разделяем скептического взгляда на «Повесть временных лет», выраженного в работах А. А. Шахматова, а также общей оценки, данной этому источнику Д. И. Багалеем, А. Чертковым и позднее Ф. И. Успенским, М. В. Левченко и некоторыми другими историками.

Конечно, в русской летописи многие события тех лет выпущены, многого русский автор не знал. Совершенно очевидно, что летописец не осведомлен ни об истинных причинах, ни о поводе первого русского похода на Дунай, ни о посольстве Калокира. Не знает он хода русско-византийской войны в 971 году. Неизвестны летописцу сведения о боях за Преславу, об отходе Свенельда из этой крепости. Русско-болгарскими отношениями этого периода русский летописец не интересуется вообще. В текст летописи вкраплены явно восходящие к народным преданиям легенды об испытаниях Святослава подарками — золотом, а позднее оружием, хотя сам факт переговоров подтвержден византийскими источниками, а это значит, что версия о дарах русскому князю, переданных от имени Иоанна Цимисхия, вполне правомерна. Мы не можем апеллировать к сведениям летописи о речах Святослава во время посольских переговоров с греками или перед боем, поскольку они имеют литературный характер, хотя и позволяют представить атмосферу событий, которую, видимо, передали в своих рассказах русские воины, пришедшие из Болгарии.

Безусловно, прав А. А. Шахматов, отмечая «книжное» происхождение сведений о 80 городах, захваченных руссами в Болгарии.

Не знает также русская летопись условий соглашения, положившего конец военным действиям между руссами и греками летом 971 года и определившего уход руссов на родину.

Вместе с тем русский летописец проявил знание военных и политических предприятий Святослава, неиз-

вестных византийским хронистам. Его сообщения важны для изучения событий, предшествовавших балканским походам Святослава.

Поход на Оку и Волгу, то есть проход через земли буртасов и булгар к Хазарии (о чем сообщает и Ибн-Хаукаль), овладение северокавказскими землями (ясов и касогов) — все это свидетельства впечатляющих успехов руссов в преддверии балканской кампании.

Далее летопись в основном дает ту же канву событий, что и византийские хронисты, однако с серьезными разночтениями. Следует поддержать тех источниковедов, которые отмечали близость русской и греческой хронологий событий: начало первого похода Святослава в Болгарию, паузу в отношениях между Византией и Русью до начала военных действий в 970 году (хотя здесь русская летопись ошибочно приводит дату — 971 г.), а также завершение русско-византийской войны летом 971 года.

Пауза в описании событий с 968 по 970 год, имеющаяся в греческих хрониках, косвенно подтверждает достоверность сообщения русской летописи об уходе на 968/969—970 годы Святослава в Киев.

Сходна канва событий и при описании военных действий между руссами и греками в 970 году.

Что касается спора о том, кто победил в битве под Аркадиополем, то он в свете наблюдений, сделанных М. Я. Сюзюмовым, и нам представляется беспредметным. У Льва Дьякона и Скилицы приведены сведения о битве под Аркадиополем и победе там Варды Склира, причем Лев Дьякон отмечает, что у греческого полководца было 10 тыс., у неприятеля же 30 тыс. воинов. Рассказав о победе Варды Склира над объединенными отрядами руссов, болгар, угров (о печенегах, участвовавших в этой битве на стороне руссов, говорит Скилица), Лев Дьякон отмечает, что после победы над руссами Цимисхий отозвал магистра в Малую Азию на подавление мятежа Варды Фоки, а был тогда Варда Склир «начальником фракийских войск», остановившим быстрое продвижение руссов⁵³. Бывшийся ранее с руссами во Фракии патрикий Петр, герой взятия Антиохии, исчез со страниц византийских хроник. Кроме того, следует обратить внимание и на разницу в действующих лицах в сражении под Аркадиополем и в битве, о которой сообщают «Повесть временных лет» и византийские источники. Летописец говорит, что во главе руссов стоял Святослав, сама битва,

по мысли автора, имела решающее значение. Именно в связи с победой Святослава в этой битве возник вопрос о мирных переговорах и о дани как об основном условии мира. Иное значение придают византийские хронисты битве под Аркадиополем. Там лишь говорится о победе Варды Склира, гибели некоего русского вождя. Таким образом, очевидно, что в византийских хрониках и русской летописи речь идет о совершенно различных сражениях, после которых и определилась линия враждующих сторон на заключение мира. В этой связи сообщение русской летописи о дани как условии мира, которое проходит красной нитью через летописный текст, представляется вполне достоверным. Это известие соответствует и сообщению Льва Дьякона о том, что еще до начала военных действий руссы потребовали огромный выкуп за захваченные города, в котором греки отказали (русская летопись также говорит, что поначалу греки «не даша дани», что и вызвало войну), и о возвращении Руси по условиям мира 971 года статуса «друга» и «союзника» империи (об этом сообщает и Скилица), что предопределяло выплату со стороны Византии регулярной дани.

Русская летопись, как Лев Дьякон и Скилица, сообщает о распаде на последнем этапе войны антивизантийской коалиции («А Руска земля далеча, а печенези с нами ратьни, а кто ны поможет?»⁵⁴). Не зная ничего о последних боях Святослава с Цимисхием, русский летописец «посылает» Святослава в Переяславец.

В одинаковых тонах и Лев Дьякон, и русская летопись сообщают о той радости, которую испытал византийский император при известии о предложении мира со стороны руссов. И русский автор, и византийцы одинаково передают смысл заключенного мира. «Хочю имети миръ с тобою твердъ и любовь»⁵⁵, — передает Святослав через своих послов. О возвращении Руси в стан «друзей» и «союзников» империи свидетельствуют и византийские хроники. Смысл этих понятий весьма близок. И конечно, гораздо подробнее, чем византийцы, летописец передает форму мирных переговоров, которая, как мы видели раньше, является стереотипной. Он помещает полный текст договора, логически вытекающего из этих переговоров, известие о которых поэтому выглядит достоверным.

Наконец, русская летопись сообщает о зимовке Святослава на Белобережье, о которой умолчали византийские

хронисты, для них важен лишь факт гибели русского князя на порогах, который также хорошо известен летописи.

Мы можем также обнаружить хотя и не столь очевидные, но весьма интересные совпадения отдельных положений византийских хроник и летописи. Так, греческие хронисты упорно говорят о стремлении Святослава завладеть Болгарией. Этот мотив звучит и в русской летописи. Он обнаруживается в речах киевлян, обращенных к Святославу в связи с его пребыванием в Переяславце: «...чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабивъ»⁵⁶. Однако в летописи дается иное, по сравнению с византийскими хрониками, толкование этого вопроса. По мнению летописца, Святослав претендовал лишь на дунайские земли, и в его уста вкладываются слова о том, что Переяславец — это «середа» его земли⁵⁷. Так летопись «полемизирует» с греками.

Все эти факты позволяют утверждать, что в руках русского автора имелся, кроме народных преданий, местный письменный источник, восходящий к рассказам очевидцев событий, в котором была отражена история событий 964—972 годов и который был дополнен некоторыми «книжными» сообщениями. В пользу того, что источник был письменным, говорит относительная точность изложения событий, совпадающего в основном с данными византийских хроник. Это был цельный текст, так как он выдержан в едином ключе — в нем нет места для описания неудач Святослава, последний этап войны опущен. В дальнейшем в него были добавлены «книжные» подробности и русско-византийский договор 971 года.

Трудно согласиться с исследователями, которые считают, что данный текст основывался на сведениях какой-то византийской хроники, так как при совпадении общей линии летописи и византийских источников они отличаются многими деталями. Русский летописец замалчивает или искажает такие события, о которых он при знакомстве с византийскими хрониками мог бы сообщить другие, более полные или достоверные сведения, например о месте мирных переговоров (Доростол). Русскому автору выгодно было бы показать, что этот город в момент переговоров находился в руках Святослава. Полностью расходятся и описания решающей битвы. А самое главное, и на это было обращено недостаточное внимание предшествующим источниковедением, летописцу было хорошо известно основное содержание всех переговоров

Святослава с греками — решение вопроса о дани, который мы рассматриваем не как легендарный, а как реальный политический сюжет русско-византийских отношений, ведущий свою историю еще с 860 года. Это говорит о том, что летописец располагал по этому вопросу не византийской, не болгарской, а весьма достоверной русской информацией.

Сведения арабских авторов и другие источники

Восточный поход Святослава нашел отражение в известных записях Ибн-Хаукаля, арабского автора второй половины X века. На одной из страниц своей «Книги путей и государств» он записал: «В хазарской стороне есть город, называемый Самандар, он между (хазарской стороной) и Баб-ал-Абвадом [т. е. Дербентом], были в нем многочисленные сады: говорят, что содержали [они] около 40 тысяч виноградников, а я спрашивал (об этом городе) в Джурджане в 58 году вследствие близкого знакомства (с этим городом), и сказал тот, кого я спрашивал: «Там виноградники или сад такой, что был милостыней для бедных, а если осталось там что-нибудь, то только лист на стебле. Пришли на него русийи, и не осталось в городе ни винограда, ни изюма. А населяли этот город мусульмане, группы приверженцев других религий и идолопоклонники, и ушли (они), а вследствие достоинства их земли и хорошего их дохода не пройдет и трех лет, и станет, как было. И были в Самандаре мечети, церкви и синагоги, и свершили свой набег эти (русы) на всех, кто был на берегу Итиля, из числа хазар, болгар и буртасов, и захватили их, и искал убежища народ Итиля на острове Баб-ал-Абвад и укрепился на нем, а часть их — на острове Сийах-Куих, живущие в страхе». Далее Ибн-Хаукаль отметил: «Не оставил в наше время ничего этого ни у буртасов, ни у хазар народ рус, кроме разбросанной неполной (части), рыскал

за ней (а целями и надеждами бежавших было остаться по соседству со своими областями), и дошло до меня, что большинство из них вернулось в Итиль и Хазаран во времена могущественного Мухаммада Ибн-Ахмада ал-Азди, владетеля Ширваншаха, и (оказал он) им поддержку своими мужами и своими людьми, и они, надеясь, просили, чтобы с ними заключили договор, и они были бы покорны им (русам) за то, что (русы) оказали ему (ширваншаху) благодеяние для них (беженцев)». И еще одна запись: «Булгар город небольшой.., и опустошили его русы и пришли в Хазаран, Самандар и Итиль в году 358 и отправились тотчас же после к стране Рум и Андалус и разделились на две группы, а русы — народ варваров, живущий в стороне булгар, между ними и славянами по реке Итиль»¹.

Сведения Ибн-Хаукаля показывают масштабы походов Святослава, связь его нападений на земли волжских булгар и бургасов — союзников хазар и на саму Хазарию. Ибн-Хаукаль показывает и характер русского завоевания, отмечая, что руссы «захватили» земли своих противников, то есть прочно утвердились в завоеванных районах. Жители же завоеванных земель, покинув их поначалу, потом стремились поладить с руссами; большинство их вернулось назад, просило у руссов заключить с ними договор, чтобы покориться им.

Интересно указание Ибн-Хаукаля на характер поведения руссов во время захвата города Семендера: как ранее войны Олега, а затем Игоря, напавшие на Сурож и Амастриду, войны Святослава грабили культовые сооружения. Важно и указание автора на то, что руссы ушли тотчас после похода в Хазарию «к стране Рум и Андалус», то есть отправились, видимо, в поход на Дунай.

Указание Ибн-Хаукаля о разделении войска руссов на две группы находит подтверждение в действиях русского войска на Балканах: одна его часть во время русско-византийской войны воевала под началом Святослава, а другая — под руководством некоего вождя. И позднее руссы во главе со Свенельдом оказались в Преславе рядом с болгарским царем Борисом, а основная часть их войска вместе со Святославом стояла на Дунае.

Исследовавшие эти сведения Ибн-Хаукаля В. В. Бартольд, А. Ю. Якубовский, М. И. Артамонов и В. Ф. Минорский отметили, что указание Ибн-Хаукаля на 358 год хиджры (968—969 гг.), с которым автор связал восточный поход Святослава, отнюдь не говорит о том, что

именно в этом году состоялся сам поход, явившийся вторым военным предприятием Святослава на Востоке. В данном случае речь может идти не о двух походах Руси на хазар в 965 году (год русской летописи) и в 968—969 годах, а лишь об одном походе, дата которого указана в «Повести временных лет». Что касается 358 года хиджры, то он фигурирует в записи арабского автора как год, когда он, будучи в Джурджане, услышал о сокрушении руссами хазар, болгар и буртасов².

Иную точку зрения в 30-х годах высказал В. Мошин. Он считал, что к берегам Каспия и на Семендер руссы шли водой, а на Саркел, ясов и касогов — сушей. Это были два различных похода. 358 год хиджры (968—969 гг.) В. Мошин рассматривает как год похода Святослава на Восток и подчеркивает, что нельзя отождествлять походы, описанные русской летописью и Ибн-Хаукалем. Следуя норманистским взглядам, автор считал, что поход на Волгу и Каспий вообще был предпринят не киевскими, а азово-черноморскими руссами³.

Позднее точку зрения Бартольда, Якубовского, Артамонова, Минорского оспорили А. П. Новосельцев и Т. М. Калинина.

А. П. Новосельцев считал, что после похода против Хазарии в 965 году Святослав в 968—969 годах вторично нанес удар по каганату. В этой связи автор рассматривает и сообщение аль-Мукаддаси о том, что «войско, [прибывшее] из Рума [Византии], называемое Русь, завоевало их [хазар] и овладело страной их», а также известие Ибн-Хаукаля об уходе руссов после «хазарского похода в Рум и Андалус». Руссы, полагает А. П. Новосельцев, ударили по землям хазар между двумя дунайскими походами⁴.

Концепцию А. П. Новосельцева поддержала Т. М. Калинина. Она считает, что сведения Ибн-Хаукаля нельзя относить к 965 году, так как именно в 968—969 годах Ибн-Хаукалю поведали о том, что в городе Семендере, который был захвачен руссами, «ничего не осталось от прежнего изобилия»⁵. Сообщение же Ибн-Хаукаля о нормализации жизни города принадлежит самому автору, а не его информатору. Значит, его следует отнести к событиям 968—969 годов, а не 965 году⁶ («не пройдет и трех лет, и станет, как было»). Ибн-Хаукаль, отмечает Т. М. Калинина, узнал о возвращении беженцев много позже, чем это случилось на самом деле, так как ширваншах правил в 981—991 годах, хотя, заметим мы, в источнике сказано,

что большинство жителей вернулось обратно во времена ширваншаха, а это вовсе не означает, что именно в этот период Ибн-Хаукаль узнал о возвращении беженцев. «Кроме того, — пишет Т. М. Калинина, — трудно предположить, что руссы собирались обосноваться в этих половецких городах надолго, иначе они не стали бы подвергать богатые торговые центры столь сокрушительному разорению»⁷.

Основываясь на сообщении Ибн-Мискавейха и его продолжателя Ибн-ал Асира, рассказавших, что в 965 году на Хазарию напали турки (под которыми, по мнению Т. М. Калининой, следует понимать руссов) и что лишь обращение хазар в мусульманство и поддержка их хорезмийской гвардией стабилизировали положение в этом районе, автор делает вывод: в 968—969 годах Святослав нанес здесь второй и окончательный удар⁸. А вот еще один аргумент Т. М. Калининой в пользу того, что Ибн-Хаукаль толком не знал событий, о которых писал: будучи хорошо осведомленным о разорении хазарских городов руссами и имея дошедшие до него сведения о войне руссов в Болгарии, он сделал вывод, что Святослав нанес удар по Волжской Булгарии, «поскольку он знал лишь Волжскую Булгарию как соседку русов и хазар». События балканской войны Святослава он перенес на поход руссов против Хазарии и описал разгром хазарских городов, «с которым он непосредственно столкнулся». В действительности, считает Т. М. Калинина, Волжская Булгария не была затронута войсками руссов⁹. Окончательный же разгром хазарских городов произошел в период между весной и осенью 969 года, и не Византия, а Хазария толкнула печенегов на Киев. Без всяких на то оснований Калинина утверждает, что второй удар по Хазарии был нанесен войском, отозванным с Балкан, имеющим «определенное число норманнского элемента» и настроенным провизантийски. Затем часть войска присоединилась к дружинам Святослава, а другая — к отрядам норманнов, направлявшихся в Андалузию¹⁰. Каких норманнов? Откуда они могли взяться в этом регионе? На эти вопросы автор не дает ответа.

Аргументы А. П. Новосельцева и особенно Т. М. Калининой значительно меняют представление о военно-дипломатической деятельности Святослава в 965—972 годах. Во-первых, они значительно сужают регион его военных походов, а если к этому еще добавить, что А. А. Шахматов также отрицал поход Святослава на вя-

тичей, то окажется, что вместо масштабного похода через волжско-окский район в низовья Дона и далее на Северный Кавказ были предприняты два похода против Хазарии. Во-вторых, меняется вся политическая направленность походов Святослава в 968—972 годах. Не Балканы, а Причерноморье становится основной ареной его военно-политической деятельности. По-иному мы должны понимать и отношения между Русью и Византией, Русью и Болгарией. Не присутствие русских войск на Балканах вызвало дипломатическую активность Византии и набег по ее наущению печенегов на Киев, а старания еще сильной Хазарии ослабить своего противника — киевского князя.

Думается, что подобный подход к решению проблемы неправилен, и прежде всего потому, что аргументы, представленные в его пользу, имеют известные слабости.

Это относится в первую очередь к хронологии, представленной в записях Ибн-Хаукаля. Можно ли считать, что к 968—969 годам, то есть ко времени появления Ибн-Хаукаля в Джурджане, Семендер, разоренный три года назад, мог быть восстановлен, а жизнь города нормализована? Т. М. Калинина дает отрицательный ответ, полагая, что за три года, упоминаемые Ибн-Хаукалем, невозможно восстановить город, «как было», а значит, и переводить данный текст следует не прошедшим, а будущим временем (хотя весь остальной текст Т. М. Калинина передает в прошедшем времени, и эта единственная фраза Ибн-Хаукаля, переведенная в будущем времени, выбивается из контекста перевода). Однако Т. М. Калинина не обратила внимания на описание самого города и характера причиненного ему руссами ущерба. Ибн-Хаукаль пишет, что Семендер — это город-сад: «около 40 тысяч виноградников», «виноградники или сад...», «была большая часть его виноградниками...». Что же разорили в городе руссы? — «Не осталось в городе ни винограда, ни изюма», «а если осталось там что-нибудь, то только лист на стебле». И далее в этом же духе: «вследствие достоинства их земли и хорошего их дохода не пройдет и трех лет, и станет, как было». Т. М. Калинина переводит глаголы этой фразы в будущем времени, но трудно согласиться с тем, что в записях Ибн-Хаукаля речь идет о настоящем времени, представляется, что весь его рассказ — это взгляд в недавнее прошлое. Быстро ликвидируются следы нашествия в этом благодатном крае, три

года — и сады могут быть восстановлены. Почему Ибн-Хаукаль был убежден, что не пройдет и трех лет, как сады вновь поднимутся в Семендере? Почему не четыре или пять лет? Откуда такая точность? Она объяснима лишь в том случае, если арабский автор уже знал, что через три года снова поднялись сады Семендера.

Что касается сомнений Т. М. Калининой по поводу намерений руссов прочно овладеть поволжским краем, поскольку они подвергли «богатые торговые центры столь сокрушительному разорению», то и в этом случае следует возразить автору, так как в тексте Ибн-Хаукаля нет никаких указаний на разорение городов. Он пишет об их захвате и конкретно — об опустошении Булгара и гибели садов Семендера. Считать на основании этого, будто руссы не собирались долго оставаться здесь, вряд ли правомерно.

Вполне вероятно предположение, высказанное Т. М. Калининой, а еще ранее В. Т. Пашуто и А. П. Новосельцевым¹¹, о том, что хорезмийцы помогли хазарам после принятия последними мусульманства. Как известно, Хазария продолжала существовать, но после удара, нанесенного ей Святославом, она навсегда утратила свое могущество. И для Руси не было необходимости через год после успешного похода наносить повторный удар поверженному врагу. Однако главным аргументом в пользу единственного предпринятого в 965 году, а не позже, похода Святослава на Восток является весь ход событий на Балканах, куда переместился центр всей русской военной стратегии, политики и дипломатии. С 966—967 годов взаимоотношения Руси с болгарами, уграми, греками, печенегами определялись не причерноморской политикой разгромленной Хазарии, а новыми противоречиями на Балканах, которые и пыталась с пользой для себя решить Русь.

Трудно согласиться и с утверждениями Т. М. Калининой о том, что Ибн-Хаукаль перенес на Волжскую Булгарию войну руссов с Болгарией Дунайской. Он был отлично осведомлен о делах дунайских болгар. В одном из текстов Ибн-Хаукаля содержится воспоминание о том, как «великие болгары, сопредельные с Румом на севере», «избивали» Рум, что действительно случалось при Симеоне. Знает он и «внутренних болгар», которые являются христианами и мусульманами¹². Знает он и о походах руссов в Рум, и нет никаких оснований подозревать в недостоверности сообщение Ибн-Хаукаля о походе Свя-

тослава на Волгу, тем более что и русский летописец, который не был знаком с трудом араба, говорит о появлении русского войска на Оке и Волге.

Поэтому нам представляется целесообразным принять традиционную оценку сведений арабского автора о походе Святослава на Восток.

Известным дополнением к сведениям русских и византийских хронистов могут служить данные некоторых восточных авторов. Так, арабский писатель начала XI века Яхья Антиохийский в своей хронике сообщил о причине конфликта между Болгарией и Византией, который в дальнейшем, как мы знаем, перерос в международный конфликт. Яхья записал, что болгары воспользовались борьбой Византии с арабами и опустошили окраины ее владений. Никифор Фока «пошел... на них с русами — а были они в войне с ним — и условился с ними воевать болгар и напасть на них»¹³. Тем самым Яхья не только подтвердил сообщение своих византийских современников, но и привел новый факт — о состоянии войны между Русью и Византией к моменту болгаро-византийского конфликта. Ни в одном из других источников эти сведения не повторяются.

Яхья также сообщил о начале военных действий руссов против болгар и поражении последних, о мятеже Варды Фоки и его подавлении. Любопытны сведения арабского хрониста о режиме, установленном Иоанном Цимисхием в Болгарии после ухода оттуда Святослава: он «назначил от себя правителей над теми крепостями, которые перешли в руки греков»¹⁴. Эти сведения не вызывают подозрений в связи с многочисленными указаниями и византийских авторов на полное подчинение Восточной Болгарии власти Византии после ухода руссов с берегов Дуная.

Армянский историк XI века Степ'анос Таронский, также современный событий, в своей «Всеобщей истории» пролил дополнительный свет на русско-болгарские отношения последнего этапа противоборства Руси и Византии. Автор, описав арабо-византийскую войну, захват греками Антиохии и последующую борьбу Варды Фоки против Иоанна Цимисхия, далее сообщил: «Потом он (Иоанн Цимисхий. — А. С.) отправился войною на землю Булхаров, которые при помощи рузов (руссов. — А. С.) вышли против кир-Жана (Иоанна Цимисхия. — А. С.), и когда завязался бой, рузы обратили в бегство оба крыла греческого войска». Затем Степ'анос Таронский

рассказал о подвигах «бессмертных» Цимисхия в последующей битве, победе греков, после которой Цимисхий «принудил булхарский народ покориться»¹⁵.

Как мы уже видели, сведения армянского историка о болгаро-русских совместных действиях против Византии соответствуют некоторым данным на этот счет Льва Дьякона, Скилицы и Зонары, а потому могут быть дополнительным веским свидетельством в исследовании вопроса о русско-болгарских отношениях в 970—971 годах.

Любопытно, что, как и русский летописец, армянский историк сообщает о победе руссов в одной из битв начального этапа войны, что заставляет внимательней отнестись к этому факту, сообщаемому «Повестью временных лет».

* * *

Следует упомянуть и о сведениях Лиутпранда, епископа кремонского, посетившего Византию в 968 году (т. е. в период развития русско-византийского конфликта после первого похода Святослава в Болгарию) в качестве посла германского императора Оттона I. 29 июня он застал у Никифора Фоки болгарских послов, которые за обеденным столом были посажены ближе к императору, чем он сам¹⁶, что говорило о большом внимании византийских политиков к еще недавно враждебной Болгарии. С другой стороны, под 20 июля 968 г. епископ в своем рассказе о посольстве в Константинополь сообщил, что в этот день на рейде византийской столицы среди судов различных стран стояли два русских корабля, а это свидетельствует о мирных отношениях между Русью и Византией в середине 968 года¹⁷.

Интересно и сообщение Лиутпранда о набеге в эти же летние месяцы 968 года угров на Фессалонику и уводе в плен 500 греков¹⁸. Этот факт вписывается в общую политическую панораму Восточной Европы, изображаемую византийскими хронистами, и служит дополнительным свидетельством антивизантийских действий угров в период противоборства Руси с империей.

2. Историография

Отечественные историки дореволюционного периода

История военных предприятий Святослава нашла широкое отражение в отечественной и зарубежной историографии. Но историков в основном интересовала военная сторона вопроса, реже они обращались к дипломатии, связанной с русскими походами, и совсем не рассматривали те чисто дипломатические методы и средства, при помощи которых Русь осуществляла свою внешнюю политику в 60—70-х годах X в., хотя в отдельных работах на этот счет есть интересные наблюдения.

Отечественная дворянская и буржуазная историография при оценке внешней политики Святослава в основном исходила из его чисто человеческих качеств. Объективные закономерности, преемственность внешней политики древней Руси были в дореволюционных работах плотно заслонены субъективистскими, идеалистическими оценками. И все же историки XVIII, XIX и начала XX века сделали ряд интересных наблюдений.

Как в разработке иных сюжетов X века, так и в изучении истории событий 60—70-х годов в Восточной Европе историки XVIII века в основном следовали русской летописи. Однако В. Н. Татищев привел в своей «Истории» ряд новых фактов, не содержащихся в известных нам ранних летописных списках. Так, рассказывая о военных предприятиях Святослава, историк упомянул, что к своим врагам князь поначалу посылал посольство, которое и заявляло: «Если хотят мира, то б прислали посла и примирились; а если мира не хотят, то сам во пределы их придет»¹. Таким образом, легендарной фразе «Хочю на вы ити» автор придал совершенно определенное дипломатическое значение. И еще одну новую деталь, по сравнению с летописными текстами, сообщил здесь автор: по его мнению, ясов и касогов Святослав после победы над ними привел к Киеву на поселение. С какой

целью он это сделал, для читателей осталось неизвестным.

В. Н. Татищев попытался объяснить второй поход Святослава на вягичей следующим образом: те узнали, что русское войско двинулось к Дунаю, восстали, и Святославу пришлось вернуться и вновь подчинить их.

Историк приводит дополнительные сведения о причинах похода Святослава против болгар и о ходе военных действий и союзниках Святослава. Руссов призвал Никифор², но решение о нападении на Болгарию русский князь принял потому, что болгары помогали хазарам. На Днестре, сообщает он далее, Святослава ждало объединенное войско, состоявшее из болгар, хазар, касогов и ясов, но Святослав уклонился от битвы с этими силами, двинулся вверх по Днестру, где ему на помощь подоспели угры. Объединенное русско-венгерское войско разгромило болгар и их союзников хазар, после чего Святослав укрепился в Переяславце.

Интересна трактовка В. Н. Татищевым характера дальнейших отношений Руси и Византии. Он отметил, что греки доставляли в Переяславец «уложенную погодную дань». Определил автор и характер отношений руссов и угров: «... с угры же имел любовь и согласие твердое»³.

Изложив, согласно «Повести временных лет», историю нападения печенегов на Киев и возвращения Святослава в 968 году на родину, В. Н. Татищев затем сообщил сведения, которые не встречаются в дошедших до нас летописных списках. Болгары, узнав об уходе Святослава из Переяславца, осадили город, а бывший там русский воевода Волк, попав в трудное положение и обнаружив, что «некоторые граждане имеют согласие с болгары», сумел вырваться из города и в устье Днестра встретил возвращавшегося в Болгарию Святослава. Приводит историк и причину объявления Святославом войны грекам после второго овладения Переяславцем: «Уведав же Святослав от плененных болгар, что греки болгар на него возмутили»⁴. Значит, по мнению В. Н. Татищева, лишь коварство византийцев, спровоцировавших выступление болгар против недавнего союзника Византии, обратило Святослава к борьбе с Константинополем.

Изложил В. Н. Татищев ход вторых переговоров греков с руссами и подчеркнул, что Святослав согласился заключить мир с условием, если греки заплатят дань, «чего неколико лет не изправили»⁵.

Однако переговоры кончились ничем и лишь, когда Святослав был «близ Царяграда», греки принесли ему «дань уговоренную на войско»⁶, что вовсе не должно нами идентифицироваться с упоминаемой историком выше ежегодной данью.

Далее В. Н. Татищев изложил известную летописную версию событий и русско-византийский договор 971 года.

Таким образом, сообщая о событиях, неизвестных по другим источникам, В. Н. Татищев выступил не только как осведомленный повествователь, но и дал первую в отечественной историографии их интерпретацию, которая, конечно, нуждается в исследовательской проверке, но которая тем не менее является важным историографическим фактом.

Последующие историки XVIII века строго следовали «Повести временных лет». Именно так изложил ход событий М. В. Ломоносов⁷.

М. М. Щербатов уже был знаком с хрониками Скилицы и Зонары, так как, изложив в основном летописную версию событий, обратил внимание на действия угров против Византии. Историк считал, что Никифор Фока подозревал Петра в действиях заодно с уграми⁸. Новое для своего времени положение высказал историк относительно одной из причин переноса Святославом своей столицы в Переяславец: оттуда ему было удобнее брать дань с греков⁹. Смысл договора 971 года Щербатов видел в том, что это было соглашение, возвращающее Руси статус византийского «друга» и «союзника»¹⁰.

И. Н. Болтин, повторив в основном летописную схему событий, поддержал тезис В. Н. Татищева относительно причины нападения Святослава на Византию: это был ответ на антирусские действия греков в Болгарии¹¹.

А. Л. Шлецер в своем «Несторе» посвятил немало страниц походам Святослава. Он признал, что при этом князе «новая Русская держава расширила свои владения на Востоке, а еще более на Юге»¹². Автор хорошо знаком не только с текстом русской летописи, но и сочинением Льва Дьякона и излагает историю русско-болгаро-византийских отношений в соответствии с фактами и концепцией византийского хрониста. По мнению А. Л. Шлецера, Болгария боролась против русских за «свою независимость»¹³. Так впервые на основании византийского источника высказывается точка зрения о том, что Святославу противостояла единая, провизантий-

ски настроенная Болгария, которую стремились поработить руссы.

А. Л. Шлецер оспаривает сообщение В. Н. Татищева о том, что Святослав оставил в 968 году в Болгарии русский гарнизон под командованием воеводы Волка. «Все это, — пишет исследователь, — кажется, выдуманно недавно для наполнения истории»¹⁴. Принимает историк и версию Льва Дьякона о поражении руссов под Аркадиополем¹⁵. Посольства Цимисхия к Святославу и переговоры по поводу дани, о которых сообщает летопись, А. Л. Шлецер считает глупой сказкой¹⁶. В то же время достоверность договора 971 года автор, кажется, не подвергает сомнению¹⁷.

Н. М. Карамзин, как и А. Г. Шлецер, в описании событий в основном следовал за Львом Дьяконом. «Калокир — виновник сей войны», — писал Н. М. Карамзин, хотя и отметил, в согласии со Скилицей, что причина болгаро-византийского конфликта — нападение угров на империю. Святослав, напав на Болгарию, лишь исполнил желание Никифора Фоки. Он подчинил себе Болгарию и начал властвовать там. А в ходе второго похода «полностью овладел царством Болгарским». Перенос столицы на Дунай историк квалифицирует как «безрассудное намерение»¹⁸. Н. М. Карамзин впервые дал общую оценку военной и политической деятельности Святослава, которая основывалась на сведениях Льва Дьякона. Святослав, являя собой образец великого полководца, по мнению историка, «не есть пример государя великого, ибо он славу побед уважал более государственного блага»¹⁹.

Так усилиями А. Л. Шлецера и Н. М. Карамзина в первой трети XIX века была создана первая историографическая концепция событий, в которых Святослав выступает как любитель военных приключений, византийский наемник, завоеватель Болгарии, как правитель, не думающий о государственных интересах своей страны. В дальнейшем эта концепция, восходящая к оценкам византийских хронистов, обрела прочное место в историографии. Она нашла отражение в трудах А. Черткова, М. П. Погодина, С. М. Соловьева.

В 1843 году вышло в свет первое обстоятельное исследование о войнах Святослава 967—971 годов А. Черткова. В нем автор поместил все известные к тому времени сообщения об этих событиях — Льва Дьякона, Скилицы, Зонары, «Повести временных лет», а также высказывания на этот счет А. Л. Шлецера и Н. М. Карамзина.

А. Чертков считал, что во время своего первого нападения на Болгарию Святослав выступал как типичный «наемник», действовавший «не от своего лица», что это был «обыкновенный набег варяжский для получения добычи»²⁰. Во время второго похода Святослав завоевал всю Болгарию²¹. В соответствии со своей концепцией о том, что единственным надежным источником для исследования событий 967—971 годов является «История» Льва Дьякона, А. Чертков и излагает их развитие по данным лишь византийского хрониста²². Однако в ходе изложения автор вынужден высказать свое мнение по некоторым спорным вопросам, в том числе касающимся интересующих нас дипломатических сюжетов. Так, он склоняется к мысли, что вся Болгария оставалась завоеванной Святославом в течение 968—971 годов, включая и период ухода руссов на выручку Киева, осажденного печенегами. Ушла лишь княжеская дружина, флот и основная часть войска остались на Дунае, и понятно, пишет А. Чертков, что Лев Дьякон молчит о втором походе руссов на Дунай²³. Он высказывает предположение о подкупе византийцами печенегов и направлении их на Киев в 968 году, когда стали очевидны измена Калокира и антивизантийские намерения руссов. Рассмотрел автор и спорный вопрос о содержании русско-византийских посольских переговоров летом 970 года, во время похода руссов на Константинополь. А. Чертков считает, что греки сумели остановить Святослава дарами и обещанием уплатить дань, усыпили бдительность руссов и, обманув их, неожиданно перешли в наступление ранней весной 971 года²⁴. Особо автор разбирает вопрос о битве под Аркадиополем и высказывает версию, что там были разбиты не руссы, как об этом повествуют византийцы, а лишь угры, и это их поражение не оказало существенного влияния на ход кампании летом 970 года. Об этом говорит тот факт, что сразу же после аркадиопольской битвы руссы совершили набеги на Македонию²⁵.

В соответствии со своей концепцией завоевания Святославом Болгарии А. Чертков рассматривает вопрос о позиции болгар на заключительном этапе войны. Едва пала Преслава, начинается повсеместное восстание болгар против руссов. Святослав теряет поддержку болгарского войска, во время осады Доростола уже вся Болгария воевала против Святослава на стороне Иоанна Цимисхия²⁶.

М. П. Погодин по существу повторил точку зрения И. М. Карамзина. Святослав в его изображении — это «искатель приключений», «византийский наемник», прошедший «огнем и мечом по всей Болгарии за неожиданную враждебную встречу», он стал «секирой, висевшей над головой Болгарии», и т. д.²⁷

Мир 971 года М. П. Погодин оценивает как «тягостный» для руссов²⁸. В то же время историк согласен с версией В. Н. Татищева о сохранении Святославом части войска в Болгарии в 968 году и также замечает, что Иоанн Цимисхий в 970—971 годах обманул Святослава: заключив с ним мир, внезапно напал на руссов²⁹. Казни, проведенные Святославом в Доростоле, М. П. Погодин объясняет изменой болгар³⁰.

С. М. Соловьев рассматривает Святослава как достойного русского государственного деятеля лишь до первого похода на Дунай. «С этого времени, — отмечал историк, — начинаются подвиги Святослава, мало имеющие отношения к нашей истории». «Святослав представлен образцом воина и только воина, который с своею отборною дружиною покинул русскую землю для подвигов отдаленных, славных для него и бесполезных для родной земли»³¹.

Вслед за византийскими хронистами историк полагал, что болгары в целом были враждебны Святославу, и это осложнило его положение на заключительном этапе войны с Византией³².

С. М. Соловьев внес новый элемент в историю вопроса, попытавшись выяснить причину зимовки Святослава на Белобережье. Он полагал, что русский великий князь не хотел возвращаться в Киев «беглецом» и ждал на Белобережье Свенельда с новой дружиной, чтобы продолжить войну против греков в соответствии со своим обещанием воинам перед уходом из Доростола, и лишь промедление Свенельда и страшный голод побудили Святослава двинуться вверх по Днепру навстречу печенежским засадам³³.

В 60—70-х годах XIX в. уже принятую в русской историографии концепцию попытались подкрепить А. Ф. Гильфердинг³⁴ и Д. И. Иловайский³⁵. Эту же линию в начале XX века отразили в своих трудах М. С. Грушевский и М. Е. Пресняков.

М. С. Грушевский изложил историю восточного похода Святослава и справедливо отметил, что война с ясами и касогами была тесно связана с борьбой руссов про-

тив Хазарского каганата. Она явилась продолжением прежней восточной политики древней Руси, смысл которой состоял в завоевании путей к Каспию³⁶. Проводя западную политику, Святослав, по мнению М. С. Грушевского, играл лишь роль византийского наемника³⁷.

М. Е. Пресняков характеризовал время Святослава как «последнюю вспышку буйной силы», «последний взмах меча», а русского князя — как игрушку в руках византийских политиков, в частности Калокира. В то же время, противореча себе, автор отмечает, что Святослав шел по пути Симеона Болгарского, мечтал об овладении Подунавьем, стремился к приближению своих границ к границам империи³⁸.

Особую позицию в вопросе о внешней политике Святослава занял Н. Знойко. В 1907 году он выступил в печати с работой о посольстве Калокира. Полемизируя с предшественниками — исследователями проблемы, Н. Знойко подчеркнул, что воинственность и жажда подвигов не заслонили у Святослава «ясного понимания настоятельных нужд государства», что он был «непосредственным и сознательным продолжателем политики своих предшественников». Недооценка же роли Святослава в русской историографии обуславливалась, по мнению автора, некритическим подходом историков к известиям византийских хронистов³⁹.

Н. Знойко критически разбирает сообщение Льва Дьякона о посольстве Калокира, показывая, что византийский хронист о многом умолчал, многого просто не знал. Автор предлагает свою версию посольства Калокира, его хронологию⁴⁰.

Вместе с тем Н. Знойко согласен с точкой зрения своих предшественников, считавших, что Святослав завоевал всю Болгарию⁴¹.

Концепция Знойко в целом не была поддержана в дореволюционной историографии. Лишь в 1911 году М. В. Довнар-Запольский отметил, что не только грабеж и насилие, но и трезвый государственный расчет, стремление создать огромную империю от Балтики до Адриатического моря руководили Святославом во время его походов⁴². Однако эта точка зрения, не будучи подкрепленной историческим анализом внешней политики древней Руси, осталась неаргументированной. Автор не связал высказанное им положение со всем развитием русско-болгаро-византийских отношений, с восточным фактором в этой политике. Будучи экономистом, М. В. Довнар-За-

польский не мог провести источниковедческого анализа сообщений византийских хронистов и русской летописи, поэтому его концепция не получила убедительного обоснования.

Советская историография

В советское время вопрос о внешней политике древней Руси в 60 — начале 70-х годов X в. был затронут в работах В. А. Пархоменко, С. В. Бахрушина, И. Лебедева, Ф. И. Успенского, С. В. Юшкова, В. В. Бартольда, Н. С. Державина, А. Ю. Якубовского, М. Н. Тихомирова, Б. Д. Грекова, П. О. Карышковского, М. И. Артамонова, Б. А. Рыбакова, В. Т. Пашуто, Т. М. Калининой, а также в общих трудах¹.

Поначалу в историографии советского времени относительно внешней политики Святослава господствовали концепции прошлого. Это нашло отражение в работах В. А. Пархоменко, С. В. Бахрушина, Ф. И. Успенского, С. В. Юшкова. Так, В. А. Пархоменко в соответствии с ошибочным мнением о том, что все известные нам внешнеполитические шаги IX—X веков предпринимала не Киевская, а азово-черноморская Русь, писал, что и походы Святослава были предприняты из Причерноморья, о чем, в частности, говорит и упоминание Львом Дьяконом Боспора Киммерийского как места, куда руссы должны были возвратиться после балканских походов. И сам Святослав «обвеян настроениями и интересами земли своих отцов»; отсюда его бродячий нрав, отсюда его тяга на Дон и Волгу, неустанные набеги в «поисках даней и наживы»².

С. В. Бахрушин, также исходя из своей общей концепции «о державе Рюриковичей» как чуть ли не о догосударственной стадии развития древней Руси³, рассматривал внешнеполитические и военные шаги древнерусского государства как простые грабительские набеги, со-

вершавшиеся войсками «княжеств» (кавычки С. В. Бахрушина), носивших «военно-разбойничий характер». Правившие там князья — «искатели приключений» вели непрерывную борьбу за дань⁴. Такими же, считает С. В. Бахрушин, были и походы Святослава — этого князя-завоевателя. Говорить о его государственной политике, об установлении власти киевских князей на захваченных территориях не приходится; это были лишь действия грабителей, разоряющих местное население⁵.

О «военных авантюрах» Святослава писал в те же годы С. В. Юшков⁶.

В 1939 году была опубликована написанная ранее статья об истории походов Святослава Ф. И. Успенского. И вновь мы видим, как историк по существу слепо следует византийскому источнику. Походы Святослава в Болгарию автор сравнивает с резней, устроенной в этой стране Василием II Болгаробойцей. Нашествие руссов явилось для Болгарии «опустошительной войной»⁷.

Ф. И. Успенский согласен с Львом Дьяконом в том, что действия Византии действительно явились первопричиной, вызвавшей нападение руссов на Болгарию. Греки при этом стремились отвлечь военные силы Болгарии на борьбу против русских и обеспечить себе свободу рук в борьбе с арабами⁸.

Автор сделал важный вывод относительно столкновения византийских, русских и болгарских интересов на северных берегах Черного моря. В частности, он отметил, что по мере усиления Руси византийские владения в Северном Причерноморье стали подвергаться опасности нападения со стороны Святослава. Русь стала играть здесь ведущую роль, вытеснив Хазарию, и не случайно в Киев явился именно сын херсонесского стратига как лицо, кровно заинтересованное в переговорах⁹.

Ф. И. Успенский, пожалуй, впервые в отечественной литературе столь четко сказал о той коалиции, которую создал Святослав, приступая к первому походу в Болгарию. Уже на этом этапе с ним вместе были угры. В свою очередь греки направили на Киев печенегов, когда стали очевидны успехи русского оружия на берегах Дуная¹⁰.

В соответствии со своей концепцией о русской «опустошительной войне» в Болгарии Ф. И. Успенский повторяет версию Льва Дьякона и других византийских хронистов о зверствах Святослава по отношению к болгарскому населению. По мнению Ф. И. Успенского, Святослав пре-

дал огню и разграбил столицу Болгарии Преславу¹¹. Неутешителен для русской политики и общий итог, который подводит Ф. И. Успенский: походы Святослава имели «роковое значение для Болгарского царства». Они ослабили Болгарию, вызвали разрушение ее городов; объективно они способствовали расколу страны на Восточную и Западную Болгарию, усилению «греческого элемента» в стране. Автор, делая этот вывод, в то же время вовсе не упомянул о том режиме репрессий, который установили на болгарской территории греки.

Договор 971 года автор расценивает как полный крах всей политики Святослава, «вредно отозвавшейся на политическом положении славянства»¹².

Уделил внимание походам Святослава в своей «Истории Болгарии» Н. С. Державин. Изложив их историю, он мимоходом коснулся и дипломатической стороны вопроса, разобрал смысл переговоров Святослава с Цимисхием и заметил, что руссы обложили данью не болгар, а «византийское правительство»¹³, хотя и не определил характера этой дани.

В противоположность Ф. И. Успенскому Н. С. Державин сделал акцент на тех известиях византийских хронистов, в которых говорится о захвате Цимисхием Болгарии после ухода руссов¹⁴.

Работа Ф. И. Успенского оказалась в отечественной историографии практически последней, в которой в полной мере и наиболее ярко отразилась «византийская концепция» событий.

Со второй половины 30-х годов в результате активного освоения советскими историками марксистско-ленинской исторической методологии в советской историографии складывается понимание внешней политики древней Руси как исторического явления, обусловленного классово-феодальным характером древнерусского общества, развитием раннефеодальной государственности у древних руссов, как явления, закономерно отражающего различные этапы развития древнерусского общества, их специфические черты и историческую преемственность.

Работы Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова и других ученых, заложивших основы единого и комплексного изучения социально-экономической, политической, культурной истории древней Руси, позволили советским историкам подойти к изучению внешней политики древнерусского государства не с субъективистских позиций анализа деятельности отдель-

пых удачливых или неудачливых князей, а с точки зрения выражения тем или иным деятелем общественных потребностей своего класса, развивающегося феодально-государства.

В связи с этим начинается пересмотр и истории русско-болгарских отношений того времени, которые уже не укладывались в прежнюю «грабительскую» концепцию и требовали углубленного анализа с точки зрения изучения социально-экономической, политической и культурной истории Руси и Болгарии, их многочисленных и прочных контактов во многих общественных сферах как в годы, предшествовавшие появлению русских войск на Балканах, так и в целом в IX—X веках.

В статье И. Лебедева «Войны Святослава I», опубликованной накануне второй мировой войны, заметный акцент был сделан на воинских подвигах русского великого князя. В этом смысле автор по существу продолжил линию, уже сложившуюся в дореволюционной историографии, хотя его методологические посылки были совершенно иными, чем у дворянских и буржуазных историков, и он рассматривал внешнюю политику Святослава как выражение потребностей складывавшегося феодального древнерусского государства. Однако и для работы И. Лебедева были частично свойственны ошибки прошлого. Автор характеризовал Святослава как «воинственного князя», «воина по натуре»¹⁵. Рассказывая о его военных предприятиях, он по существу воспринимает концепцию Льва Дьякона о стремлении Святослава завоевать Болгарию. Болгария предстает в его изображении как страна, ставшая игрушкой в руках крупных политических сил — Византии и Руси. Святослав, по мнению И. Лебедева, стремился создать огромную империю, которая включала бы Болгарию, европейскую часть Византии, Богемию, Венгрию. Едва же Святослав ушел из Болгарии на выручку Киева в 968 году, как болгары немедленно заключили союз с Византией¹⁶. И. Лебедев не смог разрешить видимое противоречие византийских источников и вслед за ними писал о завоевании и усмирении Святославом Болгарии, о том, что русский князь после захвата Преславы оставил Бориса «болгарским царем», «воздав ему царские почести» и сделав его «своим союзником». Не ясен оказался для автора и смысл этого союза. Он отметил, что, сделав Бориса «своим союзником», Святослав получил возможность «нанимать болгар к себе на службу для войны с Византией»¹⁷. А это значит,

что под Аркадиополем, Преславой, Доростолом дрались болгарские наемники.

Вслед за дореволюционными историками И. Лебедев отметил, что внезапность нападения греков весной 971 года на руссов объяснялась беспечностью Святослава, поверившего миролюбивым заверениям византийцев и ждавшего их посольства для заключения окончательного мира¹⁸. Автор сделал весьма важный вывод о распаде русско-болгарского союза под Преславой. Уже там, отмечает он, болгары перешли на сторону Византии, и дворец защищали лишь руссы во главе со Сфенкелом¹⁹, хотя этот факт И. Лебедев не подтверждает материалом источников.

Б. Д. Греков в 1939 году в своей работе «Киевская Русь» сформулировал положение о том, что деятельность Святослава — это не только воинские подвиги полководца, но и масштабные, тонко рассчитанные действия крупного политического деятеля. Святослав стремился расширить владения Киевского государства; его знает весь тогдашний политический мир, что говорит о возросшей роли Руси в международных отношениях²⁰. «Он является, — отмечал Б. Д. Греков, — одним из участников крупнейших международных событий, причем часто действует не по собственной инициативе, а по соглашению с другими государствами, участвуя, таким образом, в разрешении задач европейской, а отчасти и азиатской политики». Очень важным представляется впервые высказанное в историографии положение Б. Д. Грекова о том, что «во внешней политике Святослава, как и его предшественников, нетрудно видеть известную систему по осуществлению задач, поставленных не усмотрением того или иного князя, а растущим Киевским государством»²¹.

Изучение внешней политики Святослава Б. Д. Греков начинает с анализа его походов на Оку и Волгу и отмечает, что именно война с тамошними народами привела его к конфликту с Хазарией. Удар Святослава по Хазарии и Северному Кавказу, попытку руссов не столько ограбить край, сколько подчинить его своей власти, Б. Д. Греков рассматривает как продолжение руссами своей восточной политики, проведение которой было прервано, так как «серьезные соображения» отвлекли Святослава на Запад²².

Ход военной кампании и политические обстоятельства, сопутствовавшие ей, Б. Д. Греков, однако, оценивает вполне традиционно. В результате посольства Калокира

Святослав предпринял поход в Болгарию, затем он решил остаться там навсегда²³. Тем самым Б. Д. Греков также поддержал концепцию о завоевании руссами Болгарии в конце 60 — начале 70-х годов. Автор считает, что после провала нападения печенегов на Киев и возвращения Святослава в Болгарию Иоанн Цимисхий «хотел покончить со Святославом мирным соглашением, но Святослав не шел на невыгодные для него предложения».

Таким образом, признав достоверными сведения и русского, и византийских источников о переговорах греков и руссов в 970 году, Б. Д. Греков не разъяснил смысла этих переговоров и не ответил на вопрос, чем же невыгодны были для руссов предложения Византии. Автор отметил, что во время военной кампании 970 года «соединенные силы болгар и греков заставили Святослава отказаться от его замыслов в отношении Болгарии»²⁴. Тем самым Б. Д. Греков еще раз подчеркнул свою приверженность концепции, согласно которой Святослав воевал как с Болгарией, так и с Византией, хотя в другой своей работе Б. Д. Греков отметил, что часть болгар, враждебных Византии, вместе с венграми и печенегами встала на сторону Святослава²⁵. Историк полагал, что договор 971 года «совсем иного типа, чем договоры Олега и Игоря»²⁶. Какого же? Этого, к сожалению, автор не прояснил.

В начавшейся переоценке значения военно-политической деятельности Святослава важную роль сыграли труды крупнейшего советского востоковеда В. В. Бартольда. Анализируя походы Святослава на Восток, в одной из своих статей, опубликованной в 1940 году, он отметил, что «войны Святослава предпринимались уже не для грабежа, как некогда войны норманнов и первые походы руссов за Каспий (наше несогласие с автором по этому вопросу мы изложили ранее. — А. С.), но для завоеваний». На основании изучения фактов, приводимых Ибн-Хаукалем, В. В. Бартольд пришел к выводу, что Святослав всем своим поведением демонстрировал намерение создать для края условия нормальной жизни, поэтому жители, напуганные поначалу нашествием, вскоре стали возвращаться на свои земли, к мирному труду. В. В. Бартольд полагал, что русский поход лишь краем задел буртасов и волжских болгар, поскольку и после русского удара известия о них как о жизнеспособных государственных образованиях продолжают встречаться в источниках, между тем как вскоре после разгрома Хазарского

каганата это государство прекратило свое существование²⁷.

Положения, выдвинутые В. В. Бартольдом, помогают представить военно-политическую деятельность Святослава в целом, определить ее общие цели и методы осуществления. Однако В. В. Бартольд провел, как мы видели, водораздел между прежними походами руссов на Восток и походами Святослава, а это, на наш взгляд, приводит к отрицанию преемственности древнерусской внешней политики на Востоке.

А. Ю. Якубовский, обращаясь к истории русских походов на Восток, отметил необычайно широкий регион их охвата. Автор вслед за В. В. Бартольдом и Б. Д. Грековым также согласился с тем, что руссы стремились упрочить свою власть на Нижнем Поволжье и Северном Кавказе, однако не смогли этого сделать, так как Святослав отправился на Дунай; кроме того, Нижнее Поволжье было далеко, в степях грозили печенеги, осуществить переселение славян в те края было трудно²⁸.

Переоценку содержания внешней политики Святослава, предпринятую в 30-х годах Б. Д. Грековым, продолжил в середине 40-х годов М. Н. Тихомиров. Он показал общегосударственный характер этой политики, ее масштабность²⁹. М. Н. Тихомиров впервые в историографии отметил связь походов Святослава с внутренним положением Болгарии и подчеркнул, что провизантийская политика болгарского двора была непопулярна в стране. Изложив, согласно данным Льва Дьякона, причины болгаро-византийского конфликта, М. Н. Тихомиров поддержал мнение болгарского историка В. Н. Златарского о том, что в основе посольства Калокира лежало стремление Византийской империи отвлечь Святослава от натиска в Причерноморье на Крым и Херсонес³⁰.

Правда, автору неясно, какие предложения мог сделать Никифор руссам. М. Н. Тихомиров лишь предполагал, что Святослав претендовал на район дунайских гирл вплоть до Доростола с целью обеспечения русского торгового пути в Византию. Об этом говорит и выбор русским князем в качестве своей новой резиденции Переяславца, то есть Малого Преслава, расположенного в гирлах Дуная и являвшегося в то время значительным торговым центром. И Никифор Фока, видимо, согласился на то, чтобы отдать руссам этот район, но не всю Болгарию. М. Н. Тихомиров верно подметил стремление Византии укрепить через болгарский двор, и в первую

очередь через царя Бориса, греческое влияние в Болгарии, но, сказав о начавшемся политическом распаде страны, одной из причин которого явилась борьба про- и антивизантийских группировок³¹, ученый не выявил связи внутривизантийской борьбы в Болгарии с внешнеполитическими шагами Руси. Он посчитал, что во время второго нашествия руссов на Болгарию им поначалу противостояла вся страна, да и действия самого Святослава на этот раз были направлены «на завоевание всей Болгарии». Правда, М. Н. Тихомиров отметил, что второе появление Святослава на Дунае было тесно связано «с переменами в болгарской политике»³², но он ничего не говорит об их характере.

Однако, сопоставив известия византийских источников и обнаружив, что они содержат материал о совместных военных действиях против Византии руссов и болгар³³, М. Н. Тихомиров пришел к выводу, что все, о чем пишут византийские хронисты, «мало напоминает варварское завоевание страны, приписываемое русским византийскими авторами». Основной удар по Болгарии нанесли позднее византийцы; Святослав же не ставил себе целью покорение страны, он хотел закрепить за собой лишь Добруджу и «вступил в союзные отношения с болгарским царем, обещав ему свою поддержку против греков, угрожавших независимости Болгарии и несколько времени позже осуществивших свою угрозу»³⁴.

П. О. Карышковский в соответствии с марксистско-ленинскими взглядами на развитие феодальной государственности оценивал внешнеполитические предприятия Святослава как определенные шаги на пути образования древнерусского государства. К ним он относил разгром Хазарии, утверждение Руси в Приазовье, войны на Балканах. Вслед за Б. Д. Грековым и М. Н. Тихомировым автор выступил против взгляда на Святослава как на вождя бродячей дружины, «воина по натуре», случайное орудие византийской политики, а также против изображения его походов как простых грабительских набегов³⁵. Не отрицая элементов грабежа и насилия, проявлявшихся в ходе военных действий руссов, особенно в первый период балканской кампании, автор подчеркнул, что не они определяли содержание походов Святослава, а масштабные государственные расчеты, в основе которых лежало стремление к созданию империи на юге, завоеванию Константинополя. Это намерение можно было осуществить только в союзе с Болгарией, и такой союз

был создан, о чем, по мнению автора, говорят факты, уже упоминавшиеся выше³⁶. Таким образом, П. О. Карышковский не только поддержал мнение видных советских ученых о сущности внешней политики Святослава, но и внес новые моменты в трактовку проблемы, увидев в Болгарии не врага, а союзника Руси. Чрезвычайно важным, на наш взгляд, является наблюдение П. О. Карышковского, впервые высказанное в историографии, что репрессии Святослава против болгар обрушились лишь на головы болгарской верхушки, не желавшей союза с язычниками и пошедшей на союз с руссами вынужденно³⁷. Очевидно, автор был близок к пониманию того, что в болгарской верхушке той поры существовали провизантийская и прорусская группировки, однако эта мысль не нашла дальнейшего развития в работах П. О. Карышковского.

Ценным в работах автора представляется и тщательное воссоздание хронологии событий³⁸.

«Очерки истории СССР» в обобщенном виде отразили концепцию советской исторической школы 40—50-х годов о времени правления Святослава. В «Очерках» отмечается, что при нем русское государство достигло особенной силы, значительно расширило свои границы, укрепило аппарат власти, заняло видное положение в международных делах. Подчеркнута преемственность политики Игоря и Святослава и сказано, что последний осуществлял эту политику «с еще большей настойчивостью и в более сложной обстановке». Русь явилась участником крупнейших политических событий, вступая в соглашение с другими государствами³⁹. Изложена также история похода Святослава на Восток и отмечено не только стремление руссов разгромить своих извечных противников — хазар и их сателлитов, но и закрепиться на захваченных территориях, в частности в районе Северного Кавказа. Однако описывая балканскую войну Святослава, авторы «Очерков» пошли вслед за Львом Дьяконом в объяснении причин и хода этой кампании. Здесь также воспринята концепция единой Болгарии, решающей вопрос, кто для нее опаснее — Византия или Русь. Если на первом этапе войны 970—971 годов болгары поддержали Святослава, то на втором, как признается в «Очерках», «часть болгарской знати» отказалась от союза со Святославом.

Эта точка зрения также нашла отражение в «Истории Болгарии». Здесь, однако, был сделан ряд уточнений относительно развития международных событий в Восточ-

ной Европе середины 60 — начала 70-х годов X в. Авторы этого обобщающего труда считали, что ослабевшая Болгария была вынуждена пропускать венгров через свою территорию к византийским владениям, а не делала этоумышленно, как об этом писал Скилица⁴⁰.

Что касается болгаро-византийского конфликта, то он был предопределен старым соперничеством двух держав и тем, что Византия Никифора Фоки, усилив свою армию, наконец смогла освободиться от выплаты ежегодной обременительной дани болгарам. Святослав же попытался укрепиться в низовьях Волги, Приазовья и, по-видимому, в Крыму, угрожая здесь византийским владениям. Готовился он и к завоеванию низовьев Дуная. Поход Святослава на Дунай выглядит как самостоятельно обдуманное предприятие руссов. Миссия же Калокира состоялась в то время, когда Святослав был уже в низовьях Дуная, накануне похода в Болгарию. С какой просьбой обратилось византийское посольство к Святославу — неизвестно, так как утверждение Скилицы, будто греки просили Святослава выступить против болгар, по мнению авторов «Истории Болгарии», «вряд ли является правильным», так как именно Никифора Фоку болгары просили о помощи против руссов. «Византия, — отмечается в этой работе, — вряд ли желала видеть на Балканах, в непосредственной близости от Константинополя, русские войска, недавно разгромившие хазарскую державу»⁴¹.

Автор данного раздела высказал интересное предположение о том, что посольство Калокира должно было отклонить Святослава от наступления на Херсонес, а в качестве «платы» за отказ от этого предприятия русский князь потребовал византийского нейтралитета во время его похода на Дунай⁴². И в основе дальнейших дипломатических шагов Византии, по мнению авторов «Истории Болгарии», лежало стремление империи, с одной стороны, соблюсти нейтралитет по отношению к Руси, а с другой — вытеснить руссов с берегов Дуная. Именно с этой целью греки направили печенегов на Киев.

Рассмотрев затем внутреннее положение Болгарии в 969 году (последствия смерти царя Петра, восстание «комитопулов», его антивизантийский характер), авторы «Истории Болгарии», опираясь на анализ всего комплекса факторов внутреннего развития страны в середине X века, впервые в историографии высказали мысль о том, что, возвратившись в Болгарию, Святослав выступил «в

союзе с антивизантийскими элементами против Византийской империи»⁴³. Таким образом, рассматривая этот этап событий, они исходят из существования двух противоположных политических тенденций в самой Восточной Болгарии.

По-новому в этом труде оценены болгаро-русские отношения на заключительном этапе войны: после ухода русских из Преславы Святослав опасался восстания болгарской знати, но болгарский народ поддерживал руссов. Победа византийцев привела к порабощению ими Болгарии⁴⁴.

Немалое внимание событиям 60—70-х годов X в. в Восточной Европе уделил М. В. Левченко.

Венгерский натиск на Византию через территорию Болгарии автор считал первопричиной разрыва отношений двух стран, а вопрос об уплате дани — лишь поводом⁴⁵. В то же время М. В. Левченко присоединился к точке зрения историков, считавших, что болгарский царь был вынужден пропускать венгров через свою территорию; если бы у него достало сил воспрепятствовать венгерским вторжениям на Балканы, он бы сделал это. Однако занятый делами на Востоке и боявшийся появляться в глубине Балканских гор, Никифор Фока «решил поручить ведение этой войны (с Болгарией. — А. С.) русским», так как Русь была удалена от Византии и не могла угрожать непосредственно ее границам⁴⁶. Как и авторы «Истории Болгарии», М. В. Левченко отметил, что успехи Святослава на Востоке, его натиск в районе Причерноморья, угрожающий византийским владениям в Крыму, также побуждали империю отвлечь от Херсонеса беспокойного и опасного соседа, что и должен был сделать Калокир во время своего посольства⁴⁷. М. В. Левченко полагал, что Святослав согласился на предложение Византии (и в этом смысле автор вступает в полемику с авторами «Истории Болгарии», считавшими, что поход на Дунай был предопределен Русью заранее), но не склонен был выполнять роль византийского наемника⁴⁸.

Вслед за М. Н. Тихомировым историк высказал мысль о стремлении Святослава на первых порах захватить лишь земли современной Добруджи, но не всю Болгарию, и в этом смысле он был наследником завоевательной политики Олега и Игоря⁴⁹.

Для характеристики русско-византийских отношений в 968 году важно понимание автором сообщения летописи о дани, которую взимал Святослав с греков, сидя

в Переяславце: это было обещанное императором вознаграждение за вторжение в Болгарию и не более⁵⁰.

В Болгарии, подчеркивает М. В. Левченко, Святослав действовал не только оружием, но и антивизантийской «пропагандой», которая нашла благодатную почву среди населения Болгарии. Распространению антивизантийских настроений среди болгар способствовало изгнание их послов Никифором, его «беспричинное нападение» на Болгарию, направление против нее русского войска. Все это, по мнению автора, вело «к превращению антивизантийских настроений в стихийную ненависть», и «в лучших умах Преславской Болгарии могла зародиться мысль, что ввиду невозможности отразить вторжение и спасти независимость Болгарии следует сговориться с завоевателями против тех, кто был виновником этого нашествия»⁵¹. Так еще раз точка зрения Льва Дьякона была поддержана в одной из работ середины 50-х годов нашего века. Узнав об истинных намерениях Святослава и Калокира, Никифор восстановил к июню 968 года дружеские отношения с болгарской правящей верхушкой.

М. В. Левченко считал, что болгаро-византийский союз был восстановлен на основе договоренности о военной помощи болгарам со стороны Византии, но вместо этого греки инспирировали нападение печенегов на Киев и занялись своими сирийскими делами⁵².

Однако Константинополь вновь ошибся в своих расчетах: руссы оставили в болгарских городах свои гарнизоны и увели из Болгарии лишь часть войска. Именно поэтому, пишет М. В. Левченко, ссылаясь на В. Н. Татищеву, Лев Дьякон ничего не сообщил о двух вторжениях Святослава в Болгарию⁵³.

Интересно наблюдение автора о том, что в защите Болгарии от Святослава не участвовало Западно-болгарское царство, где возобладали антивизантийские настроения. Однако М. В. Левченко не развил эту гипотезу, которая позволяла подойти к оценке русской дипломатии в Болгарии с учетом политики «комитопулов».

В соответствии с традиционным представлением о втором походе Святослава в Болгарию М. В. Левченко считал, что русский князь подчинил себе все владения Бориса, взял его столицу и захватил самого болгарского царя и его семейство. Помимо этого Святослав, по мнению историка, стремился установить здесь новые порядки во время второго завоевательного похода⁵⁴. Так по существу

М. В. Левченко повторил концепцию о завоевании руссами Болгарии.

Вместе с тем вслед за А. Чертковым и болгарским историком П. Мутафчиевым автор привел факты о действительно дружественных отношениях руссов и болгар во время русско-византийской войны. М. В. Левченко не определяет форм и характера болгаро-русского союза, но говорит о том, что Святослав должен был пойти болгарам на уступки и продемонстрировал уважение к болгарской государственной традиции⁵⁵. В целом это был новый шаг в трактовке болгаро-русских отношений в период балканских походов Святослава.

Рассматривая спорный вопрос об исходе битвы под Аркадиополем, имевшей большое значение для последующего развития событий, М. В. Левченко поддерживает тех историков, которые верят сведениям Льва Дьякона, но не русской летописи. Однако аргументы автора, как нам представляется, малоубедительны: победа не могла быть за руссами, иначе непонятно, почему Варда Склиз в виде поощрения был назначен командующим войском империи в борьбе с восставшим Вардой Фокой. Иных аргументов не приведено. В то же время в противоречие с этим положением М. В. Левченко соглашается с тем, что, оказавшись в тяжелом положении, Иоанн Цимисхий для выигрыша времени и обмана руссов согласился на мир и обязался выплачивать дань Руси. В этом пункте автор полностью доверяет русскому источнику⁵⁶, хотя летопись исходит в трактовке событий из факта победы руссов в решающем сражении. Рассказав далее о ходе военной кампании 971 года, М. В. Левченко еще раз вернулся к вопросу о русско-болгарском союзе и пришел к выводу, что после падения Преславы началось отпадение болгар от Святослава, а это означало провал всего того, что было достигнуто русским князем. Отсюда подозрительность, проявленная Святославом в Доростоле, репрессии по отношению к болгарской знати⁵⁷. Отметим М. В. Левченко и распад антивизантийской коалиции, в частности отпадение от руссов печенегов. Говоря о договоре 971 года, автор выделил в нем лишь обязательства Святослава⁵⁸. М. В. Левченко писал о политическом подчинении Восточной Болгарии византийской власти. Подводя итог всей военно-политической кампании Святослава на Балканах, автор отмечает, что поход Святослава против Византии окончился полной неудачей⁵⁹.

В 1962 году историю похода Святослава на Восток

рассмотрел М. И. Артамонов. Автор поддержал соображения В. В. Баргольда, касающиеся хронологии похода, и отметил, что поход Святослава в район Оки и Средней Волги и явился началом борьбы с Хазарией, так как удар был направлен против сателлитов каганата. Это положение подтверждает общую концепцию советских историков о масштабности военных замыслов Святослава и политической обусловленности его военных предприятий. По мнению М. И. Артамонова, перед нами не военные авантюры и не простые грабительские набеги, «а хорошо продуманное предприятие, вытекавшее из трезвого учета существующей политической ситуации и экономической потребности Руси». Русь ставила перед собой цель разгромить Хазарию, овладеть ее территорией, утвердить контроль над торговыми путями, обеспечивающими экономические связи со странами Востока. Однако уход на Дунай помешал осуществлению этой цели.

М. И. Артамонов также считал, что лишь со времени Святослава Русь переходит от чисто грабительских походов к целенаправленным военно-политическим действиям⁶⁰.

В 1966 году общую оценку внешней политики Святослава дал Б. А. Рыбаков в главе «Киевская Русь» («История СССР с древнейших времен до наших дней», т. I). Он наиболее убедительно выразил взгляд на Святослава как на выдающегося государственного деятеля и блестящего полководца, как на преемника прежней внешней политики древней Руси, пытавшейся разорвать кольцо враждебных соседних государств, которые блокировали ее на торговых путях с Востока и Запада. «Походы Святослава 965—968 годов, — писал Б. А. Рыбаков, — представляют собой как бы единый сабельный удар, прочертивший на карте Европы широкий полукруг от Среднего Поволжья до Каспия и далее по Северному Кавказу и Причерноморью до балканских земель Византии»⁶¹. Два новых военных форпоста Руси появились на берегах Русского моря — Тмутаракань на Востоке и Переяславец на Западе, близ устья Дуная. Говоря о результатах военно-политических усилий Святослава, ученый не поддержал пессимистических оценок отечественных, в том числе и советских, историков, при этом он исходил из оценки всего комплекса внешнеполитических усилий Руси 60 — начала 70-х годов X в. «Балканские завоевания, — отмечал Б. А. Рыбаков, — были утрачены, но победы на Волге, на Дону и в Приазовье были закреплены»⁶². Такой

подход позволяет рассматривать внешнеполитические шаги Руси того времени в тесной связи и взаимообусловленности.

В «Истории Византии» Г. Г. Литаврин еще раз дал обобщающую оценку исследуемым событиям.

Причины русско-византийской войны автор объяснил нарастанием противоречий между Русью и Византией в первую очередь в районе Крыма, куда Русь подошла вплотную после побед, одержанных Святославом на Востоке в середине 60-х годов. Стремление Византии столкнуть Русь и Болгарию Г. Г. Литаврин объясняет желанием империи ослабить обоих своих соперников. Таким образом, автор вновь возвращается к уже высказанному в историографии положению о решающей инициативе империи в развитии событий конца 60-х годов X в. в Восточной Европе. При этом вне поля его зрения осталась гипотеза, согласно которой Русь по собственной инициативе предприняла поход на Дунай и лишь воспользовалась вынужденным нейтралитетом Византии. Ничего не говорит Г. Г. Литаврин и о предположении, касающемся попытки империи через посредство Калокира отвлечь Русь от слишком активных действий в районе Причерноморья и Приазовья. В отличие от ряда авторов, считавших, что Византия попыталась восстановить дружественные отношения с Болгарией после ее неудач в войне с Русью, Г. Г. Литаврин полагает, что болгары сами в преддверии готовящегося нашествия стремились восстановить дружбу с Византией и греческие политики пошли им в этом навстречу, торжественно приняв болгарское посольство в июне 968 года. Дальнейшие шаги в этом направлении Византия сделала уже после провала наступления печенегов на Киев и возвращения Святослава в Болгарию. В ответ на создание коалиции, состоявшей из Руси, венгров, печенегов, «определенных кругов болгарской знати», греки стремились опереться непосредственно на болгарскую правящую верхушку во главе с царем Борисом.

Таким образом, в историографии впервые было высказано предположение о том, что каждый из противников использовал в своих интересах определенную часть болгарского общества⁶³. К сожалению, автор не развил эту гипотезу, не дал развернутой аргументации своей точки зрения.

Описывая ход военных действий, Г. Г. Литаврин не затронул вопроса о результатах битвы под Аркадиопо-

лем и посчитал, что уход Святослава за Балканы объяснялся «следствием каких-то мирных обещаний Цимисхия», поэтому наступление греков весной 971 года явилось для руссов полной неожиданностью. Излагая ход военных действий, историк отметил антирусскую «пропагандистскую» кампанию Цимисхия, отпадение ряда болгарских городов от руссов, колебания болгарской верхушки Доростола, распад русско-венгеро-печенежской коалиции⁶⁴. Г. Г. Литаврин констатирует, что попытка русского князя распространить свою власть на часть Болгарии не увенчалась успехом⁶⁵.

В. Т. Пашуто рассмотрел внешнюю политику древней Руси в 60 — начале 70-х годов X в. на широком историческом фоне, в тесной связи с предшествующими внешнеполитическими шагами древнерусского государства. Восточный поход Святослава, в частности нападение на Хазарию, автор охарактеризовал как продолжение русской активности на Востоке. Святослав «стремился сокрушить всю систему европейских и азиатских союзов Византии в Причерноморье»⁶⁶. Реализацией этих крупных государственных замыслов В. Т. Пашуто считает освобождение из-под власти хазар вятичей, нанесение удара по землям волжских булгар и буртасов, разгром хазар, распространение русской власти на земли ясов и касогов. Автор подчеркнул, что связи этих земель с Русью оказались прочными и долгими. Какова была конкретная цель восточного похода Святослава? Она заключалась в том, чтобы не только разгромить Хазарию, но и «взять в русские руки контроль над торговыми путями в Хорезм, Багдад, Константинополь по Волге, Дону, на Керченском проливе, на Северном Кавказе, открыть дорогу на Кавказ и прочной ногой встать в Крыму». Автор считает, что русские победы на Востоке сильно упрочили позиции Руси в Причерноморье и даже последующая неудача Святослава в балканской кампании не изменила достигнутых результатов⁶⁷.

Исследуя русско-болгаро-византийские отношения, В. Т. Пашуто исходил из того, что после восточного похода Святослава под угрозой русского нападения оказались Херсонес и другие византийские владения в Крыму, поэтому Никифор Фока и попытался столкнуть Русь с Болгарией и одновременно натравил на Киев печенегов. Автор не останавливается на причинах болгаро-византийского конфликта, а начинает анализ событий непосредственно с посольства Калокира, в результате которо-

го, по мнению историка, Святослав и решил направиться в Болгарию⁶⁸. При этом В. Т. Пашуто не говорит о завоевании всей страны, а отмечает, что руссы утвердили свою власть лишь в районе нынешней Добруджи.

В. Т. Пашуто высказывает предположение, что после первого похода на Дунай Святослав заключил какое-то соглашение с Византией, возможно, оно было тройственным русско-болгаро-византийским, так как император в 968 году отказался платить дань Болгарии⁶⁹. С этим, однако, трудно согласиться, и в первую очередь исходя из логики самого же автора. Во-первых, В. Т. Пашуто указал, что Византия в 968 году организовала наступление печенегов на Киев. О каком же соглашении с Византией могла идти речь, если Святослав ушел на выручку своего столярного города? Во-вторых, согласно Льву Дьякону, вопрос об отказе платить дань болгарам возник до посольства Калокира, а не после него, так что применительно к 968 году можно говорить не о начале конфликта с болгарскими, а, напротив, о попытке вновь установить с болгарской верхушкой добрые отношения. В этом вопросе мы поддерживаем точку зрения, неоднократно высказанную в историографии.

В. Т. Пашуто со ссылкой на русскую летопись указывает, что Святослав взял во время второго похода в Болгарию Великий Преслав (однако летопись говорит, что болгары затворились в Переяславце, т. е. Малом Преславе на Дунае. В болгарской же столице русский отряд появился позднее, и нет никаких сведений о «взятии» ее руссами), а затем при помощи венгерских и печенежских союзников овладел всей Восточной Болгарией, пленил болгарского царя и сделал его своим вассалом, сохранив за ним титул, регалии и казну. После этого и родилась у русского князя идея похода на Константинополь, который греки предотвратили, пообещав руссам дань, но слова своего они не сдержали⁷⁰. В результате начались военные действия, в ходе которых руссы дошли до Аркадиополя. В этой войне болгары стали союзниками Руси. Данный вывод В. Т. Пашуто сделал на основании известия Асох'ика и отметил, что «это был крупный дипломатический успех Святослава»⁷¹.

Лишь после победы греков под Аркадиополем и заключения соглашения, в основе которого лежало обязательство византийцев платить Руси дань, военные действия были остановлены и Святослав ушел за Балканы⁷².

Дальнейший ход событий автор изложил в соответствии с известиями Льва Дьякона.

Нам представляется важным в свете изучаемой темы обратить внимание на замечание В. Т. Пашуто о привлечении Цимисхием на свою сторону в ходе военной кампании 971 года части болгарской знати и печенегов⁷³.

Работы зарубежных историков

В зарубежной историографии также наблюдается эволюция взглядов на личность Святослава: изображение его норманнским воителем-авантюристом сменяется более глубокими оценками, включающими признание больших государственных заслуг русского князя. Эволюция эта произошла в основном под влиянием работ советских историков.

Что касается концепций внешней политики Святослава в зарубежной историографии XIX века, то они мало чем отличаются от концепций Карамзина, Соловьева, Иловайского и других отечественных историков.

В значительной зависимости от сведений Льва Дьякона оказался в данном вопросе чешский историк И. Иречек. Он считал, что во время первого похода Святослав действовал по наущению греков, а предпринимая второй поход в Болгарию, уже действовал «не как союзник византийцев, а ради собственных интересов», то есть ради завоевания страны, которое и осуществил, пленив болгарского царя. Затем на смену русским завоевателям пришли греки, уничтожившие болгарскую государственность. Болгария как единое целое противостояла этим враждебным ей силам¹.

В конце XIX века французский византист Д. Шлюмберже высказал мысль о том, что внешняя политика Святослава не была самостоятельной, что он стал случайным орудием византийской политики, а сам русский князь являлся типичным воином-завоевателем, дер-

жавшимся в Болгарии лишь путем насилия. Никифор Фока в поисках союзника против болгар остановился на нем просто потому, что Русь была далеко и менее опасна для империи, чем печенеги или угры².

В первой трети XX века сходная точка зрения нашла отражение в ряде работ группы буржуазных болгарских ученых и английского византиниста С. Рэнсимена.

М. Д. Дринов одним из первых в болгарской историографии откровенно противопоставил болгаро-византийский союз русскому нашествию, хотя такого прямого противопоставления в источниках нет. М. Д. Дринов утверждал, что после тщетных попыток империи воспрепятствовать проходу угров к границам Византии через болгарскую территорию Никифор Фока направил Святослава против Болгарии. Русь, писал М. Д. Дринов, давно уже была враждебна Болгарии. Она воевала с болгарами еще при Игоре, и поход Святослава на Дунай в 967 году был логическим продолжением этой политики³. Но вскоре между Византией и Петром II был заключен «мир и союз» с целью изгнания Святослава из придунайского края. Этот союз был закреплен болгарским посольством в Константинополе в июне 968 года, но, отвлеченный делами на Востоке, Никифор не смог помешать Святославу захватить Болгарию. Царь Борис был пленен, руссы установили на захваченной территории режим террора (казни в Филиппополе), что и привело к завоеванию края. Все это, по мнению Дринова, показывает, каким образом Святослав покорил и держал под своей властью Болгарию. Однако историк признал, что вместе с руссами в войне против Византии наряду с уграми и печенегами участвовали и болгары — «одни из страха, другие по доброй воле». Из страха перед отрядом Сфенкела обороняли болгары и Преславу. Что касается положения царя и царской семьи, то Святослав «держал их в плену»⁴.

Отметив, что Цимисхий миролюбиво обходился с болгарским населением, автор далее сообщил о добровольном переходе болгар на сторону греков, что и заставило Святослава провести репрессии в Доростоле. Вместе с тем М. Д. Дринов рисует картину подчинения Восточной Болгарии Цимисхием⁵.

Так была заложена основа для изучения проблемы буржуазными болгарскими учеными.

В. Н. Златарский, исследуя истоки событий 60 — начала 70-х годов на Балканах, считал, как и его предшественник М. Д. Дринов, что ослабевшая Болгария пала

жертвой борьбы двух враждебных ей сил — Византийской империи и Руси. Используя ослабление Болгарии, расколотой междоусобицами, Византия стремилась сокрушить своего опасного в прошлом соседа, не оказала ей помощи против угров, отказалась платить дань, направила против нее Русь, с тем чтобы одновременно отвлечь ее от своих владений в Крыму⁶. Святослав в свою очередь стремился завоевать Болгарию, чьи богатые земли давно привлекали его внимание⁷. Однако на первых порах он занял лишь теперешнюю Добруджу. Автор акцентирует внимание на грабежах и разрушениях, произведенных руссами в Болгарии, и говорит о закономерном обращении болгар за помощью к империи⁸. Второй поход руссов на Дунай В. Н. Златарский называет «новой страшной бурей», пишет о «покорении Болгарии» руссами, о борьбе болгар против захватчиков, пленении Святославом царя Бориса, последующих расправах над болгарским населением. Вместе со Святославом против греков, по мнению В. Н. Златарского, шли «покоренные» болгары. Он считает, что сражение под Аркадиополем закончилось поражением руссов⁹.

С неменьшим пафосом повествует автор о подчинении греками Болгарии после ухода из страны Святослава¹⁰.

Однако будучи большим знатоком болгарской истории, В. Н. Златарский приводит также факты, которые подрывают его же схему единой Болгарии, борющейся против сильных соседей-хищников. Он пишет о борьбе боярских группировок как в царствование Петра, так и после его смерти, об их провизантийской и прорусской направленности¹¹. Все это значительно меняет картину русско-болгаро-византийских отношений того времени.

Для Н. П. Благоева время царя Бориса — это также время «нашествия и завоеваний», сначала со стороны Руси, затем со стороны Византии. Борис же мужественно боролся и с теми и с другими¹². Ход событий, по Благоеву, выглядит следующим образом: сначала развивается болгаро-византийский конфликт, а с 968 года складывается болгаро-византийский союз, затем в 969 году начинается болгаро-русская война. Н. П. Благоев явно идеализирует болгаро-византийские отношения как в период 927—967 годов, так и в период осложнения русско-болгаро-византийских отношений¹³. На первом этапе событий Болгария выглядела жертвой перед лицом агрессора — Византии. После ссоры из-за венгерских вторжений Никифор Фока расторг договор 927 года, оскорбил болгар-

ских послов, предпринял военный поход против Болгарии, захватил болгарские пограничные крепости. В ответ Петр не предпринял никаких враждебных действий. К тому же Византия через Калокира спровоцировала русское наступление, и Святослав якобы взял с посла обещание, что руссы сохраняют за собой Болгарию в качестве «собственного владения». Но, как только измена Калокира стала известной в Константинополе, греки предупредили болгар о готовящемся русском наступлении, и начинается вторая фаза в образовании болгаро-византийского союза и развитии русско-болгарского конфликта¹⁴. Появление сыновей Петра — Бориса и Романа в Константинополе в 969 году (по данным Скилицы) автор объясняет тем, что они вели переговоры о совместной борьбе с руссами. После смерти отца Борис предпринял все возможные меры для отражения русской опасности, и «события скоро подтвердили, что страх болгар перед руссами имел все основания»¹⁵. А далее Н. П. Благоев рисует картину упорной борьбы болгар против руссов, в которой «приняли участие все болгары от всех областей Болгарии»¹⁶, хотя для такого вывода у Н. П. Благоева не было абсолютно никаких оснований.

По мнению автора, руссы завладели Болгарией, пленили Бориса, заставили сражаться болгар против греков, установили на болгарской территории режим террора¹⁷. С другой стороны, болгары оказывали всяческую поддержку Цимисхию: провели его через проходы в Балканах, сдали ему захваченную руссами Преславу, помогли в боях под Доростолом. Болгары, писал Н. П. Благоев, искренне верили, что греки освободят их от русских завоевателей¹⁸. Ни один из приведенных выше фактов, однако, не подкреплён данными источников.

В заключение автор сообщил, что Цимисхий жестоко обманул болгар в их ожиданиях и поработил страну¹⁹. Те же тенденции отражены и в другой работе Н. П. Благоева²⁰.

Единственным, пожалуй, кто попытался в те годы объективно подойти к сообщениям источников, был болгарский ученый П. Мутафчиев, чья статья, опубликованная в 1931 году в Праге, резко расходилась в этом вопросе как с болгарской официальной историографией, так и с работами русских, а также ряда советских ученых 20—30-х годов. П. Мутафчиев привел все данные Льва Дьякона и Скилицы относительно того, что Святослав якобы запугал болгар и заставил их при помощи терро-

ра подчиниться своей власти и участвовать в войне с Византией. Однако автор сумел выявить и факты другого характера в тенденциозных описаниях византийских хронистов. Полемизируя с Дриновым, он писал, что царь Борис вовсе не находился в плену у Святослава, а, напротив, был на свободе, о чем сообщали Скилица. К тому же он сохранил за собой царские знаки отличия. Преславу вместе с руссами отчаянно защищали болгары²¹. Обратил внимание автор и на то, что, когда Борис находился в Преславе, Святослав был далеко от него, в Доростоле. Согласившись с тем, что захват добычи явился для руссов в Болгарии естественным делом и во время военных действий были допущены со стороны русского войска разрушения и насилия, П. Мутафчиев, однако, замечает, что не это составляло главную цель прихода Святослава в Болгарию²². К тому же и здесь П. Мутафчиев заметил в источниках факты иного свойства: сокровища болгарских царей остались нетронутыми руссами, их позднее захватил Цимисхий и отправил в Константинополь; Святослав шадил христианские храмы, однако их позднее разграбили единоверные болгарам византийцы²³.

В резком противоречии с предшествующей историографией трактовал П. Мутафчиев проблему болгаро-русских союзных отношений. В частности, он первым высказал мысль о борьбе за Болгарию уже на первом этапе русского нашествия между Русью и Византией и о стремлении Никифора Фоки предотвратить возможный союз болгар и руссов. Отсюда предложение болгарам дружбы и союза против руссов²⁴.

Автор говорит о складывании болгаро-русского союза, но не отвечает на вопрос о его причинах. Он лишь высказывает предположение, что это могло быть и оскорбление болгарских послов при константинопольском дворе, и нападение греков на болгарские пограничные города, и инспирирование греками русского нападения. Однако все эти предположения, на наш взгляд, не позволяют П. Мутафчиеву вскрыть истинные причины русско-болгарского сближения, так как они исходят из случайных факторов, имеющих преходящее значение, между тем как автор оставляет в стороне причины долговременные, общеисторические, весь ход развития русско-болгаро-византийских отношений в конце IX—X веках.

П. Мутафчиев корректирует мнение болгарских ученых о том, что союза с Византией искал Петр, и указывает, что не болгары, а в первую очередь греки стремились

восстановить прежние отношения, о чем говорит миссия в Болгарию Никифора Эротика и епископа Евхаитского, которую автор относит к концу 969 года²⁵.

П. Мутафчиеву, несмотря на ряд интересных наблюдений, тем не менее не удалось преодолеть концепцию «единой Болгарии», которой противостояли и Русь и Византия. В свете этой концепции автор делает вывод, что на первом этапе борьбы за Болгарию верх взяла Византия, так как Святослав, захватив болгарские земли, грозил ликвидировать болгарскую государственность, а империя на первых порах обещала поддержку в борьбе с руссами.

Так наметившаяся, с нашей точки зрения, правильная линия автора на признание дифференцированного подхода к Руси в болгарском обществе исчезает, уступая место концепции о существовании единого, в основном провизантийского, направления во внешней политике страны. В дальнейшем, по мнению П. Мутафчиева, Византия бросила Болгарию на произвол судьбы. Начинается поворот болгар в сторону Руси, складывается союз двух стран, в процессе создания которого Святослав пошел болгарам на уступки, и в первую очередь сохранил власть за болгарским царем. Итак, в Болгарии, по П. Мутафчиеву, оказалось «два государя». Это Борис — «беспомощный фигурант», «воплощение фикции» и Святослав — «повелитель и воин». Последний в ходе второго похода в Болгарию появляется там «не для того, чтобы разорять, а чтобы создать новую державу, русско-болгарскую империю». Какие же аргументы приводит историк в пользу этой точки зрения? Во-первых, ответ Святослава, предложившего Цимисхию уйти из Европы, во-вторых, сведения «Повести временных лет» о намерении Святослава сделать Переяславец «середой» своей земли²⁶. Оба аргумента вряд ли выдерживают критику, так как предложение Цимисхию уйти в Малую Азию, судя по Льву Дьякону, было сделано в запальчивости и никак не говорит о наличии продуманного плана у Святослава. Что касается «середы» Святославовой земли, то факт, приводимый «Повестью временных лет», говорит как раз об обратном — о том, что Святослав довольствовался контролем над устьем Дуная и не претендовал на большее. Поэтому параллели с политикой Симеона, которые проводит в данном случае П. Мутафчиев, представляются надуманными.

В 1930 году точку зрения о завоевании руссами Болгарии и насильственном удержании болгар в качестве

своих союзников в борьбе с Византией поддержал английский византинист С. Рэнсимен²⁷.

Позднее в зарубежной историографии сходные позиции нашли отражение в работах Г. Пашкевича, Ф. Дворника, А. Боука, А. Власто²⁸. А. Боук, например, утверждал, что Святослав намеревался создать огромную империю, захватить Константинополь²⁹. А. Власто еще раз повторил старую концепцию внешней политики Святослава, отметив, что его правление было ознаменовано «военными походами в старой манере викингов». По мнению А. Власто, Святослав был намерен завоевать Болгарию (о чем говорит перенос им столицы на Дунай) и захватить императорский трон³⁰, хотя на этот счет в источниках нет никаких свидетельств.

Однако в отдельных работах западных историков в послевоенный период стал просматриваться и иной подход к проблеме. Они отошли от прежней оценки внешней политики древней Руси, в частности походов Святослава как «грабительских». Так, в 1948 году Г. Вернадский в своей книге «Киевская Русь» высказал мысль о том, что в данном случае историк имеет дело с определенной государственной политикой³¹.

Французская исследовательница И. Сорлен в своей работе о русско-византийских договорах X века отметила масштабность завоевательных походов Святослава, с которыми не могли сравниться военные предприятия его предшественников, их новую политическую и экономическую направленность. Русь хотела занять на Балканах место Византии³².

Но подлинную революцию в истории вопроса на Западе произвели статьи английского историка А. Стоукса, опубликованные в начале 60-х годов и посвященные походам руссов на Балканы в 60—70-х годах X в.³³

Очевидна близость работ А. Стоукса к исследованиям П. О. Карышковского.

В первой своей статье «О причине и хронологии балканской кампании Святослава Игоревича» А. Стоукс полностью преодолевает русофобские концепции зарубежных буржуазных авторов, хотя еще отдает дань некоторым взглядам прошлого. Он пишет, что «война была в природе Святослава», однозначно рассматривает внешнюю политику Болгарии и вслед за В. Н. Златарским и С. Рэнсименом считает, что в основе событий, ареной которых стала Болгария, лежало ее общее военное и политическое ослабление, усиление там влияния Византии. О без-

защитности Болгарии в это время, по мнению автора, свидетельствуют и рейды угров через ее территорию³⁴. Автор придерживается точки зрения о единой внешнеполитической линии Болгарии, которая вступила в союз с Византией против руссов. Инициативу в заключение этого союза проявила, однако, не Болгария, а Византия, стремившаяся обезопасить себя от соседства со Святославом, направившая посольство в Преславу и встречавшая в июне 968 года болгарских послов в Константинополе³⁵.

А. Стоукс, так же как и П. О. Карышковский, считает правильной летописную дату первого похода Святослава в Болгарию — 967 год.

По его мнению, русско-венгерский союз еще не сложился в 968 году, так как для этого не было времени, хотя угры были готовы к такому союзу с Русью³⁶.

В статье «Балканские походы Святослава Игоревича» А. Стоукс, повторив некоторые свои мысли относительно ослабления Болгарии к началу 60-х годов X в. и причин болгаро-византийского конфликта 966 года, более определенно формулирует политические цели Византии, подчеркивая, что действия Никифора Фоки были частью общего плана по сокрушению Болгарии³⁷. А. Стоукс вслед за некоторыми советскими и болгарскими историками считает, что Никифор Фока, обращаясь к Святославу, преследовал цель во что бы то ни стало отвлечь Русь от Крымских владений империи³⁸. И именно Калокир принес в Константинополь сведения об опасной для империи ситуации, складывавшейся в Причерноморье, и просил помощи против руссов. Автор обратил внимание на сообщение Яхьи Антиохийского, что Никифор Фока заключил мир с Русью, с которой находился в состоянии войны, и получил согласие руссов вторгнуться в Болгарию. Об этом же, по мнению Стоукса, говорит и обязательство Руси не атаковать Херсонес и другие византийские владения в Крыму, сформулированное в договоре 971 года³⁹.

А. Стоукс пишет о существенном дипломатическом просчете Никифора Фоки, получившего опасного соседа в непосредственной близости от своих границ. А затем автор делает ответственный и нетрадиционный для западной историографии вывод: Византия имела дело не с обычным «варваром», интересующимся прежде всего захватом добычи, и Святослав не являлся инструментом в руках византийской дипломатии, а действовал в соот-

ветствии с государственными интересами Руси. Это стало видно, по мнению А. Стоукса, после того, как русский князь, одержав первые победы над болгарами, изменил свою политику по отношению к ним и попытался опереться на их поддержку⁴⁰.

Одновременно автор критически оценивает попытки некоторых ученых преуменьшить византийскую инициативу в этих событиях и выявить гегемонистские устремления Руси во время второго похода в Болгарию. Английский исследователь утверждает, что никакой огромной империи во время второго похода Святослав создавать не собирался⁴¹.

Не согласен автор и с М. Н. Тихомировым относительно существования договоренности между Византией и Русью о том, что последняя возьмет под свой контроль Подунавье. Если бы это было действительно так, пишет А. Стоукс, то в источниках должны были отложиться сведения о посольских переговорах на этот счет, русские послы непременно появились бы в Константинополе и т. д.⁴², то есть автор считает, что подобные переговоры должны были бы проходить с соблюдением всех дипломатических формальностей. Этот подход делает позицию А. Стоукса весьма уязвимой, так как подобного рода соглашение могло и, по-видимому, должно было быть секретным.

А. Стоукс считает, что истинной целью балканских походов Святослава являлось увеличение территории Руси за счет завоевания «по меньшей мере части Болгарии»⁴³. И здесь вновь мы встречаемся с уже знакомой традиционной концепцией, влияния которой не смог избежать и этот вдумчивый исследователь.

В связи с этим известия летописи о том, что Святослав брал дань с греков, автор считает ошибочными и полагает вслед за В. Н. Златарским, что речь должна идти о дани, взимаемой с болгар⁴⁴.

Однако в дальнейшем А. Стоукс все дальше отходит от традиционной концепции единой болгарской политики и все ближе подходит к пониманию того, что внутри Болгарии 60—70-х годов X в. происходила борьба двух политических тенденций, определявшихся наличием провизантийской и прорусской группировок в болгарской верхушке. Автор утверждает, что в ходе второго русского похода на Балканы большая часть болгар перешла на сторону русских, а ненависть к Византии была в этой стране традиционной⁴⁵. Вместе с тем А. Стоукс убеж-

ден, что те болгары, которые перешли на сторону Руси, просто выбирали из двух зол меньшее.

Большое внимание уделяет А. Стоукс дипломатии сторон в период 970—971 годов. Он говорит об образовании нового союза руссов с уграми и печенегами и высказывает предположение, что это могли быть печенеги, пришедшие к Киеву⁴⁶. Отмечает он и синхронность таких явлений, как русское нападение на Византию, раскол Болгарии на Западную и Восточную, активизация арабов в Сирии, восстание Варды Фоки и убийство Никифора⁴⁷. Обращает он внимание также на дипломатические шаги Цимисхия, стремившегося с помощью переговоров и обещаний предотвратить русский поход на Константинополь, выиграть время.

И вновь А. Стоукс отходит от едва намеченной им линии на признание того факта, что в Болгарии действовали противоречивые силы, принимавшиеся в расчет как Цимисхием, так и Святославом. Автор, ссылаясь на Скилицу и Асох'ика, пишет о том, что на втором этапе войны болгары выступали в качестве союзников Святослава. Причем А. Стоукс вслед за П. Мутафчиевым имеет в виду «формальный союз», который был заключен вскоре после поражения болгар под Переяславцем.

После ряда поражений руссов болгары частично перешли на сторону Византии⁴⁸. Автор, к сожалению, не поясняет, о каких именно болгарях идет речь.

Окончательный вывод автора имеет прямое отношение к нашей теме. А. Стоукс подчеркивает, что Святослав победил Болгарию с помощью дипломатии, в основном политическими средствами, хотя порой шла и «обычная борьба», допускались репрессии, применялась грубая сила (в Филиппополе, Доростоле)⁴⁹.

Проявив некоторую непоследовательность, А. Стоукс тем не менее, на наш взгляд, нарисовал во многом объективную картину развития событий.

В 60-х годах на Западе появилась еще одна любопытная работа, связанная с изучением балканских походов Святослава. Мы имеем в виду статью американского историка И. Шевченко «Святослав в Византии и славянские миниатюры».

Изучив миниатюры, содержащиеся в мадридском манускрипте хроники Скилицы, автор установил, что 21 из них посвящена событиям русско-византийской войны, а пять — непосредственно изображают Святослава.

Придерживаясь норманистских теорий, автор настой-

чиво старается доказать, что внешне руссы, изображенные на миниатюрах, напоминают варягов, хотя их вид (усы, бритая голова с прядью волос) скорее соответствует внешности славяно-руссов-язычников. Материалы, приводимые И. Шевченко, имеют большое значение для изучения дипломатической стороны походов Святослава. Две из этих пяти миниатюр отражают сюжеты посольских переговоров. На одной Святослав принимает византийское посольство. Он сидит на троне из резного дерева с высокой спинкой. Эта миниатюра живо напоминает нам сообщение Устюжского летописного свода о приеме русским князем византийских послов по всем канонам тогдашнего дипломатического церемониала. На другой миниатюре Святослав изображен беседующим с Цимисхием⁵⁰. Обращение к этим миниатюрам дает дополнительные возможности для изучения дипломатической деятельности русского князя.

Значительный вклад в пересмотр прежней концепции внешней политики Святослава внесли болгарские историки-марксисты, которые критически использовали отечественное историографическое наследие по данному вопросу, а также внимательно изучили новейшие советские исследования.

Государственный характер этой политики отмечал в 1950 году в обобщающей работе И. Снегаров⁵¹. В 60—70-х годах новая точка зрения болгарских историков нашла широкое отражение в обобщающих работах — «Истории Болгарии», «Истории Византии» Д. Ангелова, в университетском курсе Х. Коларова, в отдельных статьях. На первый план в этих работах вынесены мотивы древних и глубоких экономических, политических и культурных болгаро-русских связей, которые в конце 60—начале 70-х годов X в. нашли яркое выражение в военном антивизантийском болгаро-русском союзе. Однако названным работам, на наш взгляд, присущи некоторая идеализация этих отношений, прямолинейность в оценке сложных и быстротечных событий на Балканах в тот период.

В «Истории Болгарии», в согласии со старой болгарской историографией, справедливо отмечается ослабление Болгарии со второй половины X века. Но этим ограничивается общее в подходе болгарских историков послевоенного периода и, скажем, В. Н. Златарского. В этом труде говорится о том, что Византия сделала все, чтобы в создавшихся условиях сокрушить своего старого врага — Болгарское царство. Никифор Фока, использовав проход

угров по болгарской территории как предлог, обрушился на Болгарию и, стремясь одновременно отвлечь руссов от Крыма, уговорил их предпринять поход на Дунай. Русские заняли земли нынешней Добруджи (по этому вопросу болгарские историки солидарны с М. Н. Тихомировым). В Преславе продолжал править Петр⁵². А далее в «Истории Болгарии» говорится, что Святослав стремился «привлечь болгарское население на свою сторону», чтобы вместе с ним осуществлять политику расширения своих территорий на юге, в пределах Византии.

Этот тезис страдает существенным недостатком. Авторы умалчивают о том, что же собирался сделать Святослав с болгарской территорией, которую он занимал, приближаясь к византийским владениям, как на это реагировало болгарское население.

Высказав исторически обоснованное положение о том, что Византия, а не Русь была главным врагом Болгарии в те годы, авторы «Истории Болгарии» тем не менее, как и ряд их предшественников, согласились с мнением о единой Болгарии, противостоящей Византии, о том, что политика киевского князя нашла отзвук среди болгар, которые хотели с помощью Руси оградить себя от византийских угроз, о «крепком боевом содружестве» между Болгарией и Русью в течение двух лет⁵³. Вместе с тем здесь отмечается стремление Цимисхия привлечь на свою сторону часть болгарского боярства, недовольного твердой политикой Святослава, который приказал в Доростоле наказать «изменившую ему аристократию»⁵⁴.

Слабость подобной точки зрения заключается в том, что она исходит из метафизического подхода к событиям. Получается, будто союз руссов и части болгар, как и провизантийские настроения болгарской знати, проявились неожиданно в ходе войны. Между тем эти настроения были связаны с давними прорусскими и провизантийскими тенденциями, обозначившимися в болгарском обществе едва ли не со времени смерти Симеона, а возможно, и в период его правления.

Подобная же точка зрения нашла отражение и в «Истории Византии» Д. Ангелова. Он также отметил стремление Византии в 60-х годах X в. наконец-то сокрушить ослабленную в военном и финансовом отношениях Болгарию и под этим углом зрения рассматривал все события на Балканах в то время, считая, что русский союзник был привлечен именно с целью полного подчинения Болгарии. Однако Святослав занял лишь часть Болгарии —

нынешнюю Добруджу и не пошел внутрь страны⁵⁵. Поворот Византии к союзу с Болгарией был вызван собственными устремлениями Руси в районе Дуная. Обострение противоречий между Русью и Византией привело к войне, руссы продвинулись в глубь болгарской территории, но, по мнению Ангелова, Святослав не имел намерения покорять Болгарию. Цель его состояла в том, чтобы привлечь «болгарского царя и болгарское население на свою сторону» и с их помощью продвинуться к Константинополю, однако под Аркадиополем руссы были остановлены⁵⁶. Так в этом сочинении вновь прозвучала концепция единой, на этот раз прорусской, политики Болгарии. Д. Ангелов считает, что аркадиопольская битва закончилась поражением руссов.

Большое внимание автор, как и другие болгарские историки, уделяет вопросу о закабалении Болгарии Византией после ухода из страны русского войска⁵⁷.

О важном значении балканских походов Святослава для укрепления и развития болгаро-русского сотрудничества писал Е. Михайлов⁵⁸.

В главе «Болгаро-русские отношения в средние века», в одной из последних обобщающих работ по истории средневековой Болгарии Х. Коларова, большое внимание уделено многовековым торговым и культурным связям двух стран. На этом историческом фоне рассматривает Х. Коларов русско-болгарские отношения X века⁵⁹. В соответствии с общим направлением болгарской и советской историографии последних лет в исследовании этого вопроса он считает, что основная цель Святослава на Балканах заключалась в сокрушении Византии, хотя в известный период времени он являлся противником Болгарии, и это было делом рук византийских дипломатов, стремившихся уничтожить Болгарию как своего главного противника на Балканах⁶⁰. Х. Коларов повторил точку зрения советских и болгарских историков о том, что Византия, сплособствуя походу Святослава на Дунай, стремилась отвлечь Русь от Крыма и нанести удар по Болгарскому царству⁶¹. И лишь когда Никифор Фока понял, что его главным врагом является не ослабевшая Болгария, а усилившаяся Русь, он приступил к налаживанию союза с болгарами против руссов. В этих условиях именно болгары, считает Х. Коларов, натравили печенегов на Киев⁶². Тем не менее благодаря гибкой политике в Болгарии, терпимому отношению к местному населению Святославу удалось во время второго похода привлечь болгар

на свою сторону. Он сохранил царское достоинство Бориса, и тот, видимо, обещал, что прекратит мирные переговоры с Византией и примет участие в совместном русско-болгарском походе на Царьград⁶³. Х. Коларов обходит вопрос о русских репрессиях в Болгарии, которые явно, как это отмечали ряд историков, указывают на наличие антирусских настроений среди части болгарской знати, и полагает, что Святослав имел дело с единой политикой болгарской верхушки.

Вместе с тем Х. Коларов делает правильный вывод о невозможности для Болгарии этого времени проводить самостоятельную внешнюю политику и о ее колебаниях между Византией и Русью⁶⁴.

* * *

Ознакомление с источниковедческими исследованиями отечественных и зарубежных историков по данной теме, а также с историографией показывает, что между учеными нет единства по ключевым вопросам трактовки источников, по коренным проблемам внешней политики древней Руси исследуемого периода, а также и относительно ряда немаловажных частных вопросов.

Спорными оказались едва ли не все известные в истории внешнеполитические шаги Святослава и общие результаты его деятельности.

До сих пор спорным остается вопрос о направлении, характере и результатах восточного похода Святослава. Поэтому совершенно неясно, какие дипломатические шаги могли быть предприняты Русью в связи с походом на Восток.

Не определена генетическая связь этого похода с предшествующими военными предприятиями времен Олега и Игоря, как и с последующей балканской кампанией Святослава.

Нет ясности в вопросе о причинах болгаро-византийского конфликта в середине 60-х годов и истинной роли венгеро-болгарских и болгаро-русских отношений той поры, развитие которых, согласно показаниям некоторых источников, привело сначала к болгаро-византийской, а затем и болгаро-русской войнам. А это значит, что до настоящего времени у нас нет прочных оснований для определения дипломатической линии Руси того периода по отношению к Византии, Болгарии, венграм.

Нет единства среди историков и в отношении миссии

Калокира, о которой сообщили византийские хронисты и которая осталась неизвестной русским летописям; до сих пор не прояснен вопрос о состоянии русско-византийских отношений в середине 60-х годов X в., влиянии на развитие этих отношений восточного похода Святослава, появлении руссов в опасной близости от византийских владений в Крыму. Какова связь этих внешнеполитических шагов Руси, миссии Калокира с вторжением русского войска в Болгарию? На этот счет в историографии существуют весьма противоречивые мнения.

Выпали из поля зрения исследователей и такие важные факторы внешней политики древней Руси середины 60-х годов, как организация Святославом военного союза с печенегами, уграми, создание антивизантийской коалиции, ее роль в событиях на Балканах того времени, длительность ее существования и т. д. Особое значение в этой связи имеет вопрос о русско-болгарских отношениях после первого похода Святослава в Болгарию и в период второго балканского похода. Кем являлись болгары для Святослава — врагами или союзниками, каковы были отношения Болгарии с Византией? И правомерно ли вообще вопрос, как он поставлен в историографии, об изменении внешнеполитической линии Болгарии, которая сначала находилась в состоянии войны с Византией, затем заключила союз с ней к лету 968 года, далее вступила в союз с Русью и вновь, после первых побед Цимисхия над руссами в 971 году, возобновила союзные отношения с Византией?

Отсутствует единство среди ученых и относительно дипломатических переговоров Святослава с греками летом 970 года. Сколько раз предпринимались эти переговоры, каковы были их сюжеты, можно ли верить сообщениям русской летописи о дани как основном условии соглашений, заключенных с греками, каковы в связи с этим были истинные цели Святослава на Балканах: хотел ли он создать русско-болгарскую империю, захватить Константинополь или оставить за собой лишь район Пераяславца, какова была в этой связи судьба Болгарии: становилась ли она завоеванной страной, сателлитом Святослава, или равноправным союзником? На все эти вопросы даются весьма разноречивые ответы.

Спор касается и содержания русско-византийского договора 971 года. Являлся ли он свидетельством военных поражений Руси или, напротив, был почетен для Святослава, как соотносится этот договор с прежними русско-

византийскими соглашениями 907, 911 и 944 годов, в каком соответствии находится он с другими соглашениями, заключенными Византией с окружающими странами во второй половине I тысячелетия? Эти вопросы также остались в историографии до конца не проясненными. Не были достаточно аргументированны и оценки итогов внешнеполитических усилий Святослава, и, таким образом, нет определенного мнения относительно того, насколько успешной была русская дипломатия той поры.

Вновь выдвигаемые в спорах гипотезы зачастую строились без учета всего историографического наследия, что приводило к такому положению, когда эти гипотезы порой сосуществовали с неопровергнутыми прежними предположениями, порой являлись лишь повторением точек зрения старых историков.

Историографический обзор показывает, что историки в исследовательском плане интересовались в основном каким-то одним направлением внешнеполитической деятельности Святослава — будь то его восточная политика или балканские кампании — и не рассматривали их в комплексе. В историографии еще не было дано комплексного анализа дипломатии Руси этого периода, ее роли в решении масштабных проблем внешней политики.

Наконец, и это особенно важно отметить, внешняя политика Святослава рассматривалась, как правило, фрагментарно, изолированно от предшествующих внешнеполитических усилий древнерусского государства, от внешнеполитических шагов сопредельных стран, и прежде всего тех, кто был связан с Русью давними политическими отношениями: Византии, Болгарии, Хазарии, печенегов, венгров.

Все это, на наш взгляд, является достаточным основанием для того, чтобы еще раз обратиться к дипломатии Святослава Игоревича, чья внешнеполитическая деятельность представляет собой важную страницу в истории древнерусской государственности.

3. Дипломатия Святослава

Восточный поход Святослава

Военные предприятия Святослава, согласно русской летописи, начались с его похода на Оку и Волгу в 964 году.

Для того чтобы понять истинный характер восточной политики древнерусского государства, определившийся к 60-м годам X в., следует еще раз обратиться к прежним восточным походам Руси, а также к русско-византийскому договору 944 года.

Каковы были результаты походов русских войск в Закавказье? Координируя свои действия с Византийской империей, руссы неоднократно в X веке проникали в этот район, но к середине X века так и не смогли там закрепиться. Это объяснялось не только отдаленностью захваченных ими в Прикаспии территорий и враждебностью окружающего мусульманского населения, но и постоянно враждебным отношением к русскому движению на Восток Хазарского каганата. Направляясь в Закавказье в 912 году, руссы были вынуждены просить хазар о пропуске их по Дону и Волге, а на обратном пути большая их часть полегла под ударами хазар, волжских булгар и бургасов. Следующий поход (945 г.) руссы, учитывая враждебность к ним Хазарии и ее сателлитов на Оке и Волге, совершили в обход хазарской территории, по сухопутью через Северный Кавказ.

В условиях нараставших византийско-хазарских противоречий Русь все чаще берет на себя выполнение перед Византией военно-союзных функций, которые прежде отводились Хазарии.

Одновременно шел процесс освобождения Киевским государством восточнославянских земель из-под ига хазар. Первое свидетельство на этот счет относится ко времени Олега, когда, согласно «Повести временных лет», он направил посольство к радимичам и потребовал

от них прекращения уплаты дани хазарам («Не дайте козаромъ, но мше дайте»¹).

Русско-византийский договор 944 года более четко определил внешнеполитические позиции Руси. По этому договору Русь «официально» заступила место Хазарии как союзника Византии на северных берегах Черного моря. Более того, союз империи и древнерусского государства был направлен в первую очередь против Хазарии, исконного противника Руси, ставшего здесь и врагом Византии.

Однако отношения между новыми союзниками были проникнуты противоречиями. Осуществлять успешную борьбу с противниками Византии в Закавказье, а также в Северном Причерноморье Русь могла, лишь имея определенные плацдармы в районах Северного Причерноморья. Более того, именно захват таких плацдармов и делал ее стратегическим союзником империи, вынуждал Византию делить с Русью сферы влияния в этом регионе, используя ее военные силы в своих интересах. Договор 944 года показал, что Византия по существу согласилась с превращением устья Днепра, а также Белобережья, острова Святого Елферия в русскую сферу влияния, ограничив лишь время пребывания руссов в этом районе.

Овладела Русь и ключевыми позициями в районе Восточного Крыма. Лев Дьякон числил Боспор Киммерийский русским уже во времена Игоря. Так, византийские владения в Крыму были окружены русскими форпостами с севера, востока и запада. Одновременно русские владения вплотную подошли к хазарским границам.

Таково было состояние русско-хазаро-византийских отношений в середине X века.

Гибель Игоря, восстание древлян, внутренние реформы, проведенные Ольгой, временно затормозили дальнейшее расширение древнерусского государства к югу и востоку. К тому же необходимо иметь в виду и охлаждение русско-византийских отношений в конце 50-х годов. Но уже в начале 60-х годов русские вспомогательные отряды вновь появляются в составе греческой армии, воюющей против арабов, а в 964 году, когда войско Святослава двинулось на Оку и Волгу, русский отряд дрался в составе византийского десанта с сицилийскими арабами.

В этой связи сообщение «Повести временных лет» о появлении Святослава в земле вятичей, на наш взгляд,

выглядит вполне убедительным. Налицо реализация русско-византийского договора 944 года: русские воины сражаются против врагов империи — арабов; киевский князь наносит первый ощутимый удар по Хазарии, освобождает из-под ее владычества восточнославянское племя вятичей. При такой четкой расстановке сил вряд ли можно, как это сделал А. А. Шахматов, говорить о случайной встрече Святослава с вятичами. В летописи не сказано, что уже в 964 году Святослав воевал с вятичами. Летописец лишь констатирует факт появления Святослава в землях вятичей — на Оке и Волге и рассказывает о состоявшихся переговорах: «И рече (Святослав. — А. С.) вятичемъ: „Кому дань даете?“ Они же реща: „Козаромъ по щялягу от рала даемъ“»². На этом история действий Святослава в окско-волжских лесах заканчивается, а далее летопись сообщает под 965 год, что «иде Святославъ на козары». Таким образом, на Оке и Волге киевское войско провело около года. Летописец не сообщает о том, что в действительности произошло за этот год в здешних местах.

И здесь мы должны обратиться к сведениям Ибн-Хаукаля, который определенно сообщает, что во время своего восточного похода Святослав нанес удар по землям волжских болгар и буртасов.

Итак, Святослав прошел земли вятичей и обрушился на владения давних союзников Хазарии — волжских болгар и буртасов. Причем источники не дают нам основания полагать, что Святослав осуществил во время этого похода завоевание вятичей. Летописец лишь сообщает о проходе киевского войска через их земли. Не исключено, что в это время, когда главной целью Святослава было нанесение удара по Хазарии и ее сателлитам, он не подчинил вятичей, то есть еще не обложил их данью³.

В 965 году, как сообщают русская летопись, а также Ибн-Хаукаль, Святослав нанес удар по Хазарскому каганату, Северному Кавказу и вышел к Семендеру. М. В. Левченко и В. Т. Пашуто считают, что руссы спустились по Волге до Итиля, взяли его, затем двинулись в Семендер и лишь затем, возвращаясь, подчинили себе земли ясов (асиев, алан) и касогов, а на последнем этапе похода разгромили Саркел — Белую Вежу, хазарскую крепость на Дону⁴. Однако следует обратить внимание, как о борьбе с Хазарией сообщают русский летописец и Ибн-Хаукаль. И тот и другой излагают событие в несколько иной последовательности. «Повесть временных

лет» говорит, что после прохода по окско-волжскому району Святослав ударил по Хазарии, встретился с основными силами кагана, разгромил их и взял Белую Вежу, то есть основной удар после похода на Волгу был нанесен по течению Дона и лишь затем, сообщает летопись, руссы двинулись на ясов и касогов⁵. Ибн-Хаукаль также неизменно связывает разорение руссами земель булгар и буртасов с ударом по Хазарии. А это значит, что после прохода по Оке и Волге Святослав не ушел на Каспий и Северный Кавказ, а прежде всего осуществил основную цель восточного похода — разгромил Хазарский каганат. И лишь затем он двинулся на Северный Кавказ и далее к Семендеру, но это было уже тогда, когда основное предприятие оказалось осуществленным, когда в тылу у руссов не оставалось не тронутых завоеванием основных владений кагана⁶.

Поход на Семендер явился лишь данью традиционным русским устремлениям на Каспий; он был быстротечен: руссы разорили Семендер, сожгли его богатые виноградники. Мы не видим здесь политических расчетов прежних лет и напряженной борьбы с мусульманскими владельцами Закавказья — врагами Византийской империи. Не Закавказье, не Семендер на этот раз были главной целью киевского войска, а Поволжье, Хазария, и, думается, летописец совершенно справедливо уловил основной смысл восточного похода Святослава, сконцентрировав внимание на битве с войском кагана и на взятии старинного антирусского форпоста на Дону — Саркела.

Поэтому следует подчеркнуть, что новый восточный поход руссов при неизменности своего географического направления решал в значительной степени иные задачи, нежели прежние походы руссов на Восток. И в этом смысле положение о преемственности восточной политики Святослава требует известных коррективов.

Об ином содержании похода Святослава, отличном от походов времен Игоря, говорит и уже отмеченное исследованиеателями желание руссов основательно закрепиться на завоеванной территории. В этом смысле Святослав стремился, но в более широких масштабах, повторить опыт овладения Бердаа в 945 году, когда руссы попытались установить новый прочный порядок на захваченной территории и ввести свою систему управления.

На этот раз объектом таких действий стали не прикаспийские территории, к которым Святослав выказал определенное равнодушие, а Поволжье и Приазовье, то

есть коренные земли Хазарского каганата. Именно эти районы руссы попытались закрепить за собой. Если в Семендере они и оставили что-нибудь нетронутым, так «только лист на стебле», то в Поволжье и Приазовье политика Святослава была иной. Русская летопись отмечает, что Святослав разгромил войско кагана и взял Саркел. Ибн-Хаукаль рассказывает, что руссы захватили хазар, болгар и буртасов и жители поначалу разбежались в разные стороны, но они стремились остаться по соседству со своими областями, а затем большинство из них вернулось в Итиль и Хазаран, а это значит, что не все районы Хазарии испытали участь Саркела, который, как показывают археологические данные, был до основания разрушен руссами. Жители Поволжья и Приазовья просили, чтобы с ними заключили договор, и они бы покорились руссам. Конечно, этих сведений источников явно недостаточно для того, чтобы сделать определенные выводы о политике Святослава в крае, но они удивительно напоминают описание действий руссов в Бердаа. «Единственно, чего мы желаем, это власти», — заявили тогда руссы жителям города, успокаивая их и убеждая в своей веротерпимости⁷. Здесь речь идет также об установлении в крае нового порядка, утверждении власти Киева, нормализации отношений с жителями, а точнее, видимо, с признавшей власть Руси верхушкой Хазарии и Булгарии при помощи договора, определившего характер русской власти.

Все это говорит о том, что Святослав не только сокрушил Хазарский каганат в военном отношении, но и попытался закрепить за собой рядом чисто политических мер завоеванные территории, возможно, поставить ослабшую Хазарию в вассальную от себя зависимость.

Так в результате похода 964—965 годов Русь не только нанесла жестокий удар по своим противникам на Востоке и Юго-Востоке, но и попыталась закрепиться в районе междуречья Волги и Дона. Если учесть, что к этому времени Русь имела прочные позиции в Боспоре Киммерийском, то становится очевидным все более возрастающее влияние Киева в районе Северного Причерноморья.

Необходимо сказать несколько слов о взаимоотношениях Святослава с ясами и касогами.

«Повесть временных лет» и «Летописец Переяславля-Суздальского» сообщают, что после разгрома Хазарии Святослав «победи» ясов и касогов. Устюжская летопись

уточняет, что он после победы над ними «приде в Киев»⁸. И лишь Новгородская летопись совершенно иначе освещает эти события: она сообщает, что после победы над ясами и касогами Святослав их «приведе Киеву»⁹. Эту версию Новгородской I летописи поддержал в дальнейшем В. Н. Татищев¹⁰, но пояснил, что северокавказских жителей Святослав привел в Киев «на поселение». Иных сведений на этот счет у нас нет. Поэтому приходится строить вывод на этом единичном, весьма кратком упоминании, тем более что между словами «приде» и «приведе» много общего, и здесь, как это нередко случалось, возможна описка. И все же, учитывая имевший прежде место союз между аланами (ясами) и Русью во время восточного похода руссов на Бердаа, сокрушение Хазарии — противника алан, а также попытку урегулировать свои отношения с населением захваченных районов при помощи политических мер, можно предположить, что в преддверии ожидаемого похода на Дунай Святослав мог привести с собой в Киев не поселенцев, а отряды ясов и касогов. Дальнейшие события показали, как тщательно подходил он к балканской кампании, обеспечив себе поддержку угров, печенегов, а во время русско-византийской войны — и болгар.

В период восточного похода Святослава Византия хранила полное молчание. А это, очевидно, значит, что, предпринимая поход на Восток, и прежде всего против Хазарского каганата, Святослав имел за спиной благожелательный нейтралитет империи, считавшей со времен Романа I Лакапина, и особенно Константина VII, каганат одним из своих противников в Северном Причерноморье.

Таким образом, восточный поход Святослава был предпринят с учетом сложившейся к тому времени международной обстановки, опирался на статьи договора 944 года о военном союзе между Русью и Византией. Сквозь бедные сведения источников все же просматриваются контуры дипломатических шагов, с помощью которых Святослав стремился облегчить проведение военных операций, прочно овладеть захваченными территориями. С этой целью он, как нам представляется, не стал подчинять вятичей власти Киева, проходя через их земли в 964 году, организовал управление в Поволжье и Приазовье на основе договора с местным населением и предположительно же вступил в военный союз с ясами и касогами, привел их отряды в район Киева.

Лишь после этого пришло время для покорения вятичей.

«Повесть временных лет» сообщает о том, что в 966 году «вятичи победи Святославъ, и дань на нихъ възложи».

Со времен В. Н. Татищева в отечественной историографии сложилось мнение, что это был второй поход на вятичей, которые были покорены еще в 964 году, затем, после ухода Святослава в Хазарию и на Северный Кавказ, восстали и были наказаны по заслугам в 966 году.

С этим можно было бы согласиться, если бы были данные о том, что в 964 году Святослав действительно покорил вятичей. Однако в источниках нет даже намека на это. Вслед за известной фразой «Хочю на вы ити...» идет рассказ о вполне мирной встрече Святослава с вятичами, и лишь потом сообщается о его военном нападении на хазар.

Подобная последовательность событий, изложенных в летописи, говорит лишь о том, что никакого похода Святослава против вятичей в 964 году не было. В преддверии предстоявших боев с бургасами, булгарами и хазарами большую важность представляли для него спокойный, дружелюбный вятичский тыл, наличие благоприятных политических условий. После победоносного похода на Восток судьба вятичей была решена, и это самое восточное из славянских племен подчинилось Киеву. На вятичей была возложена дань, как ранее на древлян, радимичей и другие восточнославянские племена.

Обстановка на Балканах в середине 60-х годов X в.

В то время как Святослав воевал на Востоке и пытался закрепить за собой захваченные земли Приазовья и Поволжье, на Балканах назревали события, которые имели

прямое отношение к утверждению Руси в восточной части Северного Причерноморья.

В 966 году между Византией и Болгарией разгорелся конфликт, причина которого по-разному трактуется в источниках.

Настоящие причины болгаро-византийского конфликта кроются во всем строе отношений Византии и Болгарии в середине X века, а также во взаимоотношениях Болгарии с Русью. В балкано-черноморском треугольнике Византия — Болгария — Русь мы и должны искать истоки обострения отношений Болгарии с империей к середине 60-х годов X в.

Долгий и кровавый конфликт между Византией и Болгарией был прекращен после смерти неистового воителя, ненавистника Константинополя — царя Симеона. Болгаро-византийский договор 927 года положил начало мирной полосе в отношениях между двумя государствами. Внучка Романа I Лакапина Мария, ставшая женой болгарского царя Петра, отправилась в Преславу. Империя обязалась по-прежнему выплачивать дань Болгарии, которая на сей раз была облечена в форму выплаты на содержание византийской принцессы¹.

Однако эти мирные отношения не устранили глубоких противоречий между Византией и Болгарией, существовавших долгие десятилетия. Болгарское царство по-прежнему оставалось для Византии опасным противником на Балканах, и основной целью византийской политики в этом регионе являлось дальнейшее ослабление Болгарии. Эту точку зрения, за исключением, пожалуй, болгарского историка Н. П. Благоева, считавшего, что с 927 по 967 год отношения двух государств были дружественными², отразили в своих трудах многие исследователи, в том числе болгарские ученые М. Д. Дринов и В. Н. Златарский, советские историки М. Н. Тихомиров и М. В. Левченко, англичанин А. Стоукс. Они отметили, что, сохраняя внешне дружественные отношения с Болгарией, Византийская империя с каждым десятилетием привносила в эти отношения все большую долю диктата, все больше вмешивалась во внутренние дела Болгарии, поддерживая провизантийскую партию при болгарском дворе, в возрастающих масштабах осуществляя свое влияние в Преславе.

Этому процессу способствовало военное усиление Византии со второй половины X века и одновременное экономическое и политическое ослабление Болгарии.

Византия 50—60-х годов уже мало напоминала империю Льва VI, которая сгибалась под одновременным военным напором арабов, Симеона Великого, Руси. Арабский халифат вступил в полосу феодальной раздробленности и не представлял собой прежней силы, Русь была замирена договором 944 года и стала союзником империи.

К 60-м годам X в. Византия обладала превосходной армией, ядро которой составляли заковананные в броню всадники; Никифор Фока перешел к активному наступлению на арабов. Он отвоевал у них Кипр, захватил ряд крепостей в Киликии, отказался платить дань сицилийским арабам и, хотя потерпел фиаско в попытках овладеть Сицилией, предпринял во второй половине 60-х годов мощное наступление в Сирии.

Болгария, напротив, вступила в пору тяжелого кризиса, вызванного, как это показали ученые-марксисты, началом феодальной раздробленности страны. Развитие боярского землевладения содействовало появлению политического сепаратизма, приводило к обнищанию крестьянских масс, созреванию в пародной среде оппозиционных настроений, вылившихся, в частности, в движение богомилов³. В связи с этими процессами внутреннее состояние Болгарии стало крайне неустойчивым⁴. Правительство Петра-Сурсувула стремилось вести Болгарию в фарватере византийской политики. Болгарская правящая верхушка привязала страну к византийской внешней политике, являлась проводником византийского церковно-политического и культурного влияния. Крутой поворот произошел в отношениях между Болгарией и Русью. Если в период правления Симеона Русь и Болгария не раз почти одновременно выступали против империи, а после русско-византийского договора 907 года Русь сохраняла нейтралитет в ходе борьбы между Византией и Болгарией, то события 941—944 годов показывают, что Болгария помогала империи против Руси в начавшемся русско-византийском конфликте. Это выразилось, в частности, в том, что болгары предупредили Константинополь о русском нашествии.

Однако нет оснований полагать, что провизантийскую политическую линию Петра-Сурсувула, обозначившуюся с конца 20-х годов X в., целиком поддерживали правящие круги страны. Что касается настроений народных масс, то едва ли будет ошибочным предположить, что длительные войны Болгарии с Византией, давние экономические и культурные связи Болгарии с Русью способствовали

тому, что в болгарском обществе сильны были антивизантийские и прорусские настроения. Это ярко проявилось во время событий на Балканах на рубеже 70-х годов X в.

Антивизантийская политика, проводившаяся Симеоном и его сподвижниками, оставила свои следы, и, кроме того, не ушли с политической арены Болгарии люди, ее осуществлявшие. Развитию антивизантийских тенденций в стране способствовали также постоянные расхождения экономических и политических интересов двух феодальных государств. И не случайно уже с момента своего появления новая линия болгарского правительства встретила активное сопротивление боярской знати, сподвижников Симеона. Это сопротивление нарастало по мере усиления политического сепаратизма, феодальной раздробленности страны.

Сначала против Петра выступили его братья. Во главе заговора стояли вельможи, проникнутые идеями покойного царя и недовольные политикой его преемника. В 931 году началось восстание в Сербии, которой управлял ставленник Симеона — Чеслав. Феодальные смуты потрясли страну⁵.

Таким образом, уже в применении к этому времени было бы неверным говорить о политически единой Болгарии, о единой болгарской внешней политике. В среде господствовавшей верхушки складывались различные группировки, позиции которых укреплялись по мере того, как развивалось феодальное землевладение, а центральная власть ослабевала. Осуществление правительством Петра провизантийской линии встречало скрытое или явное сопротивление, имевшее прочные корни среди народа и части боярства.

В Константинополе внимательно следили за этими процессами и всячески поощряли политические распри в Болгарии, совершая, на первый взгляд, парадоксальные шаги. Греки тайно поддерживали антиправительственные выступления Симеоновых сыновей против старшего брата, вполне лояльного империи. Поддержку со стороны империи нашел и сербский правитель Чеслав: Византия способствовала отделению Сербии от Болгарии⁶.

Истинное отношение греков к Болгарии тех лет выражено в труде Константина Багрянородного «Об управлении государством», где он назвал болгар «богомерзким народом». Он преподал своему сыну и преемнику наставления, каким образом можно вредить Болгарии⁷. Столь

же негативные оценки получили в этом сочинении другие явные или потенциальные противники империи, и среди них в первую очередь Русь, Хазария, угры⁸. Тем самым Константин VII как бы обозначил ряд государств, с которыми Византии надлежало вести неустанную борьбу.

В Киеве также внимательно наблюдали за эволюцией болгарской политики, и реакция на эту перемену была самая острая. В 944 году, по свидетельству «Повести временных лет», Игорь, заключив перемирие с Византией, «повеле печенегомъ воевати Болъгарьску землю»⁹. Таков был ответ Руси на враждебные действия Болгарии во время русско-византийской войны 941—944 годов.

Этот факт определенно отражает новые отношения Руси и Болгарии. Вместо прежнего дружественного государства Русь в 30—40-х годах X в. столкнулась с враждебной провизантийской политикой слабеющей, но еще достаточно сильной балканской державы, которая испокон веков контролировала русские торговые пути вдоль западного берега Черного моря через низовые дунайские города вплоть до византийской границы. Объединение Болгарии с печенегами могло представить серьезную опасность для Руси с юго-запада, поставить под вопрос существование русских форпостов в устье Днепра, на Белобережье.

Естественно, что киевское правительство должно было поддержать любые антиправительственные, антивизантийские действия определенной части болгарской знати. Но, повторяем, от тех лет у нас нет об этом иных свидетельств, кроме факта враждебных действий Болгарии по отношению к Руси в 941—944 годах.

Политику Византии, Болгарии и Руси на Балканах и в Подунавье во многом определял венгерский фактор. В 30—50-х годах X в. угры вели длительную и упорную борьбу с Византийской империей. Византийские хронисты — продолжатель Феофана, продолжатель Георгия Амартола, Лев Дьякон и др. сообщают о походах угров на Константинополь в 934—959 годах, об их набегах на Фессалию в 943—961 годах и об их ударах по союзной Византии Болгарии в 961—970 годах¹⁰. Вслед за византийцами об этом же говорит и «Повесть временных лет». Русский летописец сообщил о первом приходе угров под Царьград в 934 году, о захвате ими Фракии и об их нападении на столицу империи в 943 году, в период русско-византийской войны¹¹. Обращает на себя внимание ан-

тивизантийская активность угров именно в период обострения русско-византийских отношений со второй половины 30 — первой половины 40-х годов X в. Так Русь взамен потерянного традиционного союзника в борьбе с Византией — Болгарии приобрела нового потенциального союзника в лице угров. Мы не можем определенно сказать, что в начале 40-х годов X в. существовал военный союз между Русью и венгерскими вождями, но факт почти одновременного похода на Константинополь угров (943 г.) и Игоря (944 г.) заслуживает внимания, особенно если учесть, что применительно к последней дате мы имеем первое в летописи известие о выступлении русского войска в поход совместно с союзниками — печенегами.

Идя на Византию, угры неизменно проходили по территории Болгарии. Болгарское правительство пыталось препятствовать этому, о чем, в частности, говорит попытка Болгарии заключить против угров союз с германским королем Оттоном I. В этом же году стремление угров направить свою экспансию на Запад натолкнулось на сопротивление германского государства. Оттон I разгромил венгерское войско на Лехском поле у Аугсбурга, после чего венгерские вожди с еще большей энергией повели наступление на Балканском полуострове¹². В результате правительство Болгарии заключило с венгерскими вождями договор, обеспечивающий уграм проход по территории Болгарии к границам Византии при условии мирного отношения к болгарскому населению.

Такими мы и застаем венгеро-болгаро-византийские отношения в тот момент, когда, согласно сообщению Скилицы, Никифор Фока потребовал от царя Петра воспрепятствовать военным рейдам угров к югу от Дуная. Он, как свидетельствует Скилица, «направил болгарскому царю Петру письмо, чтобы тот не разрешал туркам (уграм. — А. С.) переправляться через Истр (Дунай. — А. С.) и причинять вред ромеям. Поскольку Петр не обращал внимания на эту просьбу и всячески обманывал греков, Никифор...» — и далее следует история о посылке патрикия Калокира к Святославу, с тем чтобы побудить его выступить против Болгарии¹³.

По поводу этой записи в историографии высказывались различные мнения. Одни историки считали, что угры действовали заодно с болгарами, другие полагали, что у Болгарии просто не хватало сил препятствовать венгерским рейдам. И лишь не было сделано предположения о том, что политика Болгарии в отношениях с уграми была столь

же неустойчивой и противоречивой, сколь противоречивым и неустойчивым было состояние ее центральной власти, допускающей постоянные колебания, раздираемой борьбой про- и антивизантийских группировок. К тому же к середине 60-х годов все более очевидной становилась глубина антиболгарской политики империи, стремившейся раз и навсегда покончить с уже надломленным врагом. В этих условиях определенные круги Болгарии не могли отказаться от антивизантийских действий и, видимо, способствовали венгерским рейдам. Мы хотим обратить внимание на то, в каком тоне передал Скилица историю конфликта. Он указал, что Петр не обращал внимания на требования константинопольского двора, обманывал греков. В то же время с середины 60-х годов не отмечено враждебных действий угров в отношении самих болгар. Вывод здесь может быть только один: политика Болгарии в отношении давнего венгеро-византийского конфликта была непоследовательной, противоречивой, испытывавшей на себе влияние различных группировок в болгарской правящей верхушке.

Кроме того, мы имеем сообщение Яхьи Антиохийского о том, что болгары, воспользовавшись отвлечением византийских сил на сирийский фронт, опустошили окраины византийских владений¹⁴. Этот факт указывает на определенные антивизантийские настроения, которые, видимо, временами брали верх в Преславе. И здесь мы не видим единой линии в болгарской политике, о которой писали Дринов и Благов¹⁵.

Для более полной характеристики отношений между Византией и Болгарией 60-х годов необходимо иметь в виду и факт политического наступления империи на Преславу после смерти царицы Марии. Когда Петр попытался возобновить мирный договор 927 года, греки согласились на это при двух условиях: если сыновья Петра Борис и Роман явятся в Константинополь в качестве заложников и если Болгария обязуется не пропускать угров через свою территорию к границам Византии¹⁶.

Выставленные греками условия показывают всю степень недоверия и ненависти, которую питали правящие круги Византии к Болгарскому царству. Отражают они и новое соотношение сил между старыми соперниками: теперь Византия открыто диктовала свою волю ослабевшему противнику. Вопрос заключался в том, когда и при каких обстоятельствах империя нанесет Болгарии решающий удар.

Миссия Калокира

Открытый разрыв мирных отношений между двумя странами произошел в 966 году¹. Болгарское посольство, явившееся в Константинополь за данью, было с позором изгнано из страны. Скилица и Зонара считают, что поводом к разрыву отношений явилось невыполнение болгарским правительством обязательства препятствовать венгерским набегам на Византию. Вслед за этими событиями Никифор Фока направляет сына херсонесского стратига Калокира к Святославу с тем, чтобы побудить его к выступлению против Болгарии.

Лев Дьякон писал, что Никифор Фока заявил послам: «Ужасное постигло бедствие ромеев, если они, победители всех неприятелей, должны теперь платить дань, как невольники, бедному и гнусному народу скифскому»². Эта характеристика болгар, которые, как и руссы, названы «народом скифским», вполне соответствует отношению к ним Константина VII и еще раз говорит о том, что византийский хронист постарался, видимо, реально отразить общее враждебное отношение к Болгарии, господствовавшее в византийских правящих кругах в середине 60-х годов X в., и, конечно, усилившееся в период правления Василия Болгаробойцы, при котором создавал свою «Историю» Лев Дьякон.

Император двинул войска к болгарской границе, на пути овладел всеми пограничными городами, а потом повернул вспять, так как опасался воевать в малодоступных и незнакомых местах. Пройти через Балканы Никифор Фока не решился. Византийский император почтил достоинством патрикия Калокира и направил его к Святославу, «чтобы он, раздавши тысяча пятьсот фунтов (15 кентинариев) врученного ему золота, привел их (руссов. — А. С.) в землю мисян для ее завоевания»³. Тот поспешно отправился в путь, явился к русскому князю, «подкупил его дарами, очаровал лестными словами» и убедил выступить против болгар с великою ратью с тем условием, чтобы, «покоривши их», удержать их страну «в собственной власти», а ему содействовать в завоевании Византийской империи и получении престола. В свою очередь Калокир якобы обещал Святославу предоставить за это «великие, бесчисленные сокровища из казны государственной»⁴.

Скилица отметил, что Калокир был послан с богатыми дарами, чтобы заставить Святослава выступить против «мисьян»⁵. А в это время Никифор Фока включился в борьбу с арабами: отослал флот в Сицилию, а сам во главе сухопутной армии ушел в Сирию и осадил Антиохию.

Так была создана версия о том, что Калокир побудил Русь начать войну против Болгарии, с тем чтобы сокрушить болгар русскими руками, о дальнейшем просчете Никифора Фоки, пригласившего руссов в Болгарию, о попытке исправить допущенную ошибку и т. д. Долгое время, как мы видели, именно эта точка зрения, сформулированная византийскими хронистами, а потом перекочевавшая в Никоновскую летопись, в «Историю» В. Н. Татищева и другие исторические труды как в России, так и за рубежом, была основополагающей.

Однако позднее В. Н. Златарский, М. Н. Тихомиров, М. В. Левченко, В. Т. Пашуто, А. Стоукс, советские и болгарские авторы обобщающих трудов по истории Болгарии высказали иную мысль: сын херсонесского стратига должен был предотвратить натиск Святослава в районе Северного Причерноморья, в первую очередь отвлечь его от византийских владений в Крыму; взамен этого империя согласилась не препятствовать Святославу в его попытках овладеть Нижним Подунавьем. Ф. И. Успенский даже считал, что это была попытка направить Болгарию против Руси и тем самым обеспечить себе свободу рук в борьбе с арабами⁶.

Для ответа на вопрос, в чем же был смысл миссии Калокира, необходимо уже в свете развивающегося болгаро-византийского и венгеро-византийского противоборства обратиться к событиям в Северном Причерноморье и напомнить известный факт, исходя из которого ученые и высказывают мысль о том, что главной заботой империи в 966—967 годах было во что бы то ни стало оградить Крым от русского натиска. Мы имеем в виду сообщение Яхьи Антиохийского.

Арабский хронист записал, что византийский император отправился походом на болгар «и поразил их и заключил мир с руссами — а были они в войне с ним — и условился с ними воевать болгар и напасть на них»⁷.

В этом сообщении по существу изложена та же канва событий, что и в византийских хрониках: говорится о походе Никифора Фоки против болгар, о его победах над ними⁸, о заключении с Русью договора, допускающего появление русского войска в Болгарии. Лишь одну но-

вую деталь сообщает арабский автор — о войне Руси и Византии в этот период, о заключении между ними мира, одним из условий которого явилось согласие Руси напасть на Болгарию. Анализ источников показывает, что это сообщение арабского автора не является единственным. Оно подкрепляется рядом других исторических фактов.

Прежде всего мы обращаемся к русско-византийскому договору 971 года, в котором от имени Святослава записано: «Яко николи же помышлю на страну вашу, ни собираю вой, ни языка иного приведу на страну вашу и елико есть подъ властью гречьскою, ни на власть корсуньскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну болгарьску»⁹. Здесь четко определены три страны, на которые Святослав обязался не нападать впредь: владения непосредственно Византийской империи, Херсонес, Болгария. Как известно, и с Византией и с Болгарией Русь в исследуемый период действительно вела войны. Но как объяснить обязательство, касающееся Херсонеса? Эта крымская колония империи стояла в одном ряду с Византией и Болгарией, хотя византийские хронисты молчат о войне Святослава против Херсонеса и о конфликте по этому поводу между Византией и Русью. Нельзя здесь пренебрегать и сообщением весьма осведомленного автора Летописца Переяславля-Суздальского, который, говоря об окончании балканской кампании Святослава и заключении русско-византийского мира, отметил, что русский князь заключил мир «съ цари греческими и съ корсунци кляхся и оутвердихъ»¹⁰. Как видим, из всего известного ему договора 971 года автор этого летописного свода взял основное сообщение — о мире Руси с Византией и Херсонесом. Думается, что такой выбор не случаен. В подтексте этого сообщения заключена мысль о военных действиях, имевших место между Русью и Херсонесом.

Еще один многозначительный факт. Лев Дьякон в своей «Истории» трижды упоминает Боспор Киммерийский, то есть район нынешней Керчи, где якобы давно закрепились руссы. Так, в первом случае, рассказывая о переговорах послов Иоанна Цимисхия со Святославом, он сообщает о заявлении греков, «чтобы он (Святослав. — А. С.), получив обещанную Никифором награду по случаю похода против мисян, возвратился в свои области, к Киммерийскому Боспору»¹¹.

Вспоминая неудачный поход Игоря на Византию, Лев Дьякон записал, что Игорь бежал в Боспор Киммерий-

ский¹². И еще раз Лев Дьякон возвращается к мысли о принадлежности Таманского полуострова Руси. Сообщив о подготовке Цимисхия к борьбе со Святославом в 971 году, хронист записал, что император приступил к созданию флота, который бы блокировал руссов в Доростоле со стороны Дуная и не позволил бы им уйти «в свое отечество к Киммерийскому Боспору»¹³.

В понимании греческого историка Боспор Киммерийский находился под контролем Руси уже с конца 30 — начала 40-х годов X в., а применительно к 60-м годам Лев Дьякон вообще называет Таманский полуостров «областью», «отечеством» руссов. Таким образом, владения Руси подошли вплотную к крымским владениям Византии.

Мы не можем не связать такого укрепления Руси в восточной части Крыма с ее успехами в борьбе с Хазарией и на Северном Кавказе, с попыткой прочно утвердиться в захваченном районе.

Аналогичная ситуация складывалась и на Западе.

Следует напомнить, что, согласно русско-византийскому договору 944 года, Русь обязалась не зимовать в устье Днепра, на Белобережье, хотя империя и согласилась признать этот район сферой влияния Руси. Византия противодействовала созданию русских военных форпостов на Черноморском побережье, откуда руссы могли как совершать набеги в районы Крыма, так и готовить новые походы на Балканы и Византию. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, эта статья договора 944 года была Русью со временем нарушена. Ее не удовлетворило компромиссное решение вопроса о днепровском устье — разрешение оставаться здесь лишь до зимы.

Рассказывая о последнем этапе балканской кампании Святослава, автор «Повести временных лет» записал, что на обратном пути из Доростола ранней осенью 971 года Святослав узнал, что печенеги заступили днепровские пороги, и принял решение перезимовать на Белобережье. Во время зимовки русское войско жестоко страдало от голода; летописец сообщает, что «бе гладь великъ, яко по полугривне глава коняча». Возникает вопрос о том, где мог зимовать Святослав, у кого он мог покупать для своих воинов по полугривне конскую голову. Думается, что к этому времени на Белобережье уже находились русские поселения, в которых и нашли приют воины Святослава. А это значит, что не временные летние находники обитали в здешних местах, как об этом говорил

договор 944 года, а располагались те самые форпосты, против которых направляли свои дипломатические усилия в 944 году византийские политики. Таким образом, и с Востока, и с Запада, и с Севера русские владения прочным кольцом окружали византийские колонии в Крыму. В этих условиях военный конфликт с Херсонесом и нарушение русско-византийского договора 944 года были более чем вероятны и сведения Яхьи Антиохийского, как представляется, основываются на вполне реальной политической ситуации в этом районе.

Еще раз о «Записке греческого топарха»

В связи с постановкой вопроса о положении в Северном Причерноморье, на наш взгляд, целесообразно еще раз вернуться к многократно исследованной так называемой «Записке греческого топарха».

Эта «Записка», как показал ее первый публикатор К. Б. Газе, представляет собой отрывки, написанные на пустых страницах одного византийского кодекса X века. Они выглядят как черновые наброски и по палеографическим данным относятся самое позднее к началу XI века¹. Их автор—образованный византиец, особенно ярко это проявляется в тех местах рукописи, где он характеризует византийское «цивилизованное» общество и общество «варварское»². Отечественный публикатор и комментатор «Записки» В. Г. Васильевский считал ее автора участником «или даже виновником» событий³.

В первом отрывке говорится о возвращении топарха, стоящего во главе отряда и обоза, поздней осенью из какой-то поездки. Отряд в ладьях и на лошадях возвращался с чужбины на родину. Путь его лежал вниз по Днепру. Отряд дошел до устья Днепра, затем совершил переправу на другой берег и пришел в селение Борион, а там надолго был задержан зимними вьюгами и холодами. Жители селения приветливо встретили путников. Они

оказали им гостеприимство, снабдили в дорогу продовольствием, фуражом, дали проводников. Далее автор отмечает: «И вот мы вышли, торжественно провожаемые туземцами. Причем все они рукоплескали мне одобрительно и смотрели на меня каждый, как на близкого себе, и возлагали большие надежды»⁴. Топарх направился к Маврокастроу.

Будучи в Борионе, автор в целях точного определения пути сделал астрономическое наблюдение. Он отметил, что планета Сатурн находилась как раз в созвездии Водолея, такое положение Сатурна в X веке приходится на 964—967 и 993—996 годы.

Ехали всадники, шли вьючные животные, проводники указывали путь. Время от времени топарх высылал вперед разведчиков, так как продвижение было небезопасным. «Мы шли по неприятельской территории»⁵, — отмечал автор.

Во втором отрывке автор после зачеркнутых слов «именно ради этого и северные берега Дуная» излагает историю противоборства с «варварами», которые грабили и опустошали все вокруг, «им была недоступна пощада даже в отношении к самым близким». Далее он замечает, что они, позабыв о законности, «задумали сделать из [нашей] их земли, как говорится, добычу мисян». Поначалу автор назвал эту землю «нашей», а затем признал ее принадлежащей «варварам». Он сообщает, что «варвары» утратили свою прежнюю «справедливость» и «закопность». Их успехи снискали им уважение, и «города и народы добровольно к ним присоединялись». «Теперь же все нарушилось: они проявили несправедливость и бесправие в отношении к подданным вместо того, чтобы заботиться о благе подвластных городов и к собственной выгоде управлять ими в добром порядке, — они положили поработить и разорить их», на ни в чем не повинных людей обрушились кары, и они «под предлогом нарушенной клятвы сделали добычей насилия и меча»⁶. Далее следует описание страшного нападения «варваров». В областях, соприкасавшихся с владениями топарха, было полностью опустошено 10 городов и 500 деревень, затем наступила очередь и его владений. Топарх занялся их обороной, но отступил перед «варварами». Он много раз предлагал врагу соглашение, но тщетно. «Варвары» напали на владения топарха поздней осенью. Вторжение было осуществлено конными и пешими силами⁷. Топарх в это время занял район, уже опустошен-

ный и разрушенный. Здесь и разгорелись военные действия. Он организовал вылазки против врага; против пехоты топарх выставил своих лучников, а против конницы — конницу. «Варвары» были выпущены уйти. И вот в районе, ранее разрушенном и опустошенном ими (топарх пишет об «этой земле», хотя и говорит, что они «разрушили до основания и стены»), он решил поселиться («первый пришел к мысли снова поселиться в климатах»). Топарх приказал соорудить башню и приступить к восстановлению города⁸.

Третий отрывок начинается с рассказа о строительстве крепости и ходе военных действий с «варварами». В первом столкновении они потерпели поражение. На следующий день топарх вывел в поле 100 всадников и 300 пращников и лучников, но уже не мог найти противника.

Во время передышки топарх спешил восстановить стены города, отправил гонцов к своим сторонникам, чтобы принять какое-то решение. В зачеркнутом тексте говорится, что топарх опасался, как бы «варвары» не пришли с большим войском⁹.

На совещании представителей местной знати обсуждался вопрос о положении края и о политическом подданстве. Топарх ратовал за византийское подданство. Собрание же решило по-другому: «Они же, или потому, что будто бы никогда не пользовались императорскими милостями и не заботились о том, чтобы освоиться с более цивилизованной жизнью, а прежде всего стремились к независимости, или потому, что были соседями царствующего к северу от Дуная, который могуч большим войском и гордится силой в боях, или потому, наконец, что не отличались по обычаям от тамошних жителей в собственном быту, — так или иначе решили заключить с ними договор и передаться ему и сообща пришли к заключению, что и я должен сделать то же самое». Вслед за этим топарх и отправился к «царствующему к северу от Дуная», с тем чтобы сохранить свои владения. Тот принял его, кратко побеседовал с топархом, вернул ему правление над климатами, добавил одну область, гарантировал доходы¹⁰.

В этих отрывках изложена общая канва событий, но не сказано, куда ездил топарх, с кем он воевал, кто такой «царствующий к северу от Дуная», где находится область, в которой правил топарх, отсутствует и хронология событий. Бесспорными являются лишь византий-

ское происхождение автора, политическая связь его владения с Византией и тот факт, что о событиях писал автор конца X века.

В связи с многочисленными неясностями текста источника историография, ему посвященная, отражает весьма противоречивые точки зрения. Одни историки (С. А. Гедеонов, А. Куник, Ф. Вестберг, Ю. Кулаковский, С. П. Шестаков, А. А. Васильев, Б. Д. Греков, В. В. Мавродин, Д. А. Талис¹¹, авторы ряда общих курсов) считали, что в записке речь идет об истории крымских владений. А. Куник, Ф. Вестберг, Ю. Кулаковский, С. П. Шестаков, В. Мошин, А. А. Васильев говорили о владениях крымских готов, другие исследователи полагали, что климаты — это владения Византии, а анонимный автор — их правитель; «варвары», напавшие на климаты, — это хазары, а «царствующий к северу от Дуная» князь, к протекторату которого обратились в трудных условиях, — Святослав Игоревич. Ю. Кулаковский при этом полагал, что именно события в Крыму вызвали поход Руси против Хазарии и разрушение Саркела. А. Куник обращал внимание на длительную историю (со времен Игоря) складывания русского протектората над рядом крымских владений. А. А. Васильев считал, что «сторонники», к которым обратился топарх за помощью и советом, были не готы, а руссы, давно укрепившиеся в Крыму. Д. А. Талис полагает, что поездка на север, о которой пишет анонимный автор, — это посольство «лучших людей» к Святославу за помощью против хазар, атаку которых на город Климаты отразил топарх.

В. Г. Васильевский также отнес события, описанные в анонимной «Записке», ко времени вторжения Святослава в Болгарию, но посчитал, что место действия — Подунавье, а Климаты — крепость, заложенная еще Юстинианом на Дунае¹².

Существовали и иные гипотезы. Н. П. Ламбин высказал идею, что в отрывках идет речь о времени Олега¹³. П. Т. Бурачков относил события к 944 году, а В. А. Пархоменко — к 939—941 годам. Они полагали, что «князь-протектор» — это Игорь, а противоборствующими сторонами считали уличей и херсонесцев, «азово-черноморскую» Русь и хазар¹⁴.

Ф. И. Успенский и П. Н. Милюков полагали, что топарх имеет в виду болгарского царя Симеона и эпизоды борьбы в одном случае между греческим военачальни-

ком, расширяющим владения Византии в районе Дона, и хазарами (версия Успенского), в другом — между Симеоном и Византией за полузависимую область в низовьях Дуная, где и находился город, занятый византийским гарнизоном (версия Милюкова)¹⁵.

М. В. Левченко согласился с тем, что события, описываемые в «Записке», происходили в Придунайской области, но отнес их к тому периоду, когда Болгария уже была завоевана Византией, византийские гарнизоны появились на Дунае, а «комитопулы» подняли болгар против византийских поработителей. Именно под ударами «комитопулов» гибли несчастные соседи топарха, и он сам был вынужден отдаться под покровительство сильного владетеля, а астрономическое наблюдение топарха указывает дату событий — 993 год. Покровителем же мог быть либо венгерский король Стефан, либо русский князь Владимир. И если против первого предположения есть, по мнению М. В. Левченко, возражения, касающиеся несоответствия характеристики сторонников топарха и венгров, которые не должны были бы отличаться друг от друга по своему быту и нравам, как это указано в одном из отрывков, то в отношении руссов это возражение отпадает: сторонники топарха — болгары действительно были единоплеменниками руссов. И здесь М. В. Левченко приводит ряд аргументов в пользу того, что славяно-русские племена издавна утвердились по Днестру и Бугу вплоть до Дуная, а потому Владимир и есть тот самый владетель, который «царствовал к северу от Дуная». К тому же в это время отношения между Русью и Византией были дружественными, а потому русский князь мог вполне оказать покровительство топарху¹⁶. Автор исключает возможность тождественности нападавших «варваров» и «князя-протектора». По мнению М. В. Левченко, соглашения с «варварами» быть не могло, так как топарх и раньше делал им мирные предложения. Он пишет: «...трудно предположить, чтобы сторонники топарха возымели намерение броситься в объятия тех самых варваров, которые не давали пощады своим единоплеменникам и которые только что потерпели поражение вблизи Климатов. От этих непримиримых врагов сторонники топарха не могли получить ни мира, ни независимости». Если бы «варвары» были руссами, рассуждает далее автор, то каким образом топарх мог получить милостивый прием в Киеве? Такая возможность должна быть исключена¹⁷.

Новую точку зрения высказал в одной из последних работ по этой теме И. Шевченко. Он отнес события ко времени противоборства Византии и Руси при Владимире Святославиче в 987—988 годах¹⁸.

В нашу задачу не входит рассмотрение аргументов спорящих сторон буквально по всем вопросам данной темы, однако на некоторые моменты необходимо обратить внимание. При этом мы исходим из сообщения Яхьи Антиохийского о том, что, прежде чем направиться в Болгарию, Святослав находился в состоянии войны с Византией. Тем самым мы резко ограничиваем количество возможных вариантов трактовки «Записки греческого топарха» и рассматриваем проблему лишь в одной плоскости: насколько данные отрывков соответствуют сообщению арабского автора и относятся ко времени Святослава. Ключевыми при таком направлении исследования, видимо, являются следующие вопросы:

1) Кто был автором «Записки»? Какие на этот счет имеются свидетельства?

2) Что мы должны понимать под климатами, в каком месте на карте должны искать их и кто такие сторонники топарха, которые высказались за протекторат?

3) Кем были те беспощадные «варвары», которые грабили соседей топарха, и можно ли их отождествить с народом, к вождю которого направился в поисках покровительства топарх, и кто такой «царствующий к северу от Дуная»?

4) Откуда мог направляться топарх вниз по Днепру? Где находились и что собой представляли Борион и Маврокастрон?

5) Какова хронология событий?

Что касается первого вопроса, то, как это показал К. Б. Газе и как это единодушно признано в новейшей историографии, автором «Записки» был византиец, правитель, политически связанный с империей, осуществляющий от имени империи руководство определенной областью. Об этом говорят и стиль изложения «Записки» и термины, в ней использованные, и византийская манера противопоставления мира «цивиллизованного», греческого, миру «варварскому». Об этом же говорят и некоторые другие факты.

На политическую связь владений топарха с Византией указывает то, что он, попав в трудное положение, ратовал за византийское подданство. Об этом же говорит его упрек, адресованный представителям местной знати, по

поводу того, что они не ценили византийского покровительства (они «будто бы никогда не пользовались императорскими милостями») и стремились к независимости.

В то же время в «Записке» содержатся данные о характере владения топарха. Это была сравнительно небольшая область. В решающий бой против врагов топарх послал всего 100 всадников и 300 пращников и лучников; защитой в борьбе с противником ему служила полуразрушенная крепость.

Принадлежность топарха к византийской правящей элите вовсе не означала, что в ее состав входили и те, к кому он обратился за поддержкой и советом. Представители местной знати, съехавшиеся на совет, не отличались от «тамошних жителей в собственном быту»; это были люди другой категории, нежели византийский чиновник.

В связи со вторым вопросом следует еще раз обратиться к пониманию климатов Константином Багрянородным.

Справедливо было замечено, что царственный автор применял это понятие к разным территориям. Так, он говорит о девяти климатах Хазарии, прилегавших к Алании¹⁹. Однако в основном климатами автор называет какую-то зависимую от Византии территорию, тесно связанную в политическом отношении с Херсонесом. Он пишет, что если аланы находятся в дружбе с Византией, а Хазария не желает жить в мире с империей, то аланы могут причинить хазарам много зла, нападая на них, «когда они без охраны приходят к Саркелу, климатам и Херсонесу. Угроза со стороны алан Хазарии может обеспечить Херсонесу и климатам долгий и глубокий мир», потому что хазары не смогут «нападать с войском на Херсонес и климаты, так как не имеют силы одновременно воевать с обоими...»²⁰.

Совершенно очевидно, что в районе Северного Причерноморья имелись климаты, принадлежавшие Хазарскому каганату, и климаты, находящиеся в орбите влияния Византии, близкие по политическому статусу к Херсонесу.

Топарх пишет, что после того, как «варвары» опустошили его владения, ему пришла мысль «заселить климаты», которые ученые отождествляют то с областью, то с городом-крепостью, имея в виду возведение топархом башни, починку городских стен. Однако эта фраза пе

анализировалась вместе с предыдущим текстом, а в нем говорится, что «варвары» опустошили соседние с владением топарха города и деревни, а уже потом нанесли удар по области и району, которыми управлял топарх. Вспомнив, что знать, им приглашенная, не отличалась от «тамошних жителей», мы совершенно очевидно должны прийти к выводу не только о территориальной близости владений, ранее опустошенных «варварами», но и об этнической близости населения этих владений и владений топарха.

А теперь мы должны ответить на вопрос, в какой части Северного Причерноморья или Придунавья располагались территории, близкие по местоположению и этническому составу, одна из которых называлась «климаты» и находилась, согласно данным топарха, под византийским управлением, а другая, также подвергшаяся опустошению со стороны «варваров», но входила в сферу влияния империи. Считать, подобно Успенскому и Милюкову, что перед нами византийская область, находившаяся поблизости от владений Симеона, было бы неправильным. Во-первых, как об этом совершенно справедливо писал М. В. Левченко, в условиях, когда болгарские войска Симеона не раз подходили к самому Константинополю, трудно предположить существование на Дунае какого-то независимого от Болгарии византийского форпоста. Во-вторых, мы должны допустить, что Симеоновы войска нанесли удар не только по владениям топарха, но и по соседним с ним территориям, каковыми могли являться болгарские же области, что не подтверждается никакими данными. По этим же причинам мы не можем отнести события ко времени борьбы «комитопулов» с Византией. Какие владения опустошали поднявшиеся против греков болгары, какие 10 городов и 500 деревень опустошили они? Какова связь болгар с сообщаемыми топархом фактами о том, что поначалу «варвары» в отношении позднее опустошенных территорий проявляли «справедливость» и «законность», снижали себе уважение успехами, в результате которых «города и народы добровольно присоединялись к ним», а впоследствии решили подвластные им города поработить и разорить вместо того, чтобы охранять их и управлять ими? Очевидно, что никакого отношения эти факты к болгарам Самуила не имеют.

Зато сведения Константина Багрянородного показывают, что в районе Северного Причерноморья имелись

климаты двух видов — хазарские владения и владения Византии, и удар «варваров» сначала пришелся по климатам хазарским, а потом наступила очередь климатов византийских, тесно связанных с Херсонесом.

Подобный подход помогает нам определить местоположение и тех и других владений — между Хазарией и Херсонесом, а точнее, византийские климаты, видимо, находились в северной части Крыма, а хазарские примыкали к ним с севера и охватывали район Приазовья.

Сторонники же топарха, представители местной знати, которые были близки по образу жизни к «тамошним жителям», являлись крымскими или северочерноморскими аборигенами, часть которых находилась под владычеством хазар, а часть — под византийским влиянием и рассматривалась в империи совокупно с Херсонесом. Определение этнической принадлежности населения климатов не входит в нашу задачу.

А теперь попытаемся выяснить вопрос о «варварах», которые опустошили владения соседей топарха, а затем и его владения. Что мы знаем о них? «Варвары» были народом жестоким, «им была недоступна пощада»; еще до опустошения владений соседей топарха они осуществляли над ними контроль: управляли там «законно» и «справедливо»; снискали себе уважение «большими успехами», «города и народы» добровольно подчинялись им. Однако затем в силу неизвестных нам причин вместо того, чтобы по-прежнему управлять подвластными городами, они обрушились на них и сделали их «добычей своего меча». Обращает на себя внимание причина конфликта между правителями и покоренным районом: «варвары» осуществили свое нападение под предлогом нарушения местным населением клятвы. Какой? Источник по этому поводу хранит молчание. В связи с этим мы хотим обратить внимание на одно кажущееся противоречие в «Записке» топарха. С одной стороны, он говорит об огромной мощи «варваров», об их всеокрушающей силе, а с другой — рассказывает, как его немногочисленное войско одержало над ними верх: наутро он вышел против них с 400 воинами, но враги уже ушли.

Однако в действительности противоречия нет. Топарх описывает не войну «варварского» государства против своих соседей, а по существу карательную экспедицию, которую осуществлял отряд «варваров» на уже завоеванной территории. Население, нарушившее клятву, данную «варварам», было за это наказано. Основные силы «вар-

варского» войска в этой экспедиции не участвовали, поэтому топарх и рискнул оказать сопротивление их небольшому отряду. Но он понимал, с каким серьезным противником имеет дело, и, опасаясь, как бы враги не пришли с «большим войском», поспешил с мирными предложениями. Суть происшедшего заключается именно в том, что сначала «варвары» подчинили район, а затем предприняли против него карательную экспедицию, заодно опустошив и климаты топарха.

Единственной известной нам ситуацией в районе Северного Причерноморья, которая полностью соответствует описанным топархом событиям в X веке, являются война Святослава против Хазарии и установление господства руссов на захваченных территориях. При этом мы должны вновь обратиться к сообщению Ибн-Хаукаля. Он рассказывает, что после победы Руси над хазарами, булгарами, бургасами местное население просило, чтобы «с ними заключили договор, и они были бы покорны им, руссам...»²¹. Мы можем перенести этот установившийся порядок и на район хазарских климатов, покоренных Русью.

К этому времени в районе восточного Крыма, в Боспоре Киммерийском, укрепилось русское влияние, да и в устье Днепра, на Белобережье, Русь закрепились довольно твердо²². Таким образом, после похода Святослава 964—965 годов практически весь район Поволжья, Приазовья, Северного Кавказа, Крыма (исключая Херсонес), Северного Причерноморья вплоть до границ с Болгарией находился под контролем Руси. И топарх по существу рассказывает о судьбе хазарских климатов уже после их завоевания руссами, когда здесь оставались русские гарнизоны, а основная часть сил во главе со Святославом, как об этом сообщили некоторые русские летописи, возвратилась на родину.

Необходимо иметь в виду, что подобную попытку установить длительный контроль и фактически управлять захваченным районом руссы предприняли и ранее, при овладении городом Бердаа. Эта попытка окончилась неудачей: жители восстали против завоевателей, город был руссами разгромлен. Хотя такого рода аналогия не является прочным аргументом в пользу идентификации событий, описанных топархом, с действиями руссов в районе Приазовья и Северного Крыма, однако мы должны подойти к ней весьма внимательно. Когда при овладении территориями на востоке руссы на протяжении 20 лет

дважды пытаются осуществить управление захваченными областями, это указывает на определенную тенденцию, и в этом смысле данная аналогия помогает нам понять и оценить шаги Святослава в Северном Причерноморье, Приазовье и Поволжье в 965 году. Клятва, о которой сообщает топарх, и договор между местным населением и руссами, о которых говорит Ибн-Хаукаль, — это факты одного и того же ряда. Топарх приоткрывает нам ход событий, последовавших за завоеванием Святославом Хазарии. Вопрос об отношениях с владельцем климатов, видимо, возник уже в период похода Святослава по Таманскому полуострову к Саркелу. Ликвидировав остатки хазарской администрации в Восточной Таврике, он проводил здесь по отношению к жителям края политику протектората²³, описание которой мы встречаем и в «Записке греческого топарха». А. В. Гадло полагал, что появление руссов в этом районе не могло не встревожить Византию, опасавшуюся за безопасность Херсонеса и византийских климатов²⁴.

Итак, русский отряд дошел во время своей карательной экспедиции до византийских климатов, вступил в противоборство с немногочисленным войском топарха, потерпел неудачу и удалился. Удар по византийским климатам означал не что иное, как начало конфликта и с Херсонесом, а значит, и с Византийской империей. Это находит дополнительное подтверждение в сообщении Яхьи Антиохийского о войне между империей и Русью перед походом Святослава в Болгарию, в данных договора 971 года, в упоминании о мире с «корсунянами», которое содержит Устюжская летопись.

Не расходятся с характеристикой руссов, как она неоднократно дается в византийских хрониках, и сведения о них топарха. Величайшие их успехи, овладение многими городами и народами, их беспощадность в борьбе с врагами — все это стереотипы византийских источников, касающихся в той или иной степени руссов. Такая характеристика подтверждается и известными нам фактами овладения Святославом огромной территорией от Северного Кавказа до Поднепровья, от вятских лесов до владений Херсонеса в Крыму.

Казалось бы, после ухода «варваров» положение топарха должно было улучшиться, однако тревога не рассеялась, а еще более возросла, и сам этот факт имеет прямое отношение к определению «варваров» и к вопросу о том, можно ли их отождествлять с народом, к вождю

которого обратился за протекторатом топарх. М. В. Левченко считал, что такое отождествление исключено, потому что невозможно обратиться за защитой к тем, кто был недавним противником. Однако даже элементарное знакомство с дипломатией древних руссов показывает, что нередки были случаи, когда они заключали самые дружеские договоры с недавними противниками. Так было в 907 году под стенами Константинополя, в 944 году после войны с Византией, в 945 году в Бердаа, в 60-х годах X в. в районе Поволжья и Приазовья, в 968 году с печенегами, которые после нападения на Киев заключили со Святославом мир и, возможно, даже участвовали с ним в походе на Балканы.

Наконец, после сражений 970 года соглашение с руссами заключил Иоанн Цимисхий. Этот перечень можно было бы продолжить. Бывшие противники в силу тех или иных обстоятельств быстро мирились и даже становились союзниками. К тому же у нас есть и прямое указание автора «Записки» о том, как он неоднократно пытался покончить с «варварами» дело миром.

В пользу того, что совет, созданный топархом, решил обратиться за протекторатом к тем же «варварам», с которыми лишь недавно сражались жители климатов, говорит и все возрастающая в климатах тревога, необходимость немедленно решить вопрос о подданстве. Отряд руссов был отбит, но это не означало конца борьбы, а предопределяло ее ожесточенный и бесперспективный характер в будущем. Топарху и его сторонникам предстояло в полной мере испытать на себе военную мощь руссов. Это и пугало сторонников топарха. Византийский чиновник, не добившись компромисса с местными русскими властями, вынужден был двинуться на поклон к самому Святославу. Подтверждением этого может служить и сообщение топарха о его возвращении вниз по Днепру, что указывает на цель миссии — Киев. Об этом же говорит характеристика протектора как «царствовавшего к северу от Дуная». Он «могуч», «гордится силой в боях», что весьма напоминает нам облик Святослава, рисуемый и другими источниками. К середине 60-х годов Русь, расширяя свои владения, действительно вплотную подошла к дунайским пределам. Все те аргументы, которые М. В. Левченко привел в подтверждение возрастания русского влияния к северу от Дуная ко времени Владимира, относятся без исключения и ко времени Святослава²⁵. Но, кроме того, применительно к середине 60-х

годов X в. у нас есть в связи с этим одно весьма примечательное свидетельство В. Н. Татищева. Он рассказал на основе не дошедших до нас летописных источников о том, что после похода на восток Святослав двинулся в 966 году к Дунаю, но затем, узнав, что вятичи «отложились», повернул на север, покорил их и возложил на них дань. Из последующего изложения событий мы узнаем, что Святослав двинулся в 967 году на болгар «только по своей обиде», то есть из-за того, что болгары помогали хазарам. На берегах Днестра Святослава ожидали войска болгар, хазар, касогов и ясов. Святослав не стал с ними биться, а двинулся вверх по Днестру, «где ему помощь от венгров приспела»²⁶.

В этой связи следует трактовать и фразу, зачеркнутую топархом в черновике «Записки»: «именно ради этого и северные берега Дуная». Она показывает, что дунайские «сюжеты» отражались в политическом мышлении тогдашних северочерноморских и крымских владетелей.

Наконец, в этом же плане мы должны рассматривать и вопрос о местонахождении и характере поселений Борион и Маврокастрон, куда двинулся топарх, возвращаясь осенью из Киева на родину.

Как известно, днепровское устье давно уже стало перевалочным пунктом на пути «из варяг в греки». Судя по договору 944 года, здесь постоянно сталкивались интересы Византии и Руси. Договор 944 года предусматривал компромиссное решение существовавших противоречий. С наступлением зимы руссы должны были уходить из этих мест и возвращаться на родину. В летние же месяцы они могли безраздельно владеть спорной территорией, останавливаться здесь, ловить рыбу. Судя по тому, что Святослав на пути в Киев в 971—972 годах зазимовал на Белобережье, статья договора, запрещающая руссам останавливаться здесь на зиму, была им нарушена, и здесь находились постоянные русские поселения.

Кроме того, договор запрещал руссам наносить ущерб жителям Херсонеса, появившимся в этих местах.

М. В. Левченко убедительно показал, что греки также имели поселения в устье Днепра, связанные с Херсонесом, и что селение Борион, упомянутое топархом, было одним из таких греческих форпостов в этом беспокойном месте, за который вели борьбу Русь, Византия и Хазария²⁷.

Выяснив, где находился Борион — на левом или на правом берегу Днепра, мы могли бы определить, куда

направился топарх — в сторону Крыма или на Запад, к Днестру. Ответ на этот вопрос имеет немаловажное значение для общего понимания событий, так как в том же направлении по ходу движения отряда находился и Маврокастрон; поблизости от этих мест следует искать и владения топарха, куда он возвращался.

Отряд, двигаясь вниз по берегу Днепра и к его устью, в трудных условиях ледохода осуществил переправу с правого берега на левый. Конный отряд, входивший в посольство топарха, двигался от Киева (на этом сходятся большинство ученых) по правому берегу реки. Затем конные перебрались на противоположный берег Днепра. Эта переправа точно соответствует тому пути, который проделывали жители Херсонеса, возвращаясь в свой родной город из Киева. Именно о нем пишет Константин Багрянородный: «Возвращаясь из Руси, переправлялись через Днепр»²⁸. Следовательно, Борион находился на пути в Крым.

Прибыв в Борион (и на это также не было обращено внимание в историографии), топарх не собирался здесь задерживаться и стремился перебраться на ночлег в другое место²⁹. Путники хотели снова двинуться в путь в тот же день и к вечеру дойти до Маврокастро́на, однако непогода помешала им осуществить свое намерение. Путь до Маврокастро́на отряд прошел при вьюжной погоде за два дня. В первый день, по словам топарха, путники едва сделали 12 км. Провели они в пути после отдыха и другой день, а по расчетам собирались достигнуть Маврокастро́на в течение одного дня пути — к вечеру. Это значит, что Маврокастро́н лежал к востоку от селения Борион на расстоянии около дня пути груженого каравана, что именно туда стремился попасть топарх, считая его уже своей дружественной территорией. Борион же и весь путь от него находился на неприятельской земле. Все эти данные совершенно очевидно указывают, что топарх и его спутники направлялись в сторону Крыма. Большинство же историков на основании прежде всего топонимических данных склонялись к тому, что греческая колония Маврокастро́н находилась в устье Днестра³⁰.

Весьма примечательна одна фраза из первого отрывка «Записки», в которой топарх сообщает, как хорошо его встретили жители Бориона: они дали ему приют, продовольствие, фураж, проводников; во время проводов, сообщает топарх, «они смотрели на него, как на друга, и возлагали на него большие надежды».

Эта фраза может сказать о многом: появление византийского влиятельного чиновника, владельца греческих климатов в Крыму, только что прошедшего переговоры в Киеве, действительно могло взбудоражить здешних жителей. Затерянные на огромных пространствах Северного Причерноморья, торговцы, ремесленники, рыболовы испытывали на себе все превратности судьбы пограничного форпоста. В условиях постоянной, усиливающейся борьбы за Северное Причерноморье сначала между Хазарией и Русью, а затем (или одновременно) между Русью и империей, когда руссы со всех сторон окружили здесь византийские владения, построили в устье Днепра и Днестра свои городки, поставили в зависимость от себя уличей и тиверцев, чьи владения подходили к самому Дунаю, положение византийских поселений стало весьма тревожным: договор 944 года не выполнялся, в Крыму развивался конфликт между Византией и Русью, нарастало противоборство Руси с провизантийски настроенными правящими кругами Болгарии, Святослав готовился к походу на Дунай. Естественно, что появление топарха всколыхнуло местных жителей. Они увидели в нем представителя империи, связали с его миссией надежды на защиту от грядущих бед.

Первый отрывок «Записки» еще раз подтверждает всю напряженность положения в Крыму и Северном Причерноморье в описываемый топархом период, серьезность конфликта между Русью и Византией.

А теперь попытаемся восстановить хронологию событий. Упомянутое топархом положение Сатурна указывает на 964—967 годы. Описанные события происходили либо осенью 965 — зимой 965—966 годов, либо осенью 966 — зимой 966—967 годов. Соображения некоторых историков о неточности астрономических наблюдений топарха вряд ли основательны, так как он в данном случае определял путь следования отряда³¹.

После завоевания хазарских владений в 965 году Святослав ушел в Киев, оставив в Северном Причерноморье, Приазовье и Крыму свои гарнизоны. Конфликт в хазарских и византийских климатах произошел либо этой же осенью, либо на следующий год. Тут же топарх выехал в Киев, а возвращался обратно в зимнее время 965—966 или 966—967 годов.

В преддверии дунайского похода и перемещения центра своих внешнеполитических устремлений с Востока на Запад Святослав был заинтересован иметь в Кры-

му дружественного владетеля; отсюда теплый прием и милости, оказанные топарху.

Таким образом, сообщение Яхьи Антиохийского отнюдь не случайно. В нем отражены реальные противоречия между Византией и Русью. Данные «Записки греческого топарха» дают на этот счет дополнительные сведения.

Тайный русско-византийский договор и дипломатия Руси в 967—968 годах

В свете всего вышеизложенного миссия Калокира в Киев выглядит совсем по-иному, чем ее представляли себе многие историки в течение долгого времени. Поспешное отправление посла в Киев объяснялось необходимостью для Византии во что бы то ни стало погасить возникший конфликт, отвлечь Святослава от своих крымских владений, и прежде всего от Херсонеса, а также обеспечить неприкосновенность других имперских владений в Северном Причерноморье в условиях углубляющихся противоречий с Болгарией, пабегов венгров на владения Византии, предстоящих походов в Сирию и против сицилийских арабов. Посольство Калокира — это вынужденная мера, обеспечивающая на какое-то время безопасность Херсонеса. В этой связи предположение о том, что именно Калокир уговорил руссов предпринять поход на Дунай, выглядит, на наш взгляд, безосновательным.

В историографии отмечено, что выбор Никифора Фоки пал на Калокира не случайно. Сын херсонесского стратига превосходно знал ситуацию в Крыму и в Северном Причерноморье и мог провести переговоры в Киеве со знанием дела.

Как сообщает Лев Дьякон, Калокир был вызван в Константинополь, ему было присвоено высокое звание патрикия, выдано 15 кентинариев золота для передачи руссам, и он поспешно отправился в путь. Ему было поручено привести руссов «в землю мисии для ее завоева-

ния»¹. Эту мысль византийский хронист проводит весьма настойчиво и далее. Калокир появился в Киеве, вручил Святославу золото, очаровал его, убедил двинуться в Болгарию, «чтобы он, покоривши их (болгар. — А. С.), удержал их страну в собственной власти», а ему содействовал в завоевании византийского престола². Святославу же были обещаны «великие» сокровища из императорской казны.

Таким образом, Лев Дьякон передает лишь самую поверхностную схему событий, не зная внутренних их пружин. Поэтому он заведомо неверно трактует события, сообщая о том, что византийское правительство само, по собственной воле пригласило русского князя завоевать Болгарию. Империи, напротив, было крайне невыгодно иметь рядом со своими границами столь могущественного соседа, как Киевская Русь. Н. Знойко совершенно справедливо обратил внимание на то, что если бы Никифор Фока действительно собирался значительно ослабить Болгарию, то он мог бы направить против нее, скажем, печенегов, как это было сделано позднее в отношении Руси, когда их орды подошли к Киеву в 968 году, отвлекая Святослава с Дуная³. Думается, что ближе всех к истине подошли авторы «Истории Болгарии», отметившие, что поход Святослава против Болгарии был предрешен до появления византийского посла в Киеве⁴. Мы можем лишь добавить, что в условиях противоборства с Византией в Крыму Святослав со своей стороны стремился предпринять дипломатические шаги с целью создать благоприятные условия для предстоящего похода на Дунай, который был вызван нарастанием антирусских действий болгарской правящей верхушки еще в 30—40-х годах X в. Мир с Византией, ее нейтралитет в ходе предстоящих событий были весьма желательны для Руси. Этого, по крайней мере формального, нейтралитета Русь добилась от Византии за счет усиленного давления на византийские владения в Крыму, поставив под угрозу сам Херсонес.

Посольству был придан весьма высокий ранг: Калокир получил звание патрикия. Это еще раз указывает на всю серьезность миссии, на то значение, которое придавали ей в Константинополе. Золото, которое он вез с собой в Киев, не являлось платой за участие в походе против Болгарии. Еще меньше напоминает оно периодическую дань, да и слова Льва Дьякона о том, что золото предназначалось для раздачи, указывают на его истинное

предназначение — это был типичный дар князю и его окружению за отказ от агрессии против Херсонеса и других владений Византии в Северном Причерноморье, дар, который должен был помочь посольству добиться поставленной цели. Калокир поспешил в Киев вовсе не для того, чтобы помочь Святославу завоевать Болгарию. Экстренность миссии объяснялась, как мы полагаем, необходимостью в кратчайшие сроки восстановить мир в Крыму и Северном Причерноморье.

Каковы же были условия договора, который заключил Калокир в Киеве? Во-первых, посол должен был восстановить мирные отношения между империей и Русью, между Херсонесом и Киевом. Восстановление традиционных отношений «мира и дружбы» с Византией на основе действующего договора 944 года, который определял эти отношения, и было, вероятно, основным условием договора, заключенного в Киеве. Во-вторых, как мы уже постарались это показать, Русь по договору отказывалась от притязаний на византийские владения в Крыму и Северном Причерноморье. Византия в свою очередь брала на себя обязательство соблюдать нейтралитет во время предстоящего русского похода на Дунай. Очевидно, греки довольно легко согласились на это условие, так как отношения империи и Болгарии к этому моменту осложнились, дипломатические отношения были разорваны, греческие войска нанесли удар по пограничным болгарским городам.

Конечно, ни о каком завоевании Русью Болгарии не могло быть и речи, и мы присоединяемся к точке зрения тех историков, которые считали, что целью первого балканского похода Святослава являлось овладение лишь территорией нынешней Добруджи, дунайскими гирлами с центром в городе Переяславце. Именно Переяславец в Подунавье, как это показало само развитие событий, явились основным объектом атаки Святослава во время первого похода. Об этом говорит сообщение летописи: о захвате руссами Переяславца и еще 80 городов по Дунаю, прекращении руссами военных действий после захвата этого района и приостановлении дальнейшего наступления, хотя болгарская армия была разбита, а правительство деморализовано. Русская летопись отметила, что Святослав «седе княжа ту въ Переяславци, емля дань на гръцех»⁵. В пользу этого же свидетельствует и летописная запись о словах Святослава, якобы сказанных им в Киеве о Переяславце как о «середе» его зем-

ли, куда «вся благая сходятся». В этой записи отражено понимание летописцем значения Переяславца для русской торговли.

По данным Татищева, второй поход Святослав также начал с атаки Переяславца, который после его ухода в Киев вновь был захвачен при помощи «гражан» болгарями⁶. И вновь военные действия на этом закончились. Святослав же, согласно летописи, после взятия Переяславца заявил грекам: «Хочю на вы ити и взяти градъ вашъ, яко и сей». Но это было уже новое развитие событий: назревал русско-византийский конфликт. Дело шло к войне двух государств. Что касается болгарских территорий, то у нас нет свидетельства о том, чтобы до начала военных действий против Византии другие территории Болгарии, кроме Подунавья, подверглись русскому нашествию.

Таким образом, одним из главных условий русско-византийского договора, заключенного Калокиром в Киеве, явилось согласие Византии не препятствовать Руси в ее попытках овладеть ключевыми торговыми позициями на Дунае (в первую очередь Переяславцем), которые издавна имели первостепенное значение для русской торговли⁷.

Судя по тому, что Святослав явился в Переяславец и продолжал брать дань с греков, византийское посольство подтвердило действующие пункты договора 907 года, в частности о выплате Византией ежегодной дани Руси.

В. И. Сергеевич в свое время высказал сожаление по поводу того, что текст договора Калокира и Святослава не сохранился⁸, однако он и не мог сохраниться, во-первых, потому, как мы полагаем, что он лишь восстанавливал нарушенное конфликтом действие прежних соглашений, а во-вторых, носил характер устной договоренности. Договор предусматривал урегулирование спорных вопросов в Северном Причерноморье и в Крыму и условия предстоящего вторжения русского войска в Подунавье, то есть совершенно конкретные действия союзников, направленные против третьей стороны. Заметим, что даже русско-византийский договор 944 года, в котором наиболее четко, по сравнению с другими соглашениями, сформулированы союзные обязательства сторон, определяет лишь общие принципы совместных действий. Договоренности общего характера должны были быть конкретизированы в ходе дальнейших переговоров: «Аще ли хотети начнеть наше царство от васъ вои на противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть

к намъ, елико же хочемъ...»⁹. Выполняя союзные обязательства, русские дружины сражались в составе византийской армии в Сирии и Сицилии, на Крите и в Закавказье, однако ни в одном из этих случаев мы не имеем сведений о каких-либо открытых официальных договоренностях: союзные действия реализовывались либо благодаря устным переговорам, либо переписке через специальных гонцов. Необходимо иметь в виду и то, что стороны должны были соблюдать определенные меры предосторожности чисто военного характера. Наличие и в Киеве, и в Константинополе множества иностранцев: купцов, путешественников, разного рода наемников, — создавало возможность для «утечки информации» в случае открытых переговоров относительно тех или иных союзных действий. Напротив, втайне подготовленное военное предприятие обещало успех. Достаточно вспомнить, как скрыто действовали руссы в 860 году, имея сведения об уходе византийского войска в Малую Азию, а флота — к Криту. Так же неожиданно напал на Константинополь Олег, имевший, по нашему мнению, определенную договоренность с болгарским царем Симеоном о проходе по болгарской территории русского войска¹⁰. Трудно предположить, что удар Святослава по Хазарии и ее союзникам в 965 году был осуществлен без ведома Византии. Договоренность Калокира в Киеве стоит в ряду тайных посольских переговоров, которые давно уже стали практиковаться в древней Руси, как и в других странах Восточной Европы того времени. Именно поэтому миссия Калокира осталась неизвестной русским летописцам. В круг его переговоров с русским князем были посвящены лишь немногие лица.

Что касается известий на этот счет Льва Дьякона, то он знал о посольстве Калокира немного, да и сведения о Калокире дошли до него гораздо позже, когда уже стала известна измена посла Никифору Фоке и были открыты обстоятельства всего дела. Но и тогда византийский хронист не имел сведений о подлинных мотивах действий византийского императора, намерениях сторон в киевских переговорах.

Однако Калокир не ограничился достижением договоренностей по вышеназванным вопросам. Совершенно неожиданно миссия патрикия вышла за рамки межгосударственных переговоров, Калокир вступил в личное тайное соглашение с русским князем. Оно, как сообщает Лев Дьякон, состояло в том, что Святослав обещал помочь

византийскому патрикию взойти на императорский трон, а тот, в свою очередь, обязался сохранить за Русью ее завоевания на Балканах, а также «бесчисленные сокровища из казны государственной».

Наличие тайного сговора Калокира и русского князя подтверждается и последующими известиями Льва Дьякона. Он рассказал, что Калокир шел в Болгарию вместе с русским войском¹¹. В дальнейшем мы застаем предприимчивого патрикия в Преславе в тот момент русско-византийской войны, когда Иоанн Цимисхий начал штурм болгарской столицы, которую отчаянно защищали русский отряд во главе со Сфенкелом и болгарские воины. А это означало, что Калокир находился при дворе болгарского царя Бориса, дожидаясь, видимо, исхода русско-византийской войны. Его пребывание вдали от Святослава, в Преславе, указывает на то, что он занимал какое-то место в политических расчетах как русского великого князя, так и болгар, на данном этапе войны поддерживавших Святослава.

В критические часы обороны Преславы Калокир под покровом ночной темноты бежал к русскому князю, что еще раз подтверждает его давнишнюю связь со Святославом и его активное участие в политической борьбе того времени. Кажется, дальнейшие следы Калокира теряются. Молчит о нем и византийский хронист.

Однако можно думать, что он не исчез с политического горизонта. Мы еще раз встречаемся в источниках с видным византийским дипломатом по имени Калокир. В 996 году из Константинополя к германскому императору Отгону III было направлено посольство для ведения переговоров о брачном союзе двух императорских дворов. Греческое посольство возглавляли Леон и Калокир¹². Если в 966—967 годах сын херсонесского стратига был молодым человеком, то через 30 лет после описываемых событий это мог быть уже умудренный опытом политический деятель. К тому же надо помнить, что в это время сошли со сцены и Никифор Фока, и Иоанн Цимисхий, в Константинополе взяла верх македонская династия, отодвинутая прежде в тень узурпаторами, и Василий II мог привлечь к дипломатической службе бывшего противника Никифора Фоки и Цимисхия.

Тайный договор русского князя и византийского посла был вполне в духе времени, имел аналогии в прежней истории Византии, когда претенденты на императорский престол вели на Константинополь иностранные войска.

Лев Дьякон рисует Калокира отважным и пылким юношей, он был связан с Херсонесом, где всегда были сильны сепаратистские тенденции в отношении империи (что еще раз показал опыт греческого топарха, который не смог добиться от знати климатов верности Константинополю). К тому же в представлении многих знатных византийцев император Никифор Фока занимал престол незаконно, захватив его в 963 году и узурпировав власть малолетних сыновей умершего Романа II. В те же годы, когда Калокир связал свою судьбу со Святославом, против Никифора Фоки зрели заговоры, жертвой одного из которых он в конце концов и пал. Против следующего императора — Иоанна Цимисхия поднял мощное восстание Варда Фока. Таким образом, внутривизантийская обстановка в Византии предрасполагала к шагам, подобным тому, какой в благоприятных условиях предпринял Калокир. Но этот шаг Калокира приводит и к другому выводу: в Киеве вовсе не исключали последующего военного столкновения с Византией и заранее готовились к нему, стремясь использовать в дальнейшей борьбе претендента на византийский престол, а в случае победы утвердить на императорском престоле своего ставленника. Это указывает на реалистический характер политики Святослава, понимавшего, что уступка Никифора Фоки в Подунавье — это мера вынужденная и временная, что вся борьба с империей впереди.

Подобный вывод находит яркое подтверждение и в политике Византии, в тех шагах, которые предпринял Никифор Фока, едва русское войско появилось в Болгарии. По сообщению Льва Дьякона, византийский император, узнав о победах руссов на Дунае, стал немедленно готовиться к войне с ними, организовывать армию, готовить флот, приказал замкнуть Босфор цепью. Он считал для себя «вредным» вести войну одновременно с Болгарией и с Русью и предпринял попытку договориться с болгарами. Этому способствовало и то, что он узнал об измене Калокира.

Думается, что и в этом случае византийский хронист неправильно трактует историю взаимоотношений империи и Руси тех дней. Ни о какой борьбе Византии на два фронта не было и речи, никаких военных действий против Болгарии после 966 года Никифор Фока не предпринимал. Измена Калокира никак не могла повлиять на решимость императора начать подготовку к войне с Русью. Вынужденно согласившись с русским присутст-

вием на Дунае, Византия немедленно в духе своей дипломатии начинает, пока тайно, борьбу против своего не-прошенного союзника. Именно в этом плане следует рассматривать, на наш взгляд, три многозначительных факта: направление в Болгарию посольства Никифора Эротика и епископа Евхаитского с предложением союза против Руси, подкрепленного брачными узами византийского и болгарского царствующих домов; нападение печенегов на Киев в 968 году; прием в Константинополе с большим почетом болгарских послов в июне 968 года.

Что касается даты заключения болгаро-византийского союза, то на этот счет существуют различные точки зрения. Эти расхождения объясняются тем, что историки по-разному определяли хронологию конфликта между Болгарией и Византией, время посольства Калокира, первого русского похода на Дунай. Кроме того, различия были обусловлены тем, что русская летопись дает дату первого вторжения русского войска в Болгарию — 967 год, а дату нашествия печенегов на Киев — 968 год. Лев Дьякон вообще не приводит никаких дат, а Скилица говорит, что появление руссов на Дунае относится к августу 968 года. Отсюда и различия в трактовке хронологии событий, отразившиеся в историографии. Одна группа историков полагает, что конфликт между Болгарией и Византией, начавшись в 966 году, окончательно определился в 967 году. Калокир появился в Киеве осенью 967 или весной 968 года, появление руссов на Дунае относится к осени 968 года, а нападение печенегов на Киев и уход русского князя из Болгарии можно отнести лишь к лету 969 года. К осени 969 года Святослав снова был в Болгарии. Эта точка зрения в разных вариантах и с рядом оговорок отражена в работах В. Н. Златарского, Н. П. Благоева, Ф. И. Успенского, М. Н. Тихомирова, П. О. Карышковского и некоторых других историков¹³.

Другие ученые считали даты русской летописи правильными. А это значит, что болгаро-византийский конфликт произошел в 966 — весной 967 года. Калокир уже был в Киеве, а осенью этого же года русское войско появилось на Дунае. Уход Святослава на выручку Киева от печенегов имел место в 968 году, а его возвращение обратно — осенью 969 года, после смерти Ольги. В 970 году мы уже застаем его на Балканах воюющим с Византией. На этой хронологии настаивали М. Д. Дринов, М. В. Левченко, А. Стоукс¹⁴.

Сторонники первой точки зрения исходили в основном из сообщения Скилицы, а также из того, что, по данным Лиутпранда, в июле 968 года русские корабли еще стояли на рейде Константинополя, а это означало наличие дружественных связей между Византией и Русью. Если бы империя начала борьбу с Русью с момента вторжения русского войска в Болгарию в 967 году, то смысл появления русских торговых судов на Босфоре был бы неясен.

Вторую точку зрения подробно аргументировал М. В. Левченко. Она основывается на хронологической канве русской летописи. Автор обращает внимание на то, что отнесение русского вторжения к осени 968 года допускает двухлетний интервал между началом болгаро-византийского конфликта (966 г.) и реализацией русско-византийской договоренности. А это приводит к мысли, что Калокир почти два года находился в Киеве. Если предположить, что руссы двинулись на Дунай в 968 году, продолжает М. В. Левченко, то становится непонятной перемена в политике Византии в отношении Болгарского царства, происшедшие ранее этого события: в июне 968 года болгарские послы были уже в Константинополе. К тому же Лев Дьякон сообщил о том, что первыми шаг к примирению с болгарами сделали греки, направившие в Преславу посольство Никифора Эротика и Феофила Евхаитского.

Это сообщение находится в контексте изложения событий, и его достоверность не вызывает сомнений. Посольство же болгар в Константинополь в июне 968 года следует признать ответным.

Признание 968 года датой вторжения Святослава на Дунай приводит к выводу, что за несколько месяцев до появления русской рати на Дунае греки начали готовиться к борьбе со Святославом и круто изменили свою политику в отношении Болгарии. Это представляется М. В. Левченко исторически необоснованным. По сообщению источников, считает историк, такое изменение во внешней политике империи произошло лишь после нападения Руси на Болгарию. Непонятно и то, как руссы, захватив на Дунае ряд городов, в том же году сумели вернуться к Киеву и спасти его от печепегов; не верить же дате русской летописи о приходе кочевников к русской столице оснований нет.

В своем споре обе стороны исходили из того, что смысл происходивших событий определяло время болга-

ро-византийского конфликта. Мы же исходим из того, что в основе дипломатических усилий и Византии, и Руси лежал острейший конфликт между этими странами в районе Крыма и Северного Причерноморья, относился он к 966 году и последовал после разгрома Святославом Хазарского каганата и подчинения Руси огромного района в Поволжье, Приазовье, Северном Причерноморье. Именно поэтому спешно был послан сын херсонесского стратига в Киев с золотом для русского князя и его приближенных и с сообщением о согласии на нейтралитет в отношении предстоящего русского похода на Дунай. Для нас исходная точка отсчета времени не 966 год, когда произошла ссора Византии с Болгарией, а 965 год, ознаменовавшийся прочным утверждением Руси на волжских, азовских и черноморских берегах. Именно с этих позиций мы поддерживаем вторую точку зрения и считаем, что ни Русь, ни Византия не расположены были сохранять напряжение в районе Крыма и Северного Причерноморья и руссы не были намерены откладывать поход на Дунай до 968 года. Дата русской летописи правильна в применении как раз к событиям на Востоке, а не на Балканах.

К тому же необходимо прислушаться и к другим аргументам сторонников второй точки зрения, хотя мы вовсе не считаем, как это делает М. В. Левченко, что греки не могли менять курса своей политики до нападения руссов на Болгарию.

В целом же ход событий нам представляется следующим. Обострение отношений Византии и Руси в 965—966 годах в районе Крыма и Северного Причерноморья совпало по времени с конфликтом Болгарии и Византии. В этих условиях Никифор Фока засылает тайное посольство в Киев с просьбой прекратить давление на Херсонес и другие имперские владения в Крыму и Северном Причерноморье. В обмен на это греки соглашались не препятствовать Святославу в установлении контроля над устьем Дуная, что Святослав и осуществил в 967 году.

Ответом на успехи руссов в районе Дуная явились активная подготовка Византии к возможной войне с руссами и налаживание дружеских отношений с болгарским правительством. Первый шаг в этом направлении — посольство Никифора Эротика и епископа Евхайтского, которое следует отнести, судя по последовательности событий, к концу 967 — началу 968 годов. Летом ответное

болгарское посольство было торжественно принято в Константинополе. Около того же времени печенеги осадили Киев, и Святослав поспешил на выручку своего стольного города. В историографии в основном принято мнение (Пресняков, Успенский, Греков, Лебедев, Левченко, Стоукс и др.) о том, что рейд печенегов на Киев был совершен по наущению греков, хотя существует мнение и в пользу того, что они были направлены туда болгарскими.

Судя по дальнейшему развитию событий, когда, оказавшись в трудном положении, Святослав предложил в Доростоле мир и, согласно Скилице, просил Цимисхия, чтобы тот направил посольство к печенегам с просьбой позволить руссам пройти через их земли к себе на родину¹⁵, Византия и в этот период имела в качестве своих союзников часть печенегов. Их набег на Киев в 968 году тесно связан с последующим развитием дружественных отношений с империей.

Таким образом, с момента появления Святослава на Дунае Никифор Фока вопреки договору с Русью начинает против нее активные действия, которые, видимо, не носят еще открытого характера. Такой вывод можно сделать исходя из того, что в истории остались неизвестными истинные инициаторы печенежского нападения с 968 года, а содержание переговоров Никифора Эротика и Феофила Евхаитского в Болгарии, как и прием болгарского посольства в Константинополе, еще прямо не указывали на антирусские происки византийского императора. Поэтому летом 968 года русские торговые суда, о которых сообщает Лиутпранд, стояли на рейде византийской столицы, хотя Византия начала активную борьбу против присутствия руссов на Дунае. Это еще раз говорит о вынужденности византийского нейтралитета в этом вопросе.

С лета — осени 967 по лето 968 года Святослав находился в Переяславце. Внешне отношения с Византией были хорошими, хотя к этому времени в Константинополе могли узнать о происках Калокира. С Болгарией также установились мирные отношения. Во всяком случае ни о каких военных действиях болгар и русских в это время сведений нет. В то же время нет и сведений о том, что Святослав в этот период претендовал на овладение всей Болгарией. Кажется, что установилось то *status quo*, которое устраивало и Византию и Русь, хотя, как мы уже убедились, империя готовилась к схватке со Свя-

тославом, а тот в свою очередь, еще будучи в Киеве, заключил тайный договор с Калокиром о совместных действиях против Никифора Фоки.

Относительно этого времени у нас есть лишь одно свидетельство «Повести временных лет». Там сказано весьма лаконично: «и седе княжа ту въ Перѣяславци, емля дань на грѣцех». Однако эта фраза исполнена большого исторического смысла. Она возвращает нас к истокам русско-византийских мирных урегулирований — вопросу об уплате империей ежегодной дани Руси. Уплата дани, как мы это показали ранее¹⁶, лежала в основе всех мирных соглашений Руси с Византией начиная с 860 года. Действие этого условия приостанавливалось во время военных конфликтов и возобновлялось после заключения очередного русско-византийского договора. Мы не знаем, прекращала ли Византия выплачивать Руси дань в период их конфликта 966—967 годов. Но, судя по тому факту, что летописец упомянул о взимании Святославом дани с греков во время пребывания его в Переяславце, это может быть косвенным свидетельством нарушения империей своих традиционных финансовых обязательств в отношении союзника.

После посольства Калокира отношения двух государств на время нормализовались, и империя вновь стала выплачивать Киеву регулярную дань, что и зафиксировано в летописи. Поэтому точка зрения о том, что Калокир привез в Киев часть этой дани с обещанием остальную сумму выплатить после появления руссов на Дунае, представляется нам необоснованной. Мы уже отмечали, что Византия вообще не собиралась звать Святослава на Дунай, а тем более платить за его появление вблизи от имперских границ золотом. 15 кентинариев, как это сказано у Льва Дьякона, Калокир роздал русскому князю и другим знатым руссам. Сделано это было, как мы полагаем, с целью убедить руссов отказаться от нападения на византийские владения в Крыму и Северном Причерноморье. В 967—968 годах дань вновь исправно выплачивалась империей Руси.

Однако в данном случае нас в большей степени интересует вопрос о длительности пребывания Святослава именно в Переяславце. Он не ставил целью завоевывать Болгарию, не собирался в 967 году и прогонять греков в Малую Азию. Представляется, что овладение ключевыми пунктами на Нижнем Дунае вполне устраивало русского князя.

Правда, византийские хронисты говорят о том, что во время первого похода руссы захватили Болгарию и не желали покидать страну вопреки договору, заключенному ими с Никифором¹⁷. Однако эти сведения находятся в резком противоречии с сообщениями Льва Дьякона и Лиутпранда об обмене посольствами между Болгарией и Византией, то есть о самостоятельном политическом существовании Болгарского царства, у которого Святослав отвоевал лишь тот район, через который проходили русские торговые пути на Балканы и в Западную Европу.

Византийские хронисты, рассказав о появлении Святослава в Болгарии, также хранят молчание относительно его дальнейшего там пребывания и возвращаются к руссам, уже говоря о начале русско-византийского конфликта, относящегося к 970 году, когда византийский престол занял Иоанн Цимисхий. Это в свою очередь свидетельствует о затишье в военных действиях и о том, что Святослав считал для себя цель похода достигнутой.

Как мы уже отмечали, Никифор Фока проявил большую озабоченность положением дел и принялся укреплять Константинополь, установил дипломатические связи с Болгарией. Однако до воцарения Иоанна Цимисхия греки не требовали ухода руссов из Подунавья, и лишь новый император заявил Святославу о необходимости выполнять договоренность с Никифором Фокой, то есть, получить обещанную ему награду, уйти из Болгарии¹⁸. Препрежнее болгарское правительство, видимо, было согласнo с таким поворотом событий. Об этом говорят два примечательных факта. Болгары «с воздетыми руками умоляли императора защитить их». «Если бы он помог им,— замечает Лев Дьякон,— то, без сомнения, одержал бы победу над скифами». Однако эти просьбы, видимо, мало волновали Никифора Фоку: вскоре после установления дипломатических контактов с болгарамн греческие войска во главе с патриархом Петром ушли в Сирию и осадили Антиохию¹⁹. Византия, опасаясь своего союзника, против собственной воли согласилась с его появлением на Дунае и никаких требований к руссам в 967—968 годах не предъявляла, хотя Никифор Фока предпринял против них ряд тайных действий, в частности направил печепегов на Киев. Поэтому сообщение Льва Дьякона о том, что, согласно договору, Святослав якобы должен был уйти из Болгарии, противоречит не только его же сведениям, но и ходу событий.

Стремление Руси сохранить за собой контроль над низовьями Дуная подтверждается и другими сведениями русской летописи. В первую очередь здесь следует упомянуть о словах, якобы переданных киевлянами с гонцом своему князю: «Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охавивъ...» Мы вовсе не считаем, что это достоверное послание, а не результат, скажем, позднейшей компиляции, однако оно в известной степени представляет собой оценку древним автором ситуации, сложившейся в Подунавье, когда, утвердившись там, Святослав не торопился возвращаться на родину и предпочитал блюсти «чюжея земли», чем заботиться о своей «отчине».

В этом же направлении ведет нас и известная летописная фраза, приписывающая князю слова о том, что Переяславец — это «середа» его земли. Она объясняет и причину интереса Святослава к Переяславцу, который был одним из центров восточноевропейской торговли, куда «вся благая сходятся»²⁰.

Наконец, о стремлении руссов сохранить стабильное положение именно в Подунавье говорит и тот факт, что Святослав оставил часть своего войска на Дунае после его ухода в 968 году на выручку Киева. Узнав об опасности, грозившей русской столице, Святослав «вборзе вседе на коне съ дружиною своею, и приде Киеву». Именно так интерпретировали эти слова летописи Татищев, Чертков, Погодин, а позднее Левченко, Стоукс. Причем историки подчеркивали, что Святослав увел с собой на родину лишь конную дружину. Пехота — основная часть русского войска, передвигавшаяся на судах, осталась на Дунае.

Характерно и свидетельство на этот счет Льва Дьякона. Рассказав о тех трудностях, с которыми встретился Иоанн Цимисхий после захвата власти в декабре 969 года, византийский хронист сообщает о постоянных набегах руссов на византийские владения²¹, а это означает, что руссы, оставшиеся в Северной Болгарии, не соблюдали мира с Византией. Кроме того, византийские хронисты не упоминают о втором походе Святослава на Дунай, а это может означать лишь одно: согласно их представлениям, руссы владели этим районом и никуда из Подунавья не уходили.

В этом контексте известный интерес представляют сведения В. П. Татищева, сообщившего, что после ухода Святослава из Переяславца город обступили болгары,

воспользовавшиеся отсутствием русского князя, и попытались взять его. В Переяславце заперся воёвода Святослава Волк и «крепко во граде оборонялся». Затем из-за нехватки продовольствия, а также узнав, что «некоторые граждане имеют согласие с болгары», он тайно вывел войско из города, сумел обмануть осаждавших и ушел вниз по Дунаю. В устье Днестра он встретился с возвращавшимся из Киева Святославом²².

Если события, о которых говорит Татищев, действительно имели место²³, то они, видимо, относятся либо к осени 969, либо к весне 970 года. Единственным указанием на хронологию здесь является факт возвращения Святослава обратно на Дунай, что произошло, согласно летописи, после смерти Ольги.

Первое, что сделал Иоанн Цимисхий, по сведениям Льва Дьякона, — это попытался заключить мир с руссами и направил к Святославу посольство. Если учесть, что русско-византийская война разгорелась летом 970 года, то приходится признать, что и русский летописец, и византийский хронист близки не только в описании событий 968—970 годов, но и в последовательности их изложения. Отсюда вытекает и общность их хронологии. События со времени ухода Святослава в Киев до его возвращения на Дунай укладываются в промежуток между 968 годом и весной 970 года. Причем овладение болгарями Переяславцем относится не к началу этого периода, а к его концу, так как Святослав подоспел на выручку Волку, застав того еще на Днестре. А это еще раз говорит в пользу пребывания русского войска в Болгарии по меньшей мере в течение двух лет.

Наконец, о постоянстве интереса Святослава к Подунавью свидетельствует и известная летописная версия о разделе им своей «отчины» между своими сыновьями. Ярополк он посадил в Киеве, Олега — «в деревехъ», то есть в землях древлян, Владимира же отдал в Новгород. Эта версия не вызывает сомнения у историков, поскольку она в дальнейшем подтверждается борьбой за киевский престол, начавшейся после гибели Святослава между его сыновьями. Совершенно очевидно, что Святослав предполагал перенести свою резиденцию на Дунай, сохранив за собой и огромное древнерусское государство.

Таким образом, захватив после разгрома Хазарского каганата ряд владений в Поволжье, Приазовье, Северном Причерноморье и Крыму, оказав давление на византийские владения в этих районах, Святослав, можно пола-

гать, добился нейтралитета империи в период его борьбы с Болгарией за Подунавье. Мы считаем, что именно в этом заключался смысл дипломатических переговоров Святослава и Калокира в Киеве и всех действий Святослава в 967—970 годах, до начала русско-византийской войны. Святослав не просто прошел огнем и мечом по необозримым пространствам от волжских лесов до Северного Кавказа, от Крыма и до нижнего течения Дуная, но и осуществил попытку прочно овладеть этими территориями. Об этом говорят его меры по управлению захваченными районами в Приазовье и Поволжье, в Северном Крыму, его договор с греческим владельцем климатов и упорное стремление сохранить за собой Переяславец с округой. На решение этих задач и были направлены дипломатические усилия Руси того времени.

Возникает вопрос: только ли экономическими, торговыми интересами был вызван поход Святослава на Дунай? Думается, что планы великого князя были значительно шире. Несомненно, Переяславец занимал важное место в системе русской торговли на Юго-Западе и Западе и имел большое значение для Руси, однако главная задача, которую стремился решить Святослав как на Востоке, так и на Юго-Западе, — это сокрушить своих политических и военных противников, а затем уже извлечь экономические выгоды из своих побед. Врагами Руси в это время являлись и Хазария, и Болгария, где власть находилась в руках провизантийски настроенной знати.

Мы уже писали выше о том, что Болгария в 30—60-х годах проводила враждебную по отношению к Руси политику. В «Записке греческого топарха» сохранилось смутное упоминание о Дунае в связи с политикой «варваров» (так он называл руссов, а самого русского князя именовал властителем, правящим к северу от Дуная).

Говоря о русско-болгарских противоречиях той поры, В. Н. Татищев сообщает о том, что удар по Болгарии Святослав нанес в отместку за помощь болгар хазарам, а во время похода на Дунай ему пришлось преодолевать силы военной коалиции болгар, хазар, ясов и касогов²⁴. Этот факт представляется нам вполне достоверным, поскольку русско-болгарские отношения тех лет действительно отличались враждебностью, вызванной политикой правящей в Болгарии провизантийски настроенной верхушки. Вместе с тем следует обратить внимание на тот факт, что Святослав в 969—971 годах не предпринял

никаких враждебных действий против Западной Болгарии, где укрепилось антивизантийское правительство «комитопулов». Значит, он выступал лишь против провизантийски настроенного правительства царя Петра, а затем Бориса.

Мы уже отмечали, что Болгария того времени была расколота борьбой различных политических группировок, власть там захватили провизантийские элементы, однако по-прежнему, как это показали последующие события, в стране имели влияние и противники Византии, те представители знати, которые, ориентируясь на политику, проводившуюся Симеоном, симпатизировали Руси. Следовательно, целью первого похода Святослава на Дунай являлось, на наш взгляд, прежде всего изменение ориентации болгарского правительства, соотношения сил в Болгарии, превращение ее вновь в дружественное Руси государство. Захват Подунавья, постоянная угроза Преславе со стороны Руси подкрепляли эти политические расчеты. Именно эти шаги и обеспечивали коренные экономические интересы раннефеодального древнерусского государства в данном районе.

Первый поход русского войска на Дунай, как мы полагаем, закончился мирным договором между Русью и Болгарией. В пользу этого говорит несколько обстоятельств: во-первых, долгое пребывание русских в Переяславце без ведения каких-либо военных действий против болгар; во-вторых, нормально складывавшиеся отношения между Русью и Византией в это же время. Святослав по-прежнему получал дань с Византии, русские торговые суда еще в 968 году находились в константинопольской гавани²⁵. А это значит, что в это время в русско-византийских отношениях действовали условия договора 944 года. Кроме того, византийский император не оказал активной поддержки болгарам против Руси, хотя дипломатические отношения между Византией и Болгарией были восстановлены.

Одним из основных условий русско-болгарского соглашения, по-видимому, был пункт о контроле Руси над землями по нижнему течению Дуная.

Но это вовсе не означало, что и Византия, и антирусская группировка в болгарском правительстве согласились с таким положением вещей. Отсюда болгаро-византийское сближение, на которое охотно шла провизантийски настроенная болгарская верхушка, набег печенегов на Киев.

Об этом же говорит и попытка провизантийской груп-

пировки среди болгарской знати повернуть ход событий в прежнее антирусское русло, отражением чего и явилось возобновление Болгарией военных действий против Руси в 969 году²⁶.

Русь также не рассчитывала на мирный исход дела и готовилась в основном к противоборству с Византией. Брадобность руссов к империи проявилась как в тайных переговорах Святослава с Калокиром, так и в последующих набегах руссов на византийские владения в Европе, что позволило Льву Дьякону писать о состоянии войны между Русью и Византией еще до 970 года.

Такой нам представляется истинная подоплека событий, которая отразилась в оживленной дипломатической деятельности Руси, Византии, Болгарии, печенегов, Херсонеса, владетеля крымских климатов. Результатом этой деятельности стали соглашения Руси с крымскими вассалами Византии (966 г.), с Византией (967 г.), с Болгарией (967 г.), Византии с Болгарией (968 г.). Во второй половине 968 года, отогнав печенегов от Киева, Святослав также заключил с ними мир.

Однако к этому времени относятся и некоторые другие дипломатические шаги Руси, которые не были замечены историками.

Уже в 967 году Святослав пытается найти союзников для своих предстоящих военных предприятий. Первыми из них стали венгры. В нашем распоряжении на этот счет имеется одно косвенное свидетельство Лиутпранда и прямое свидетельство В. Н. Татищева, не подтвержденное иными источниками. Рассмотрение их в совокупности и сопоставление со сведениями других источников дают возможность пролить дополнительный свет на состояние русско-венгерских дипломатических отношений.

Лиутпранд сообщил, что в июле 968 года, то есть во время его пребывания в столице Византии, венгры совершили нападение на Фессалонику и увели в плен 500 греков²⁷. Таким образом, примерно в то время, когда печенеги шли на Киев, угры напали на византийские владения. Конечно, у нас нет никаких оснований делать вывод, будто Святослав, следуя образцу византийской дипломатии, организовал этот рейд угров на Фессалонику, однако одновременность этих двух нападений заставляет обратиться к другим, уже упоминавшимся рейдам угров на византийскую столицу в 934 и 943 годах.

Под 934 год «Повесть временных лет» вслед за греческими источниками сообщила, что угры, захватив всю

Фракию, впервые подошли к Константинополю. Роман I Лакапин вынужден был заключить с ними мир. К тому же времени относится разрыв мирных и добрососедских отношений между Русью и Византией, что в конце концов привело к русско-византийской войне 941—944 годов²⁸. Враждебные действия угров по отношению к империи, таким образом, совпали по времени с резким обострением русско-византийских противоречий. Подобная же ситуация повторилась в начале 40-х годов X в. Потерпев поражение от греков в 941 году, Игорь собирает в новый поход крупные силы, нанимает печенегов, привлекает к участию в походе варягов. А незадолго до этого, в 943 году, угры напали на Константинополь и вынудили императора Романа вновь заключить с ними мир. И вновь обострение отношений Руси и Византии совпало с венгеро-византийским военным конфликтом.

Наконец, следующий этап одновременных антивизантийских действий приходится на конец 60— начало 70-х годов. Такое совпадение едва ли можно считать случайным, как нельзя назвать случайностью и тот факт, что Олег в 907 году прошел к стенам Константинополя по территории Болгарии, которая незадолго перед этим вела войну с Византией.

С учетом таких «совпадений» мы обязаны рассмотреть сведения В. Н. Татищева о союзных действиях Руси и венгров еще в 967 году. Двинувшись в Болгарию, Святослав не спешил появиться на Дунае. Поначалу он направился вверх по Днестру, «где ему помощь от венгров приспела». Он записал: «С угры же имел любовь и согласие твердое». Заметим при этом, что Татищев не располагал известием Лиутпранда о нападении угров на территорию Византии в 968 году.

Эти факты, сопоставленные со сведениями византийских хронистов об участии венгров в антивизантийской коалиции, возглавлявшейся Святославом в 970 году, указывают, что они не случайно появились вместе с русскими и печенегами под Аркадиополем. Первые признаки их совместных с руссами антивизантийских действий восходят еще к 30—40-м годам. От 967—968 годов на этот счет доходят более определенные сведения. К 970 году относятся прямые показания источников о русско-венгерском антивизантийском военном союзе.

Таким образом, есть основания утверждать, что уже во время первого похода на Дунай Святослав постарался обеспечить это военное предприятие дипломатическими

средствами: он заключил договор о невмешательстве в его действия со стороны Византии, урегулировал свои отношения с крымскими владетелями, вошел в дипломатические контакты с уграми и совместно с ними выступил против болгарского войска и союзных ему отрядов.

После овладения Нижним Подунавьем Святослав заключил мир с Болгарией, а позднее, после победы над печенегами, также урегулировал отношения с ними, заключив мирный договор. Причем некоторые из этих соглашений, видимо, носили тайный характер, так как были направлены против третьей стороны и должны были сохраняться в секрете, как, например, более ранние соглашения Руси с Византией, направленные против закавказских мусульманских владетелей, возможно, против Хазарии в 965 году. К таким соглашениям относились договор между Святославом и Калокиром и, вероятно, соглашение о совместных действиях с уграми против болгар.

Примечательно, что в рамках одного тайного договора, который носил «официальный» характер, Святослав заключил секретное соглашение лично с византийским послом о будущих совместных действиях против Никифора Фоки.

Такова была, на наш взгляд, суть дипломатических отношений в Восточной Европе, Северном Причерноморье, Крыму, Приазовье и Поволжье в 965—968 годах. Активную роль в их развитии играла древняя Русь.

Дипломатия Святослава в период русско-византийской войны 970—971 годов

Осенью 969 года Святослав вновь появился на Дунае. К этому времени его мирные отношения с болгарами оказались нарушенными. Новое болгарское правительство во главе с царем Борисом, опираясь на союзный договор с Византией 968 года, приступило к решительным действиям: русские гарнизоны были выбиты из дунайских кре-

постей, Переяславец осажден и затем захвачен. Болгария вновь оказалась в состоянии войны с Русью.

Однако Святослав быстро восстановил утраченные было позиции. Нанеся поражение болгарскому войску под Переяславцем, он затем штурмом взял город. Русская летопись указывает на упорный характер этих боев — «бысть сеча велика»¹. Более подробно раскрывает ход событий В. Н. Татищев². Причем он указывает, что среди горожан не было единства: часть из них («некоторые граждане») вступила в «согласие с болгары». Именно это, согласно Татищеву, и определило то, что русский воевода Волк оставил город. Примечательно и сообщение Устюжской летописи о том, что, взяв Переяславец, Святослав «казни в нем изменников смертию»³, что указывает на сложную обстановку в городе в период пребывания там руссов, наличие среди горожан симпатизировавших руссам и тех, кто относился к ним враждебно. Этот факт также говорит и об оценке русским князем Переяславца как города, который уже принадлежал руссам, поэтому сопротивление горожан их власти и каралось как измена.

Расчет болгарского правительства на помощь Византии не оправдался — лучшие греческие войска в это время находились в Сирии и стояли под Антиохией. В октябре 969 года город был взят⁴.

Именно на это время приходится обострение русско-византийских противоречий. Какие у нас есть на этот счет свидетельства? Прежде всего данные «Повести временных лет» о том, что греки перестали выплачивать Руси дань. Повествуя о начавшемся на следующий год военном столкновении между руссами и греками и о попытках греков покончить дело миром, летопись сообщает: «И реща гръци: “Мы недужи противу вамъ стати; но возми дань на насъ, и на дружину свою”». Это означало, что весной 970 года Византия согласилась по-прежнему уплачивать ежегодную дань Руси и, кроме того, обычную в таких случаях военную контрибуцию на дружину. Однако греки обманули Святослава. Они собрали «множества вой» «и не даша дани»⁵. Приведенные факты говорят лишь об одном: дань, которую брал с Византии Святослав, сидя в 967—968 годах в Переяславце, греки к моменту захвата престола Иоанном Цимисхием, то есть к 11 декабря 969 г., Руси уже не уплачивали.

Во-вторых, следует вновь обратиться к сообщению Льва Дьякона о постоянных набегах руссов на византийские владения, с которыми столкнулся новый император.

В-третьих, мы должны в этой связи прислушаться и к сведениям В. Н. Татищева, который указал: «Уведав же Святослав от плененных болгар, что греки болгар на него возмутили, послал в Константинополь к царю объявить им за их неправду войну»⁶.

В этом сообщении нет ничего, что могло бы вызвать подозрение. Наличие болгаро-византийского стовора против Руси подтверждается данными византийских хронистов, антирусская направленность действий части болгарской верхушки проявилась во время нападения на русские гарнизоны на Дунае и захвата болгарскими Переяславцами. Отвоевав обратно Переяславец, Святослав мог от бывших там болгар узнать о подробностях соглашения, заключенного за его спиной болгарским правительством и Никифором Фокой. Однако было бы неправильным думать, что именно эти сведения явились причиной объявления Русью войны Византийской империи. Это могло явиться лишь предлогом для наступления русского войска на владения империи. Главное же заключается в том, что Русь и Византия в 60-х годах остро соперничали между собой за преобладание в Северном Причерноморье, Крыму и на Балканах.

К началу 70-х годов Русь, несмотря на значительные успехи во всех этих регионах, не смогла добиться решающего перевеса ни в одном из них. Свои владения в Северном Причерноморье и Крыму Византия сохранила с помощью дипломатической хитрости: сначала позволив Святославу появиться на Балканах, тут же направила против него печенегов и болгар. Прекращение империей уплаты дани Руси не только указывало на то, что империя считала дело сделанным и после нападения печенегов на Киев и захвата болгарскими Подунавья полагала, что Святослав вновь отброшен к своим границам, но и показало воинственность Никифора Фоки по отношению к Руси.

Мы должны иметь в виду и свидетельство Льва Дьякона о начале переговоров Цимисхия с руссами с заявления, «чтобы он (Святослав. — А. С.), получив обещанную Никифором награду по случаю похода против мисяд, возвратился в свои владения, к Киммерийскому Боспору, и оставил Мисию»⁷. А это означало, что хронист отразил подход византийских властей к взаимоотношениям с Русью лишь в 969—970 годах, когда вопреки всем надеждам греков Святослав снова появился на Дунае. Именно в это время, несмотря на свои прежние заверения, греки

потребовали ухода Святослава из Болгарии. В известной степени углублению разрыва способствовали измена Калокира и сведения о его сговоре со Святославом, которые могли дойти до Константинополя.

Пониманию сути противоречий между Византией и Русью способствует и анализ содержания переговоров между Святославом и Цимисхием в 970 году.

Уже во время первых переговоров с Цимисхием русский князь заявил, что он требует либо огромного выкупа за завоеванные города, либо ухода греков из Европы, «им не принадлежащей», в Азию⁸. Во время вторых переговоров Святослав гордо заявил, что руссы скоро поставят свои шатры «перед византийскими воротами»⁹.

Таким образом, из этих сведений византийского хрониста видно стремление Руси панести Византии решающий удар на Балканах. Это соответствовало и замыслу Святослава на переговорах с византийским послом еще в 967 году.

Что касается вопроса о Болгарии, то мы должны решать его совсем в иной плоскости, чем это предлагает Татищев. Судя по развитию событий, Святослав не мог смириться с тем, что Болгария, находящаяся рядом с его дунайскими владениями, в результате стараний провизантийски настроенной знати в 30—60-х годах стала государством, враждебным Руси. Успех 967 года едва не был перечеркнут захватом болгарами Переяславца. За Болгарией стояла Византия, и, до тех пор пока империя оказывала влияние на болгарскую политику, Святослав не мог чувствовать себя спокойно в Подунавье.

Эти противоречия, возникшие еще в середине 60-х годов после активного вторжения руссов в Северное Причерноморье и Крым, так и остались нерешенными до начала 70-х годов X в. С точки зрения Византии, выход был лишь один — удалить Святослава из Болгарии. С точки зрения Руси, вопрос мог быть решен путем нанесения империи решающего удара и превращения Болгарии в дружественное государство, как это было во времена Симеона.

Решению этих задач и были подчинены дипломатические шаги, предпринятые Византией в 968—970 годах. Она организовала нападение печенегов на Киев, подтолкнула Болгарию против Руси, предложила в 969 или в 970 году Святославу уйти из Болгарии. Русь ответила войной.

И византийские, и русские источники отмечают, что после отдельных набегов руссов на византийские владе-

ния на исходе 969 года между Русью и Византией в 970 году началась открытая война.

Она разразилась в период, когда Цимисхий столкнулся с большими внутри- и внешнеполитическими трудностями. Это указывает на стремление руссов нанести удар империи в трудные для нее дни, как это бывало и прежде¹⁰. В это время арабы попытались отвоевать обратно Антиохию, в империи разразился тяжкий голод, который уже три года терзал страну и обострился к 970 году; в период военных действий начался мятеж Варды Фоки, весьма беспокоивший нового императора¹¹.

Важно отметить, что после смерти царя Петра в 969 году произошел раскол Болгарии, и «комитопулы» образовали Западно-Болгарское царство¹², которое стало проводить антивизантийскую политику. Это обстоятельство также способствовало усилению позиций Руси.

В этих условиях Цимисхий решил поначалу покончить дело миром и направил к Святославу свое первое посольство. Лев Дьякон рассказывает, что оно обязалось выплатить Святославу «награду», обещанную Никифором Фокой, и потребовало ухода руссов из Болгарии. «Повесть временных лет» также сообщает о первом посольстве греков к руссам, однако считает, что основным сюжетом переговоров был вопрос о дани. Согласно византийскому хронисту, руссы не пошли на мир и потребовали либо огромного выкупа, либо ухода греков из Европы. Греки не согласились выплачивать дань Руси, что и определило начало военных действий. Вторые переговоры Лев Дьякон связывает непосредственно с неудачей первых. Летопись же вначале рассказывает о ходе военных действий, о победе русского войска во главе со Святославом над греками и о его походе на Константинополь: «И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая...»¹³. Причем, говоря о втором посольстве к Святославу, Лев Дьякон мало чем отличает его от первого: послы напомнили русскому князю о поражении Игоря, упрекнули его в нарушении мира и получили дерзкий ответ Святослава, сказавшего, что вскоре он будет у стен Константинополя.

Русский же летописец говорит совсем об ином. Он отмечает двукратность и сложность русско-византийских переговоров. Поначалу, согласно летописи, греки направили к Святославу посольство, преподнесшее ему золото и паволоки. Князь остался равнодушен к этим дарам, и греки направили к Святославу новое посольство, подарившее

ему оружие, которое поправилось князю. Это якобы испугало греческих «боляр», которые по возвращении этого посольства сказали: «Лють се мужь хочеть быти, яко имения не брежеть, а оружье емлетъ. Имися по дань». И лишь после этого император направил к Святославу четвертое по счету посольство, которое и передало русскому князю предложение императора: «Не ходи къ граду, возми дань, еже хоцещи». И далее летописец добавляет: «За маломъ бо бе не дошелъ Царяграда»¹⁴. Греки обязались уплачивать Святославу дань («даша ему дань»), а также выплатили руссам контрибуцию, в том числе и на убитых, с тем чтобы взял род каждого из них. Сам же Святослав «взя же и дары многы, и възратися в Переяславец...»¹⁵.

Таким образом, если сведения о первом посольстве в некоторой степени совпадают у Льва Дьякона и русского летописца, то далее они расходятся. Византиец сообщает о второй попытке греков договориться с руссами, летописец же о ней не упоминает, зато передает историю заключения русско-византийского мира, последовавшего за военными действиями.

Для того чтобы определить последовательность и смысл событий, и в первую очередь их дипломатическую сторону, необходимо выявить характер военных действий, которые должны были в известной степени повлиять на ход дипломатических переговоров сторон.

Как мы уже отмечали, византийские источники сообщают о неудачном для руссов сражении под Аркадиополем, а русская летопись — о победе русского войска во главе со Святославом в ожесточенном бою над греками. Соответственно разделились и мнения историков. Одни доверяли византийцу, другие — сообщению русской летописи, и лишь М. Я. Сюзюмов обоснованно, на наш взгляд, заметил, что в византийских хрониках и русской летописи речь идет о совершенно разных сражениях¹⁶. Автор при этом обратил внимание на то, что Варда Склир сражался под Аркадиополем с коалиционным войском, состоявшим из русских, болгар, печенегов, угров. Там погиб русский вождь, между тем как Святослав продолжал руководить русским войском. М. Я. Сюзюмов заметил и то, что из двух полководцев, посланных в 970 году против Святослава, — Варды Склира и героя штурма Антиохии патрикия Петра далее Лев Дьякон и Скилица упоминают лишь одного — Варду Склира — победителя при Аркадиополе. А это значит, что опытного патрикия постигла неудача:

он был разбит Святославом в том самом ожесточенном бою, о котором пишет русская летопись.

Эта точка зрения может быть подкреплена и рядом других фактов, не отмеченных исследователем.

После неудачи двух первых посольств к Святославу Иоанн Цимисхий, согласно Льву Дьякону, стал готовиться к войне. Он приступил к реорганизации армии, создал отряд «бессмертных», затем приказал двум своим лучшим полководцам — магистру Варде Склиру и патрикию Петру отправиться со своими полками в Европу, «в пограничную и близкую область Мисии»; там им надлежало зимовать, охранять византийские владения от «скифских» набегов. Войска выступили в Европу¹⁷.

Шла зима 969—970 годов. Русские осуществляли набеги на византийские владения, однако широких военных действий еще не велось. Они разгорелись позднее на полях Македонии и Фракии¹⁸. Во Фракии с руссами дрался патрикий Петр. В одном из сражений он победил «скифов», убил их предводителя. Далее сведения о Петре исчезают. Руссы, узнав о появлении греков в Европе, «отделили от своего войска одну часть и, присоединив к ней рать гуннов (печенегов. — А. С.) и мисян (болгар. — А. С.), послали против ромеев»¹⁹. Это сообщение говорит о том, что руссы действовали не единым войском, а по меньшей мере двумя отрядами, один из которых воевал совместно с союзниками. Скилица дополняет данные Льва Дьякона известием о том, что под Аркадиополем кроме руссов, болгар и печенегов против греков сражались также венгры²⁰. Таким образом, предположение М. Я. Сюзюмова о состоявшихся по меньшей мере двух крупных сражениях греков с руссами находит в этих фактах дополнительное подтверждение. Какое из них было в начале, какое в конце военной кампании 970 года, сказать определенно невозможно, но, судя по тому, что греки запросили мира, решающим было то, в котором войско во главе с самим Святославом взяло над византийцами верх.

Общая схема событий в связи с этими наблюдениями представляется следующей. После набегов на византийские владения осенью и зимой 969—970 годов руссы перешли к решительным действиям совместно со своими союзниками весной 970 года, опустошая Фракию и Македонию. Русское войско было разделено на две части, одна из которых сражалась во главе со Святославом. Это полностью соответствовало тактике руссов в этой войне, которые организовали серию набегов на земли Византии.

А это значит, что под Аркадиополем сражалась лишь часть русских сил.

Другим аргументом в пользу этого предположения являются сведения о количестве сражавшихся. Под Аркадиополем, по данным Льва Дьякона, у Варды Склира было 10 тыс. воинов, у неприятеля — 30 тыс. Даже не принимая на веру данных византийского хрониста, мы не можем не обратить внимание на относительно небольшое количество греческих воинов, бывших под началом Варды Склира, и на то, что, по данным хрониста, здесь было не все русское войско. Заметим, что и позднее, во время передышки в войне с осени 970 до весны 971 года, русское войско также было разделено на две части. В Преславе действовал русский отряд во главе со Сфенкелом, сам же Святослав находился на Дунае. Такому положению дел соответствовало и разделение византийской армии на две части, которым предстояло выступить против отрядов противника. Перед магистром Склиром и патриkiem Петром стояла задача воспрепятствовать обеим частям русского войска в их действиях. Причем начальником фракийских войск был Варда Склир²¹.

Патрикий Петр, имевший успех в отдельных стычках с руссами, возможно, с их передовым отрядом, затем встретился в решающем сражении с главными силами Святослава. Именно описание этой битвы мы и находим в «Повести временных лет». Руссы одолели и «бежаша гръци»²². После этого Святослав двинулся «ко граду», «воюя» и «разбивая» другие города — продолжалось опустошение Фракии. В это время на ближних подступах к Константинополю Варда Склир встретил русский отряд, а также союзные руссам отряды болгар, печенегов и угров. Союзники потерпели поражение. Любопытно, что, рассказывая об этом событии, Лев Дьякон как бы продолжает изложение русской летописи. Она сообщает, что руссы шли на Константинополь, а византийский хронист дополняет: Варда Склир остановил «быстрое продвижение россов на ромеев»²³.

Затем Варда Склир был отозван с европейского фронта в Малую Азию на подавление восстания Варды Фоки (Лев Дьякон), а Святослав после многократных переговоров с греками и заключения с ними мира на условиях выплаты Византией дани Руси, предоставления ей военной контрибуции и дорогих подарков князю ушел обратно на Дунай (летопись). И даже если мы выскажем недоверие этому сообщению летописца (для чего у нас нет особых

поводов, хотя некоторые историки и считают, будто все рассуждения о дани — это очередная фальсификация русского автора), все равно мы должны согласиться с данными византийских хроник о приостановлении масштабных военных действий между руссами и греками с лета 970 до пасхальных дней 971 года, когда византийское войско осуществило быстрый и неожиданный для Святослава прорыв через Балканы.

Чем была вызвана эта передышка? Конечно, не победой руссов, иначе непонятен был бы уход Варды Склира в самый тяжелый для империи момент, когда враг находился под самым Константинополем. Тем более неверным было бы считать, что византийцы победили руссов, так как нам в этом случае пришлось бы полностью отвергнуть как недостоверные сведения «Повести временных лет». Между тем данные летописи о переговорах Святослава с греками после решающего сражения соответствуют сообщению Льва Дьякона о том, что греки стремились закончить дело миром еще до широких военных действий.

Анализируя данные источников, мы можем сделать лишь один вывод: ни одной из сторон летом 970 года не удалось добиться решающего перевеса. Греки потерпели серьезное поражение во Фракии и потеряли там армию патрикия Петра, но на ближних подступах к Константинополю им удалось остановить союзников, нанести удар коалиционному войску, в которое входила лишь часть русских сил. Первыми под Аркадиополем были опрокинуты печенег, затем другие союзники, и вторая коалиция дала первую трещину. Учитывая сложившуюся ситуацию и то, что греки запросили мира, Святослав отказался от попытки штурмовать Константинополь.

Такой ход событий соответствует их описанию в «Повести временных лет»: после победы над греками Святослав двинулся к Константинополю, «воюя» и «разбивая» ипые города. Если бы эта битва была под Аркадиополем, то есть в непосредственной близости от византийской столицы, то далее двигаться было бы некуда — Константинополь был рядом. В то же время из летописного текста ясно, почему Святослав, собиравшийся взять Константинополь²⁴, вдруг согласился на мирные переговоры. Ответ на этот вопрос мы не получим, если не примем во внимание поражения союзных войск под Аркадиополем. Факт этого поражения либо скрыт летописью, либо неизвестен ей. В ней ничего не сказано и о ряде поражений руссов весной и летом 971 года, об осаде Доростола.

Таким образом, русская летопись рассказывает нам не всю историю войны, а лишь ее часть, связанную с успехами русского оружия. Поражения руссов, одно из которых заставило Святослава отказаться от штурма Константинополя и заключить с Цимисхием мир, в «Повести временных лет» даже не упоминаются.

Итак, летом 970 года в самый разгар войны враждующие стороны заключили мир, сведения о котором отложились в русской летописи и свидетельством чего явился уход Варды Склира в Малую Азию и прекращение широких военных действий до весны 971 года. Этому миру предшествовали двукратные переговоры до начала широких военных действий, жестокие сражения крупных военных сил на полях Фракии, которые протекали с переменным успехом, а затем длительные и упорные переговоры между греческими посольствами и Святославом.

Судя по данным летописи, греки поначалу пытались действовать своим излюбленным способом — откупиться дарами. Об этом свидетельствуют и первое, и второе посольства Цимисхия. Однако потребовалось третье посольство для того, чтобы решить вопрос о мире. Конечно, мы вовсе не обязаны верить летописи в отношении количества посольств и содержания переговоров каждого из них, но Лев Дьякон также указывает на двукратные посольские контакты между руссами и греками, что в известной степени заставляет с доверием отнестись к сообщению летописи о нескольких дипломатических контактах сторон после приостановления наступления руссов на Константинополь.

Переговоры касались прежде всего прекращения военных действий византийцами, о чем говорит преподношение, сделанное Святославу, и в этом мы не должны видеть лишь легендарный элемент.

Сложнее обстоит дело с содержанием последних посольских переговоров, которые закончились заключением мира. Ряд историков прошлого выразили сомнение в достоверности этих сведений, как и сообщения летописи о взимании Святославом дани с греков ранее, в 967—968 годах. Шлецер считал эти сведения «сказкой», Златарский и Стоукс полагали, что в первом случае Святослав брал дань с болгар, Левченко рассматривал дань лишь как вознаграждение за участие руссов в походе против Болгарии и т. д. Согласиться с этими оценками — значит поставить под сомнение сами условия русско-византийского мира летом 970 года.

Мир 970 года был тесно связан с состоянием русско-византийских отношений 967—968 годов. Своими корнями его условия связаны с традиционным для отношений Руси и Византии обязательством империи выплачивать Киеву дань. Это обязательство, как мы полагаем, появилось в 860 году, затем было подтверждено в 907 и 944 годах и 967—968 годах²⁵. Ни о каком взимании дани с болгар в 967—968 годах не было и речи. Святослав, сидя в Переяславце, получал дань с греков. Эта дань не была платой за какую-то единичную услугу, предоставленную киевским князем империи. — подарки и вознаграждения шли по особому счету. Так, золото было привезено в Киев за отказ Святослава от давления на крымские владения Византии. Судя по словам Льва Дьякона, Святослав мог рассчитывать и на добавочное вознаграждение, если бы он покинул Болгарию, как этого требовали от него греки.

Условия мира в 970 году, как они изложены в «Повести временных лет», четко отделили уплату дани от других обязательств Византии. Послы, возвратившись к императору, дали ему совет: «Имися по дань». К Святославу было направлено новое посольство, которое везло ему ответ Иоанна Цимисхия: «Не ходи къ граду, возми дань, еже хочещи». Тем самым восстанавливалась уплата дани империей. Далее следует фраза: «И даша ему дань; имашеть же и за убьенныя». Здесь уже идет речь не о ежегодной дани, а о контрибуции. В 907 и 944 годах дань и контрибуция как условия мира также оговаривались отдельно. Еще одним условием мира явилось предоставление Святославу «даров многих».

Существовала также договоренность, обусловленная тем, что греки, видимо, не сумели настоять на окончательном уходе русского войска из Болгарии. Согласно летописи, Святослав двинулся назад в Переяславец. Согласно же данным Льва Дьякона, весной 971 года он оказался в Доростоле, то есть также на Дунае.

Иоанн Цимисхий использовал передышку для борьбы с мятежом Варды Фоки. Вместо Варды Склира командующим византийскими войсками в Европе был назначен Иоанн Куркуас²⁶. И хотя отдельные стычки между руссами и греками продолжались, о крупных военных столкновениях сведений в источниках не отложилось, что также находится в соответствии с заключением того мира, о котором сообщила русская летопись.

Правда, узнав об уходе Варды Склира в Малую Азию, руссы, по сведениям Льва Дьякона, «делали нечаянные

набеги, грабили и без пощады опустошали Македонию». После назначения Иоанна Куркуаса они стали «надменнее и отважнее»²⁷. Эти сообщения еще раз подтверждают, что основные бои прекратились, но руссы продолжали отдельными набегами тревожить владения империи.

Сведения Скилицы о появлении после военных событий русского посольства в Константинополе с целью «вывести дела ромеев», а также о переговорах императора с русскими послами, в ходе которых Цимисхий упрекнул руссов в том, что они «допускали несправедливости»²⁸, указывают на наличие в это время мирных отношений между бывшими противниками. Это также подтверждает достоверность сообщения русской летописи о заключении между Русью и Византией мира.

Итак, в ходе дипломатических переговоров летом 970 года грекам не удалось добиться своей основной цели — вытеснить Святослава из Болгарии. Русь же силой оружия не только подтвердила те позиции, которые были ею завоеваны в 967—968 годах, но и значительно усилила их за счет превращения Болгарии из союзника Византии в собственного союзника.

Таким образом, летом 970 года между византийским правительством и находящимся на Балканах Святославом имели место многократные дипломатические переговоры. Лев Дьякон упоминает о двух посольствах Иоанна Цимисхия к русскому князю. Русская летопись сообщает о четырехкратных русско-византийских переговорах, одни из которых имели место до начала военных действий и соответствовали в значительной мере первому посольству, упоминаемому Львом Дьяконом, а остальные — уже после военных действий на полях Фракии, когда русское войско и отряды союзников появились в непосредственной близости от Константинополя. Но и это еще не все. Хроника Скилицы содержит известие о появлении посольства Святослава к Цимисхию на второй год его правления, то есть, вероятно, зимой или ранней весной 971 года. Реакция греков на это посольство весьма примечательна. Скилица записал, что в Константинополе посчитали его обычной разведкой, посланной русским князем «вывести дела ромеев»²⁹. Цимисхий принял посольство и упрекнул руссов в том, что они допускали «несправедливости». Это можно истолковать и как подтверждение прежних претензий греков к руссам, не желавшим уходить из Болгарии, и как недовольство постоянными набегами русских отрядов на

византийские владения осенью 970 — зимой 971 годов, о которых сообщает Лев Дьякон.

Даже если заподозрить русского летописца в преувеличении количества посольств, то и в этом случае совершенно очевидна большая дипломатическая активность сторон как до начала военных действий, так и после их прекращения.

О достоверности неоднократных русско-византийских посольских переговоров в течение 970 года говорят и отложившиеся в русских летописях сведения о форме их проведения.

Когда первое посольство явилось к Святославу с золотом и павлоками, князь сказал: «Въведете я семо», то есть «введите их сюда». Греки вошли, поклонились ему и положили перед ним дары («Придоша, и поклонишася ему, и положиша пред нимъ злато и паволоки»). Святослав приказал своим слугам: «Схороните».

Во время второго посольства с дарами Святослав «примъ», то есть принял послов, «нача хвалити, и любити, и целовати царя»³⁰.

Во время переговоров по поводу выработки условий мира стороны вели переговоры, передавая друг другу речи Цимисхия и ответы Святослава («И посла царь, глаголя сиче...» Святослав, «глаголя»: «Род его возметь»).

В связи с первым посольством, принесшим дары, Устюжская летопись добавляет, что «приидоша греци с челобитнем»; далее, почти повторив «Повесть временных лет»: «введите их само» и «поклонишася ему», и «положиша пред ним злато и паволоки», устюжский автор пишет, что, не взглянув на дары, Святослав «не отвеща послам ничто же, и отпусти их». По поводу же второго посольства в Устюжской летописи говорится: «и отпусти с честию»³¹.

Все эти детали переговоров, приведенные как в «Повести временных лет», так и в Устюжской летописи, показывают, что в сознании позднейших авторов эти переговоры отложились именно как официальные дипломатические контакты, сопровождавшиеся обычным ритуалом приема иностранных посольств русским великим князем. Послов вводили и представляли князю, те предподносили ему дары; он выслушивал их, шли переговоры посредством обмена «речами», затем осуществлялся «отпуск» послов. В одном случае Святослав просто отпустил их, в другом — «с честию». Все это штрихи, рисующие действительную систему посольских переговоров, которая уже нашла более

полное отражение в предшествующих русско-византийских переговорах в связи с заключением договоров 907, 911, 944 годов, приемом в Константинополе Ольги, во время ответных греческих посольств к Игорю и Ольге.

Мы имеем дело с неоднократными переговорами, на которых стороны обсуждали лишь условия восстановления мирных отношений между двумя государствами. А поскольку мирные отношения основывались прежде на договорах 907 и 944 годов, то летом 970 года речь шла об уплате византийцами дани, контрибуции и дальнейшем пребывании руссов в Болгарии.

Дополнительный материал о системе русско-византийских переговоров летом 970 года дают миниатюры мадридского манускрипта хроники Скилицы. На одной из миниатюр изображены переговоры между Святославом и греческим посольством в период, как мы полагаем, лета 970 года, поскольку встреча между Цимисхием и русским князем под Доростолом по поводу заключения русско-византийского договора 971 года отражена на другой помещенной в манускрипте миниатюре.

Святослав сидит на троне и принимает послов. Трон Святослава украшен деревянным резным орнаментом³². Автор миниатюры отразил таким образом свое восприятие Святослава как владетеля тех территорий, которые находились в руках руссов на Балканах, а также подтвердил достоверность сведений о форме посольских переговоров, проводившихся руссами и византийцами в течение 970 года. Этот изобразительный аргумент еще раз убеждает в том, что сообщения о форме дипломатических контактов между Святославом и Иоанном Цимисхием, отраженные в русских летописях, нельзя сбросить со счетов как чисто легендарные, недостоверные.

Возвращаясь к вопросу о военной стороне событий и связанным с ними дипломатическим «инициативам», следует сказать, что Устюжская летопись сообщает об обращении греков с челобитьем к Святославу, что подтверждается и данными «Повести временных лет» о военных трудностях греков летом 970 года. Этот факт говорит о том, что инициаторами заключения мира летом 970 года были греки, оказавшиеся в трудном положении, несмотря на победу под Аркадиополем. Руссы пошли на мир, так как уверенности в дальнейшем успехе после кровопролитных боев во Фракии и поражения под Аркадиополем у них не было.

В пасхальные дни 971 года совершенно неожиданно

для руссов Иоанн Цимисхий перешел через Балканы по неохраняемым горным проходам и обрушился на Преславу, где находились болгарский царь Борис, Калокир и русский отряд во главе со Сфенкелом. Беспечность руссов была очевидна. Сам Святослав находился в это время в Доростоле.

В историографии создавшаяся ситуация совершенно обоснованно была связана с русско-византийским договором о мире, заключенным в 970 году. Ряд ученых пришли к близким выводам, в основе которых лежала мысль о том, что руссы осенью 970 и зимой 971 годов были убеждены в стабильности создавшегося положения, в неспособности Византии осуществить скорое наступление, а главное — что Святослав поверил в реальность мира, заключенного в 970 году.

Но данный фактический материал позволяет сделать и другой вывод: неожиданное для руссов появление Цимисхия в Северной Болгарии еще раз подтверждает достоверность сообщений русских летописей о заключении мира между греками и Русью и о содержании этого мира, в центре которого стоял все тот же вопрос об уплате Византией дани Киеву³³.

Что касается того, действительно ли византийский император пошел на сознательный обман Святослава и постарался лишь выиграть время, заключив невыгодный для Византии мир³⁴, то это предположение историков находит дополнительное подтверждение в концепции, сформулированной византийским полководцем XI века Кекавменом в своем «Стратегиконе». Он писал: «Если враг ускользает от тебя день от дня, обещая либо мир заключить, либо дань уплатить, знай, что он ждет откуда-то помощи или хочет одурачить тебя. Если неприятель пошлет тебе дары и приношения, коли хочешь, возьми их, но знай, что он делает это не из любви к тебе, а желая за это купить твою кровь»³⁵.

«Мудрость» Кекавмена имела прочную основу в виде традиционной военной и дипломатической тактики восточноевропейских правителей, и в первую очередь самой Византийской империи, для которой военное и дипломатическое коварство стало своего рода нормой. Многочисленные перемирия и миры, заключенные греками с окружающими государствами, уплата им дани, огромных контрибуций нередко являлись лишь средством выиграть время, усыпить бдительность противника, обмануть его, а потом нанести ему неожиданный удар. Читая Кекавмена,

можно подумать, что он имел в виду именно русско-византийский мир 970 года. Особое внимание мы обращаем на слова о дани как свидетельствующие (в который раз!) о том, что именно дань являлась той целью, которой добивались противники во время войны. Древняя Русь не была здесь исключением.

Создание антивизантийского союза

Принципиальное значение для понимания дипломатии Святослава во время балканских походов имеет вопрос о поисках им союзников и о формировании антивизантийской коалиции. Эти дипломатические шаги обуславливались общей внешнеполитической линией древней Руси по отношению к странам и народам Восточной Европы и были связаны с прежними — еще во времена Игоря — отношениями Руси с этими государственными и племенными образованиями.

К 969—970 годам, когда начался второй поход Святослава на Дунай, вскоре переросший в русско-византийскую войну, отношения с Византией формально были дружественными. Они определялись действием русско-византийских договоров 907 и 944 годов, а также, как мы предполагаем, тайным соглашением, заключенным в Киеве Калокиром и предусматривавшим нейтралитет Византии во время вторжения русского войска на Дунай и захвата Русью его устья. Однако этот последний договор был почти сразу же нарушен обеими сторонами. Святослав не собирался уходить из Подунавья и намеревался отстаивать здесь свои интересы силой, отдавая себе отчет в том, что это рано или поздно приведет к открытому противоборству с империей. Именно в этом плане мы и должны рассматривать его сговор с Калокиром относительно последующих совместных действий против Константинополя.

Византия в свою очередь вынужденно, ради спасения крымских владений, согласилась с появлением русских на Дунае, в дальнейшем же сделала все возможное для их

удаления из Болгарии. Был заключен болгаро-византийский договор, направленный против Руси, результатом которого явились набег печенегов на Киев в 968 году и военные действия Болгарии против русских гарнизонов на Дунае в 969 году.

Таким образом, договор, заключенный между Святославом и Никифором Фокой, с самого начала оказался непрочным. Он был вырван Русью у Византии силой, его никто не собирался выполнять, как это в действительности и случилось. В период между 967 и 970 годами империя и Русь практически вели необъявленную войну, отражением которой являлись как антирусские шаги Византии, так и постоянные набеги руссов на византийские владения в 968—969 годах.

Отношения Руси с Болгарией также строились с учетом их эволюции в прошлом.

Со времени заключения русско-византийских договоров 907 и 911 годов мы не видим более почти одновременных выступлений Руси и Болгарии против Византии. Напротив, ряд признаков указывает, что уже в последние годы правления Симеона Византия рассматривала Русь как своего возможного союзника в борьбе с неустовым болгарским воителем. Письмо греческого патриарха Николая Мистика с угрозой направить на Болгарию коалиционные, в том числе русские, войска отражает эту новую ситуацию¹.

В свою очередь после воцарения Петра и изменения внешней политики Болгарии все явственней определяется антирусский курс болгарской правящей верхушки. В это же время с середины 30-х годов нарастают русско-византийские противоречия и империя пытается использовать Болгарию в качестве антирусского форпоста на западных берегах Черного моря и в Подунавье. Эти тенденции отразились во враждебной позиции Болгарии по отношению к Руси в период русско-византийской войны 941—944 годов, о них свидетельствует и набег на болгарскую территорию печенегов, организованный Игорем в 944 году.

Имеются данные и о союзных действиях болгар, хазар, ясов и касогов в период противоборства Руси с Хазарией и ее сателлитами.

Святославу удалось в 967 году, после разгрома войска царя Петра и захвата ряда дунайских крепостей, нейтрализовать антирусские силы в Болгарии. В результате болгары не предпринимали активных военных действий против Руси в 967—969 годах. Однако к 969 году, опираясь

на союз с Византией, болгарский двор вновь попытался вернуть утраченные земли на Дунае.

Исследуя русско-болгарские отношения в 969—971 годах и русскую дипломатию этой поры в отношении Болгарии, необходимо иметь в виду наличие среди болгарской знати как провизантийской, так и антивизантийской (и, вероятно, прорусской) ориентации, на что мы уже обращали внимание, а также появление с 969 года Западно-Болгарского царства, чья внешняя политика отличалась резкой антивизантийской направленностью.

Учет этих обстоятельств позволяет нам уже сейчас констатировать неправильность любого подхода к внешней политике Болгарии как политике монопольного государства. В рассматриваемых событиях участвовала Болгария, раздираемая внутренними противоречиями. Несомненно, такое положение не могло не наложить отпечатка на дипломатию Святослава по отношению к Болгарии уже во время первого похода на Дунай. Его цель в этом походе состояла не в сокрушении Болгарии, а в установлении контроля над Нижним Подунавьем и в том, чтобы превратить Болгарию из врага Руси в ее друга. Наличие русского войска на Дунае должно было поддерживать антивизантийские элементы в болгарском руководстве. Однако уход Святослава в Киев вновь отодвинул осуществление этой важной для Руси внешнеполитической задачи. Святославу надлежало решать ее заново.

Венгры, как уже отмечалось, были давними и естественными союзниками Руси. Об этом говорят не только их одновременные антивизантийские действия в 30—40-х годах, появление венгерского отряда на Днестре уже во время первой балканской кампании Святослава, но и набег угров на Фессалонику в 968 году, то есть в период нового обострения русско-византийских отношений.

Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что Константин Багрянородный, обобщивший в своем труде «Об управлении государством» внешнеполитический опыт Византийской империи в первой половине X века, неизменно упоминает рядом руссов и угров как потенциальных соперников империи. Он писал: «Когда император ромейский живет в мире с печенегами, то ни руссы, ни турки (угры. — А. С.) не могут совершать враждебные нападения на ромейскую державу»². В другом месте своего труда он учит своего сына отвергать претензии хазар, угров или руссов, требующих за свою «службу» каких-либо императорских регалий³.

Таким образом, к 967—968 годам Святослав прочно опирался в своих действиях на Западе на военную поддержку угров.

Отношения Руси с печенегами в 30—60-х годах были дружественными. Летопись не сообщает нам о крупных военных столкновениях между Русью и печенегами с 920 по 968 год. Но под 944 год она рассказывает о том, что Игорь выступил во второй поход против Византии совместно с печенегами («и печенеги наа»⁴), затем после перемирия с греками он «повеле печенегомъ воевати Болгарьску землю»⁵. И хотя Константин Багрянородный в своем труде «Об управлении государством» учит своего сына Романа, как использовать печенегов против Руси, киевские князья, вероятно, с неменьшим старанием стремились строить мирные отношения с кочевниками и, как мы это видели в 944 году, в свою очередь использовать их конницу в борьбе со своими противниками.

В связи с этим весьма основательным представляется соображение Т. М. Калининой о том, что и сам русско-византийский договор 944 года свидетельствует о союзных отношениях между Русью и печенегами, так как только при этом условии Русь могла влиять на ход событий в Причерноморье и, добавим мы, в Крыму.

Для общего понимания русско-печенежских отношений в середине X века важна, на наш взгляд, оценка их таким компетентным арабским автором, как Ибн-Хаукаль. Он писал: «Оторвалась часть тюрков от своей страны, и стали [они] жить между хазарами и Румом, называют их баджанакийа, и не было им места на земле в прежние времена, и вот двинулись они и завоевали [землю], и они — шип русийев и их сила, и они выходили, раньше к Андалусу, затем к Барза'а»⁶. Шипом Руси называет Ибн-Хаукаль печенегов, а это значит, что в его представлении в середине X века печенеги находились не просто в мирных отношениях с Русью, но и были их традиционным и надежным военным союзником⁷.

Хотим обратить внимание и на то, что после военного столкновения летом 968 года Русь поначалу заключила с печенегами перемирие. Оно было заключено печенежским ханом и киевским воеводой Претичем. Летопись передает, что печенежский хан сказал Претичу: «Буди ми другъ». Тот ответил: «„Тако створю“». И подаста руку межю собою, и въдасть печенежьский князь Претичю конь, саблю, стрелы. Онъ же дасть ему броне, щить, мечь»⁸. Перед нами типичная картина полевого перемирия: во-

енные действия прекращены, вожди меняются оружием⁹. Но печенеги не ушли из-под Киева, и лишь появление Святослава резко изменило обстановку. Он «собра вои», то есть не ограничился лишь приведенной им с Дуная конной дружиной, выступил против врага «и прогна печенеги в поли, и бысть мирь»¹⁰. Последние сведения представляют для нас особый интерес. Мир, заключенный Русью с печенегами, вновь стабилизировал отношения Руси с кочевниками, хотя это вовсе не означало, что в войне с Русью находились все печенежские колена.

А теперь, учитывая все эти соображения, мы хотим обратиться к известным сообщениям Льва Дьякона и Скилицы о действиях войск антивизантийской коалиции во главе с Русью под Аркадиополем, где союзники потерпели поражение от армии Варды Склира.

Лев Дьякон сообщает, что, когда руссы узнали о появлении в Европе двух византийских армий — патрикия Петра и Варды Склира, они направили против последнего часть своего войска, присоединив к нему «рать гуннов» (печенегов. — *А. С.*) и «мисян» (болгар. — *А. С.*)¹¹. Скилица записал, что Святослав появился во Фракии, «действуя сообща с подчиненными ему болгарам и призвав на помощь печенегов и живших западнее, в Паннии, безобразных турок (венгров. — *А. С.*)»¹². Описывая же аркадиопольскую битву, Скилица отмечает, что «варвары были разделены на три части. Болгары и руссы составляли первую часть, турки (венгры. — *А. С.*) — другую и печенеги — третью»¹³. Первыми были опрокинуты, по данным этого хрониста, печенеги.

Таким образом, византийские авторы сообщают о появлении летом 970 года на полях Фракии войск антивизантийской коалиции, в состав которой входили Русь, Болгария, венгры, печенеги. Что касается участия в коалиции венгров и печенегов, то эти сведения спорны в историографии не вызывали. Соответствуют данные известия и фактам, касающимся прежних союзных действий печенегов и руссов, а также одновременных антивизантийских действий угров и руссов. Однако историки оставили без внимания любопытное известие В. Н. Татищева о том, что в самом начале конфликта Руси и Византии, когда еще шли русско-византийские переговоры и греки запросили о количестве русских воинов (чтобы выплатить якобы на них дань), то у руссов было всего 20 тыс. человек, «ибо венгры и поляки, идущие в помощь, и от Киева, есче не пришли»¹⁴. Что касается союзных действий Руси

и поляков, то, кроме этого известия Татищева, у нас на этот счет нет иных сведений, хотя сам по себе факт, сообщаемый историком, весьма примечателен. Он служит дополнительным свидетельством организации Святославом широкой антивизантийской коалиции. Сообщение Татищева о венграх находит неожиданное подтверждение у Скилицы. Он сообщил, что руссы действовали во Фракии, «призвав на помощь печенегов и живших западнее, в Паннонии, безобразных турок (венгров. — А. С.)». А это значит, что еще в условиях относительного спокойствия на Балканах в начале 970 года Святослав основательно готовился к предстоящему противоборству с Византийской империей и заслал посольства к печенегам и в Паннонию, призывая своих союзников на помощь¹⁵. Татищев же сообщил, что к моменту переговоров с греками венгры еще не подошли, и это, вероятно, вынудило Святослава повременить с началом военных действий. Лишь к лету союзники появились во Фракии, что и обусловило попытку Святослава продвинуться к Константинополю. Убедительное подтверждение реальности созданной Святославом антивизантийской коалиции мы находим в русско-византийском договоре 971 года. Святослав клянется в нем не только не нападать на Византию, но и обещает не наводить на владение империи Херсонес, а также на Болгарию войск других государств: «Яко николи же помышлю на страну вашу, ни собираю вой, ни языка иного приведу на страну вашу и елико есть подъ властью гречьскою, ни на власть корсуньскую и елико есть городов ихъ, ни на страну болгарьску»¹⁶. Совершенно очевидно, что этот пункт договора был сформулирован греческой стороной и с ним согласился потерпевший военное поражение Святослав. Греки стремились взять с руссов обещание не приводить более войск «иных языков»¹⁷ на Балканы, на их крымские владения. Слишком свежа была у византийских правителей память об ударах, которые обрушили войска союзников на владения империи летом 970 года.

Таким образом, линию на создание антивизантийской коалиции, намеченную еще Игорем, успешно воплотил в жизнь Святослав. Но если Игорю не удалось выступить против Византии вместе с уграми, то при Святославе последние уже были постоянными союзниками Руси.

Сложнее обстоит дело с вопросом о месте Болгарии в этой коалиции. Чем являлось в это время Болгарское царство — русским сателлитом или союзником? Кем были

ее воины — людьми, которые шли на борьбу с Византией под страхом наказания со стороны Руси, или убежденными сторонниками руссов, их товарищами по оружию?

Вопрос об истинном значении внешней политики Болгарии в 60 — начале 70-х годов X в. можно решать лишь с учетом как русско-болгарских, так и византино-болгарских отношений на каждом поворотном этапе развития событий на Балканах и в Северном Причерноморье, а также внутривосточного развития самой Болгарии. Такой подход создает возможность для определения истинной направленности дипломатических шагов древней Руси того времени в отношении Болгарского царства, понимания весьма противоречивых сведений источников об отношениях Святослава и болгар.

Мы уже отмечали, что к 967 году, то есть к моменту появления там русского войска, Болгария пришла ослабленной внутривосточными противоречиями, отражающими процесс усиления феодальной раздробленности страны. Правительство царя Петра проводило капитулянтский по отношению к Византийской империи внешнеполитический курс, что привело с середины 30-х годов X в. к осложнению русско-болгарских отношений, но не избавило Болгарию от военно-политического давления со стороны Византии, которая стремилась сокрушить своего традиционного противника на Балканах.

Русь со своей стороны не могла мириться с тем, что издревле дружественная Болгария в последние десятилетия стала проводить антирусскую политику. Исконные русские торговые пути, и в первую очередь устье Дуная, оказались под контролем враждебного Руси государства.

Эти обстоятельства и определили решение Руси взять под свой контроль торговый путь вдоль западного берега Черного моря, овладеть Нижним Подунавьем, повернуть правительство Болгарии в русло дружественных отношений с Русью. Выполнению этих задач был подчинен первый балканский поход Святослава. Князь быстро сокрушил противника, захватил Переяславец (Малый Преслав) на Дунае, принудил болгарское правительство заключить с ним мир, перенес свою резиденцию на Дунай. Кажется, цель была достигнута. Однако эти действия привели Русь к острому соперничеству с Византией в 967—969 годах.

Византийские хронисты, рассказав о первом походе Святослава на Дунай, отметили, что руссы захватили всю Болгарию, разграбили захваченные города¹⁸. Скилица записал, что руссы «многие города и селения болгар разру-

шили до основания, захваченную огромную добычу превратили в свою собственность»¹⁹. Заметим, что и «Повесть временных лет» сообщает о далеко не мирном овладении Святославом подунайскими городами²⁰.

Эти сведения дают точное представление о методах ведения войны, использовавшихся как Русью, так и другими государствами того времени. Болгария была на данном этапе противником Руси, и удар по ее крепостям на Дунае был нанесен с учетом этого обстоятельства по всем тогдашним «законам» военного времени. Сюда же относится и захват добычи, дележ ее между победителями. Что касается сообщения византийских хронистов о захвате Святославом всей Болгарии, то оно противоречит истине. Едва Святослав укрепился на Дунае, как военные действия были прекращены. Болгария сохранила свой государственный суверенитет, в Преславе появляется византийское посольство, болгарские послы направляются в Константинополь. Судя по последующим событиям, сохранила Болгария и свою армию, которая возобновила военные действия против руссов, когда Святослав поспешил на выручку Киева.

Таково, по нашему мнению, было истинное положение дел в 967—968 годах.

В период событий 969 или начала 970 годов ситуация в известной степени повторилась. Руси вновь пришлось иметь дело с различными группировками в правящих кругах Болгарии. Провизантийская тенденция вновь взяла верх во внешней политике страны. Вступив в союз с империей, болгарское правительство готовилось при поддержке Византии к противоборству с Русью, однако Никифор Фока не предоставил помощи Болгарии ни в 968, ни в 969 году. Лев Дьякон не дает объяснения такого положения. Когда он рассказывает, что болгары «с воздетыми руками умоляли императора защитить их» и Никифор Фока не шеvelнул для этого и пальцем, византийский хронист объясняет это тем, что в то время греческие войска взяли Антиохию²¹. Но данный аргумент, казалось бы, должен говорить совсем об обратном — о появлении у империи возможностей для войны против другого соперника. Далее хронист сообщает об окончании царствования Никифора Фоки. Причины пассивности Византии на Балканах в 968—969 годах в «Истории» Льва Дьякона не указаны.

Сопоставляя все уже рассмотренные обстоятельства, мы можем здесь повторить уже сделанный вывод не толь-

ко о нежелании империи в этот период вступить в открытое противоборство с Русью, но и о традиционном стремлении Византии использовать все возможные средства для дальнейшего ослабления Болгарии. Подталкиваемая империей к борьбе с Русью, Болгария вновь оказалась один на один с могучим северным соседом. Провизантийская правящая группировка, осуществляя близорукую политику соглашения со своим традиционным врагом — империей, вела страну к катастрофе.

События, разыгравшиеся под Переяславцем во время второго похода Святослава на Дунай, лишь подтверждают сложность и противоречивость положения в тогдашнем болгарском обществе. Взяв вторично штурмом Переяславец, Святослав, по сведениям Устюжской летописи, «казни в нем изменников смертию»²². Согласно данным В. Н. Татищева, в Переяславце среди горожан после ухода Святослава не было единства. Воевода Волк бежал из города именно потому, что обнаружил «согласие» части жителей с подошедшим к городу болгарским войском. Святослав расценил этот факт как измену и казнил провинившихся. Это может означать, что в Переяславце существовали две партии, одна из которых проявила себя лояльной Руси, другая же выступила против нее при первом удобном случае.

Можно не согласиться с такой трактовкой данного факта, поскольку в применении к событиям в Переяславце он находит отражение лишь в известиях русской летописи и Татищева, чье сообщение также восходит к русскому источнику. Однако оказывается, что в цепи последующих событий данный факт не единичен. Еще дважды византийские хронисты сообщают о расправах Святослава с болгарями.

Первое сообщение относится к событиям в Филиппополе (Пловдиве). Лев Дьякон отмечает, что Святослав изумил всех своей «врожденной свирепостью», так как, «по слухам», после взятия Филиппополя он посадил на кол двадцать тысяч человек пленных, чем заставил болгар покориться своей власти²³.

Это было время, когда Русь вступила в противоборство с империей, руссы появились в южной Болгарии и овладели Филиппополем.

Историки Мутафчиев, Левченко отмечали, что в этом городе, находившемся в непосредственной близости от Константинополя, сильнее всего чувствовалось византийское влияние, и, вступив в южную Болгарию, Святослав

нанес удар именно по той части болгар, которая активно поддерживала союз с империей и, вероятно, оказала руссам активное сопротивление²⁴. П. О. Карышковский высказывает даже предположение, что Филиппополь до появления здесь Святослава был захвачен греками и расправу руссы учинили над пленными греками²⁵.

И Лев Дьякон, и Скилица, и Зонара сообщили также о репрессиях Святослава в Доростоле на последнем этапе войны. Лев Дьякон пишет, что запертый в Доростоле русский князь, видя, как болгары покидают его, начинают поддерживать греков, и понимая, что если все они перейдут на сторону Цимисхия, то дела его кончатся плохо, казнил в Доростоле около 300 «знаменитых родом и богатством мисян», остальных же заключил в темницу²⁶. Об этом же говорит и Скилица, сообщивший, что количество посаженных в тюрьму достигло 20 тыс., и отметивший, что это произошло после неудачной для руссов битвы под Доростолом²⁷. Зонара полагал, что Святослав заточил часть горожан, «боясь, как бы они не восстали против него»²⁸.

Таким образом, Святослав учел опыт Переяславца, жестоко подавив сопротивление провизантийски настроенной части населения (о чем говорит сообщение Льва Дьякона о «знатнейших родом и богатством» жителях Доростола) и нейтрализовав колеблющихся.

Необходимо учесть и факты отпадения болгарских родов от союза со Святославом по мере успехов войск Цимисхия и его продвижения к Доростолу. В частности, Плиска и другие города «отложились от руссов» и перешли на сторону греков после взятия Цимисхием Преславы²⁹.

Все это говорит о непрочности русских позиций в Болгарии, о сильной антирусской оппозиции, вскормленной в течение десятилетий провизантийской политикой правительства Петра. Проводниками этой политики в Болгарии были царский двор, а также часть знати. Поэтому именно их сопротивление Святославу надлежало преодолеть прежде всего.

Данной цели русский князь достиг мерами более решительными, чем во время первого похода. Здесь и жестокое подавление противников из числа болгар, и занятие ряда болгарских крепостей (например, Филиппополя), и направление русского отряда во главе со Сфенкелем в столицу Болгарии Преславу, где находились царь Борис и его семья, болгарский двор.

Эти меры явились одним из факторов, благодаря которым византийское влияние в болгарском руководстве было преодолено и Болгария из противника Руси стала ее союзником. Факт союзных действий руссов и болгар византийские хронисты объясняют лишь страхом болгар перед руссами, а также возмущением болгарского населения действиями Византии, которая навлекла на Болгарию русское нашествие.

Однако анализ источников показывает, что византийские авторы и здесь допускают определенную тенденциозность. И Лев Дьякон, и Скилица, заявляя о враждебности болгарского населения к Руси и его приверженности союзу с Византией, в то же время приводят такие факты, которые не укладываются в эту схему. В историографии, в частности, отмечалось, что сообщение Льва Дьякона об участии болгар в сражениях за Преславу и о том, что их «много пало» там и они отчаянно защищали болгарскую столицу, указывает на наличие болгаро-русского антивизантийского военного союза в это время³⁰. Отмечались также факты лояльного отношения руссов к правительству царя Бориса. В Преславе к моменту штурма греками болгарской столицы хранилась не тронутая руссами «казна мисян»; царь Борис был захвачен греками не во дворце, а во внешнем городе, причем на нем были царские знаки отличия. А это значит, что Борис, продолжая оставаться царем Болгарии, вовсе не был пленником и не содержался под стражей³¹, как на этом настаивали в первую очередь болгарские историки Дринов, Благоев, Златарский, а также Успенский³². Причем Златарский даже заметил, что Сфенкел стерег в Преславе болгарские сокровища и плененных Бориса и его семью. Для кого и зачем стерег — этого, к сожалению, историк не объяснил. А Успенский писал, что Святослав предал огню и разграбил Преславу.

П. Мутафчиев обратил также внимание на слова Льва Дьякона о гибели византийского полководца Иоанна Куркуаса, который опозорил себя грабежами болгарских христианских храмов. Из этого историк сделал вывод о том, что руссы вопреки своей военной практике не тронули болгарские православные святыни³³.

В этой же связи рассматривалось и сообщение Льва Дьякона о том, что во время сражения за Доростол греки находили среди убитых противников женщин, которые сражались против армии Цимисхия с оружием в руках наравне с мужчинами. П. О. Карышковский и Г. Г. Ли-

гаврин высказали верное, на наш взгляд, мнение, что в данном случае речь идет о болгарках, сражавшихся рядом со своими соотечественниками, так как русским женщинам здесь взяться было неоткуда³⁴. К этому можно было бы добавить еще несколько фактов, которые до сих пор не были отмечены в историографии. Так, обращает на себя внимание сообщение Льва Дьякона о том, что в тот момент, когда Цимисхий обрушился на Преславу, там находился Калокир, претендент на императорский трон³⁵. В Преславе же он находился в прямой близости к болгарскому двору, а это значит, что в данном случае болгарский двор был не только олицетворением антивизантийской политики, но пользовался определенными государственными прерогативами. Этот, кажется, незначительный, на первый взгляд, факт ярко высвечивает наличие болгарской государственности в это время, определенной суммы прав, которыми располагал Борис как царь Болгарии, союзный характер отношений Болгарии и Руси.

Следует упомянуть и о ночной вылазке руссов из осажденного Доростола, о которой рассказал Скилица. Две тысячи руссов однажды ночью ушли на Дунай в поисках пищи и, попутно разгромив отряд греков, благополучно вернулись в город³⁶. Трудно представить, что эта дерзкая экспедиция была осуществлена без помощи болгар.

Однако нам представляется, что доказательства болгаро-русского союза в 969—971 годах заключаются не только в этих, пусть и весьма значительных, но все-таки единичных фактах, а во всем строе отношений Руси и Болгарии, Византии и Болгарии в это время.

После 969 или начала 970 годов, то есть после вторичного взятия Переяславца, Русь и Болгария больше не ведут военных действий. Византийские хронисты лишь сообщают о казнях в Филиппополе летом 970 года, но это было уже время русско-византийской войны. Нетронутыми оставались Преслава, Плиска и другие болгарские города. За исключением болгарской столицы, в них не было русских гарнизонов, что проявилось в тот тяжелый для руссов момент, когда после взятия греками Преславы депутации этих городов явились к Цимисхию и заявили о своей лояльности императору³⁷. Об этом же говорит и сообщение Льва Дьякона, что Святослав весьма опасался перехода болгарского населения на сторону неприятеля, так как в этом случае дела его пошли бы совсем плохо³⁸. Византийский автор, тем самым противореча своей концепции о борьбе болгар со Святославом, признал, что в хо-

де войны руссы опирались на болгарское население и лишь в конце войны эта опора потеряла свою прочность.

Необходимо учитывать и местонахождение самого Святослава весной 971 года. Когда греческая армия прошла через Балканы и неожиданно появилась около болгарской столицы, Святослав находился на Дунае в крепости Доростол. П. Мутафчиев считал, что русский князь оказался там для отражения нападения императорского флота³⁹. Но заметим, что весной 971 года Святослав не ожидал нападения греков ни на суше, ни со стороны Дуная и тем не менее находился в Доростоле «со всею ратью»⁴⁰. А это значит, что Подунавье и в это время являлось основной целью пребывания Святослава на Балканах. Кроме русского отряда, размещенного в Преславе, других русских войск на территории, контролируемой болгарским правительством, не было. Византийские хронисты, рассказав о взятии Преславы, затем сразу же переходят к описанию боев руссов и греков под Доростолом и за Доростол.

Теперь обратимся к системе отношений Византии и Болгарии в 970—971 годах. На эту сторону вопроса историки, как правило, не обращали внимания, хотя и отметили, что в ходе войны 971 года Иоанн Цимисхий нарушил свои обещания болгарам, захватил в плен Бориса, детронизировал его, подчинил себе Восточную Болгарию. Но дело, на наш взгляд, заключается не только в этих финальных антиболгарских действиях Византии, а во всем строе византино-болгарских отношений в 970—971 годах. С весны 970 года империя оказалась в состоянии войны с двумя государствами — Болгарией и Русью, то есть пришла к тому, чего старался избежать Никифор Фока в 966—968 годах. Тогда империи удалось предотвратить сближение двух государств, отвлечь Святослава с Дуная на родину, оказать помощь провизантийски настроенной болгарской знати и направить Болгарию против русских гарнизонов на Дунае.

К концу 969 — в начале 970 года положение коренным образом изменилось. Болгария выступает как враг империи, и сведения византийских хронистов, несмотря на их попытки скрыть этот факт, не оставляют на этот счет никаких сомнений.

Едва переговоры со Святославом зашли в тупик, Цимисхий приказал Варде Склиру и патрикию Петру отправиться в пограничные с Болгарией области, зимовать там

и не допускать русских набегов на византийские владения. А это значит, что византийские армии оказались в прямой близости от ряда болгарских городов, в том числе Филиппополя (Пловдива). Последующий удар Святослава по этому городу, казнь там 20 тыс. врагов указывают на то, что греки в ходе начавшихся летом 970 года военных действий заняли при поддержке своих сторонников из среды болгарской знати некоторые южноболгарские города, и в первую очередь Филиппополь. В ходе войны с Византией Святославу пришлось брать провизантийски настроенные или даже занятые греками южноболгарские города. Зимой и ранней весной 970 года империя вступила в прямое противоборство с Болгарией.

Наиболее серьезным аргументом, говорящим о наличии византино-болгарских противоречий в 970—971 годах, является участие болгарского отряда в боях против греков при Аркадиополе летом 970 года, когда болгары и руссы составляли одну часть союзного войска, угры — вторую и печенеги — третью. В преддверии этой битвы Варда Скляр заслал в лагерь противника своих лазутчиков. Они были одеты «в скифское платье» и знали «оба языка»⁴¹. Вполне очевидно, что речь шла о болгарском и русском языках. Таким образом, и этот факт указывает на то, что в сознании как греков — участников событий, так и позднейшего хрониста Болгария являлась военным противником империи.

Затем Святослав заключил мир с Иоанном Цимисхием. Широкие военные действия были прекращены, хотя дерзкие набеги руссов на владения империи продолжались. С этого времени ни о каких военных действиях болгарских войск против империи мы также не имеем сведений. Однако враждебное отношение Византии и к Руси, и к Болгарии сохранилось.

Зимой 970—971 годов Цимисхий готовил свои войска и флот для войны с руссами. В пасхальные дни 971 года Цимисхий принял решение прорваться сквозь балканские теснины и выйти в Северную Болгарию. Судя по описанию Льва Дьякона, положение империи в это время было критическим. Обнаружив, что проходы в горах не охраняются неприятелем, император поставил перед армией задачу пройти по «тесным и непроходимым дорогам» и вступить «в их землю». При этом совершенно ясно, что речь здесь идет именно о болгарской земле. Это становится особенно очевидным при анализе последующего текста. Цимисхий сказал, что первая задача — взять «столицу

мисян» Преславу, после чего будет легче преодолеть и сопротивление руссов⁴².

Императору возражали, указывали на опасность этого военного предприятия, но он считал риск оправданным, если счастье «висит... на волоске».

Сообщение о молениях, принятых императором, также указывает на всю серьезность положения империи. Перед началом похода Цимисхий преклонил колена в знаменитом храме Христа Спасителя, а затем горячо молился за победу в не менее известном храме Богоматери во Влахернах⁴³, где греки не раз до этого стремились найти духовную поддержку в грозные минуты опасности.

Особенно Цимисхий надеялся на неожиданность наступления именно в дни пасхи⁴⁴. Это говорит о том, что его противником, кроме руссов, были и православные болгары, которые, как и греки, широко отмечали этот религиозный праздник.

Почему же не охранялись балканские проходы? Святослав был, как мы знаем, на Дунае и непосредственно не руководил защитой болгарской границы. Мы предполагаем, что в этих условиях охрану проходов должны были взять на себя болгары совместно с руссами, находившимися в Преславе. Однако сделано этого не было, и не только из-за беспечности, как полагают некоторые историки, но и потому, что граница между Византией и Болгарией проходила, как известно, не вдоль этих теснин, а южнее Балканского хребта. Пограничным с Византией был город Филиппополь, занятый Святославом в ходе военной кампании 970 года. Располагать охрану в горных проходах внутри своей же территории было бы мерой сверхосторожности. Что касается «беспечности» руссов, то, думается, такое заявление требует определенных оговорок. Конечно, Святослав и его болгарские союзники не предусмотрели столь неожиданной и рискованной атаки со стороны греков в столь неподходящее время и в условиях заключенного мира. Но определенные подозрения у Святослава относительно непрочности соглашения, заключенного летом 970 года с Цимисхием, видимо, имелись. Иначе чем объяснить появление русского посольства в греческом лагере, о котором сообщил Скилица⁴⁵, и то, что сами греки считали его разведкой? Вопрос об охране балканских проходов, таким образом, находился в ведении болгарских властей, и ни они, ни находившийся в Преславе Сфенкел не сумели обеспечить безопасности Северной Болгарии.

События, развернувшиеся под Преславой, а затем пос-

ле взятия греками болгарской столицы, также подтверждают наше мнение о ведении Византией против Болгарии настоящей войны как против своего постоянного противника. Два дня продолжался штурм Преславы, которую вместе с русским отрядом отчаянно защищали болгары. Взяв город, греки вели в нем себя как завоеватели. Они ходили по улицам, убивали «неприятелей», «грабили их имущества», то есть подвергали разгрому имущество болгар. Разграбили они и казну болгарского царя, которая хранилась во дворце в полной неприкосновенности во время пребывания в городе отряда Сфенкела.

После ухода под Доростол Иоанн Цимисхий оставил в городе «достаточную стражу», то есть военный гарнизон; это также указывает на военный характер отношений Болгарии и Византии тех дней⁴⁶.

К этому следует добавить и сведения византийского хрониста, на которые уже было обращено внимание в историографии, о разграблении Иоанном Куркуасом православных болгарских святынь, а также другой яркий факт, обойденный историками молчанием. Скилица сообщил, что после взятия Преславы и движения к Доростолу Цимисхий «отдал на разграбление своему войску захваченные многие города и крепости»⁴⁷. Греки шли по болгарской территории, как завоеватели.

Вместе с тем Цимисхий стремился выдать себя за друга болгар, объявил в Преславе о том, что он ведет войну не с Болгарией, а с Русью, обещал болгарам отомстить за те обиды, которые им паносили руссы. Это были фальшивые обещания, рассчитанные на то, чтобы, обманув болгарское население, привлечь его на свою сторону, вызвать возмущение против Святослава идущих за ним болгарских союзников.

Этот обман обнаружился уже в первые дни войны. Но особенно ярко он проявился в ходе дальнейших военных действий и после ухода руссов из Болгарии.

Лев Дьякон сообщил, что Иоанн Цимисхий «покорил мисян». Болгарские города Преслава и Доростол были соответственно переименованы в Иоаннополь и Феодорополь⁴⁸. Яхья Антиохийский приводит факт о том, что после ухода Святослава из Болгарии Цимисхий «назначил от себя правителей над теми крепостями»⁴⁹. А это значит, что греческие гарнизоны были размещены во всех крупных болгарских городах, а не только в Преславе.

А потом последовала тягостная для Болгарии процедура детронизации царя Бориса. Он был отправлен вместе

с братом Романом в Константинополь. Иоанн Цимисхий устроил себе триумф — торжественный въезд в Константинополь. Характер этого триумфа указывает, кто являлся истинным врагом империи, над кем она столь торжественно праздновала победу. В условиях, когда руссы были уже далеко, таким противником оставалась Болгария.

На едущую впереди колесницу были возложены болгарские символы царской власти: багряные одеяния, венцы, а также священная для болгар икона Богородицы. Сам Цимисхий верхом на коне в сопровождении блестящего эскорта следовал за колесницей. Корона болгарских царей была отдана им в храм св. Софии, а затем в императорском дворце Борис сложил с себя царские знаки отличия — драгоценную одежду, царскую обувь. Ему было присвоено звание магистра. Так империя отпраздновала победу над Болгарией.

Этот финал соответствует общей линии Византии по отношению к Болгарии в 970—971 годах. Рассмотренные события позволяют сделать вывод о том, что Болгарское царство в это время было союзником Руси и противником Византии, что империи пришлось бороться в течение двух лет с мощной коалицией, ядром которой являлись Болгария и Русь.

Теперь нам становятся понятными рассуждения императора о критическом положении Византии зимой 970—971 годов. Империя стояла перед лицом двух мощных противников, и неожиданный прорыв через Балканы был для византийской армии едва ли не единственной спасительной возможностью.

Лишь теперь мы можем обратиться к очень важному свидетельству армянского историка Степаноса Таронского о войне Византии и Болгарии в это время. Он писал: «Потом он (Иоанн Цимисхий. — А. С.) отправился войною на землю Булхаров, которые при помощи Рузов [Русов] вышли против кир — Жана (Иоанна Цимисхия. — А. С.), и когда завязался бой, Рузы обратили в бегство оба крыла греческого войска». Рассказав далее о ходе военных действий на территории Болгарии в 971 году и о победе Цимисхия, историк сообщает: «Он многих положил на месге, а остальных разогнал в разные стороны: и принудил булхарский народ покориться»⁵⁰. Речь здесь идет о войне Византии против Болгарии, союзником которой выступала Русь, и о последовавшем покорении страны⁵¹.

В свете всего вышеизложенного мы можем сделать некоторые выводы о дипломатической деятельности Святослава с конца 969 года до времени решающих боев за Доростол, то есть до июля 971 года.

Прежде всего следует подчеркнуть, что ни о какой единой внешнеполитической линии Болгарии этого периода не может быть и речи. Нет также оснований говорить об исключительно провизантийской, а затем исключительно прорусской ориентации болгарского правительства в целом в 969—971 годах. За спиной царя Бориса шла ожесточенная борьба двух группировок болгарской феодальной знати, одна из которых ориентировалась на Византию и занимала ярко выраженные антирусские позиции, а другая стояла за традиционную дружбу Болгарии и Руси. Эти линии наметились, как указывалось в историографии, уже в первые годы после смерти царя Симеона и получили дальнейшее развитие в период усиления феодальной раздробленности Болгарии в 60-х годах X в.

Провизантийская политика правительства царя Петра, постоянные уступки и лавирование Болгарии по отношению к империи поставили страну на грань катастрофы. Используя провизантийскую ориентацию болгарской правящей группировки, Византия настойчиво добивалась военного, экономического и политического ослабления Болгарии. Основная цель империи в отношении Болгарии и в 60-х годах оставалась прежней: сокрушить своего постоянного противника на Балканах. И в этом смысле попытка столкнуть Болгарию и Русь, с присутствием которой на Дунае Византии пришлось временно примириться, вполне соответствовала духу византийской политики по отношению к Болгарии тех лет.

Появление Святослава на Дунае в 967 году нейтрализовало сторонников Византии в правительстве Болгарии, и Петр был вынужден заключить с Русью мир, уступив ей Нижнее Подунавье. Однако в 968 году антирусские настроения в болгарской правящей верхушке, инспирируемые Константинополем, вновь усилились, что привело ко второй болгаро-русской войне 969 года. Измена болгар в Переяславце, репрессии в Филиппополе и Доростоле, отпадение болгарских городов после взятия греками Преславы указывают на то, что провизантийская партия в Болгарии имела мощные корни, особенно среди знати, в южноболгарских районах. В то же время все приведенные

факты болгаро-русского боевого сотрудничества в 970—971 годах показывают, что начиная с зимы 969—970 годов в болгарском правительстве взяли верх сторонники союза с Русью. Этот союз между двумя государствами был заключен, как правильно отметил А. Стоукс, вскоре после вторичного взятия Святославом Переяславца⁵². Болгария отныне стала союзным Руси государством. Благоев, Мутафчиев, Стоукс и некоторые другие историки полагали, что подлинным хозяином страны стал Святослав, а Борис был фиктивным правителем. Мы согласны с тем, что Борис действительно являлся лишь формальным носителем царской власти, но это не значит, что на деле власть принадлежала руссам. На сей раз политика страны определялась антивизантийской партией, стоявшей за спиной Бориса. Болгария не была лишена самостоятельности и, оставаясь суверенным государством, проводила в 970—971 годах четко выраженную антивизантийскую политику.

Свою политическую линию в Болгарии Святослав строил исходя из того, что власть в Преславе осуществляли его сторонники и союзники. Поэтому сам он находился на Дунае, Борис пользовался всеми правами царя, нетронутыми оставались болгарская казна и богатства православных храмов. Как верно отметил А. Стоукс, Святослав в это время действовал в основном дипломатическими средствами, вел себя в стране весьма осторожно, щадил национальные и религиозные чувства болгар⁵³. Одновременно на правах союзника Святослав держал в Преславе свой отряд, поддерживавший прорусскую группировку в окружении царя Бориса.

Мы не видим ни одного факта, свидетельствующего о намерении Святослава завоевать Болгарию. Русь и Болгария, где у власти в 970—971 годах стояла антивизантийская группировка, совместно выступили против Византии, русские и болгарские воины дрались рядом против греков под Аркадиополем, Преславой, Доростолом. Появление Святослава в Филиппополе в 970 году объяснялось не его военными действиями против болгар, а стремлением изгнать из Южной Болгарии греческие войска магистра Склира и патрикия Петра; его репрессии в Переяславце, Филиппополе, Доростоле были направлены не против болгар вообще, а против провизантийски настроенной части болгарской знати, за которой шли определенные вооруженные подразделения.

От имени союзников Святослав заключил мир с империей летом 970 года после неудачной попытки подойти к

Константинополю. И позднее, несмотря на этот мир, заключенный Болгарией и Русью с Византийской империей, оба союзных государства противостояли империи как ее потенциальные противники. Это прекрасно понимали в Константинополе и готовились к тяжелой борьбе как с Русью, так и с Болгарией.

Весной и летом 971 года Цимисхию удалось, собрав огромные военные силы, в ожесточенных сражениях сокрушить обоих противников. Победу над Болгарией он отметил специально подготовленным триумфом. И самое поразительное здесь заключается в том, что империю уже не могло удовлетворить наличие в Болгарии провизантийского руководства. Поддержка из Константинополя провизантийски настроенной болгарской знати преследовала все ту же долговременную цель греческих политиков: уничтожение самостоятельности Восточно-Болгарского царства, что и было достигнуто летом 971 года.

Таким образом, вывод ряда историков о том, что Болгария, отстаивая свою независимость, боролась против двух противников — Византии и Руси, что она выбирала из двух зол меньшее и т. д., является ошибочным. Вопрос, как мы полагаем, стоял по-другому: приведет провизантийски настроенная болгарская знать страну к катастрофе, уступая империи одну позицию за другой, или противостоящие ей силы, поддерживаемые Русью и опирающиеся на антивизантийские настроения народа, сохранят независимость страны, возродят ее прежнюю военную мощь? В пользу такого подхода говорит и позиция Западно-Болгарского царства в отношении Руси и Византии. Никаких конфликтов между Русью и антивизантийским болгарским правительством в Преславе, с одной стороны, и антивизантийским правительством «комитопулов» — с другой, не наблюдалось. Зато, покончив с независимостью Восточной Болгарии, Византия начинает борьбу против Охридского царства, закончившуюся триумфом Василия II Болгаробойцы.

Поэтому не прав был П. Мутафчиев, писавший, что причины болгаро-русского союза совершенно неясны⁵⁴. В этом союзе антивизантийская группа болгарских феодалов искала гарантий независимости страны, возрождения ее бывшего могущества, укрепления традиционных для Болгарии экономических и культурных связей с Русью.

Конечно, у нас нет оснований идеализировать политику Святослава на Балканах и полагать, будто он являлся бескорыстным другом болгарского народа. Русская фео-

дальняя верхушка, пользуясь общим ослаблением Болгарии, усилением феодальной раздробленности страны, стремилась не только поддержать своих сгорошников в Болгарии, помочь им в захвате власти, но и обеспечить за собой контроль над традиционными для Руси торговыми путями, использование которых стало невозможным из-за враждебной политики Болгарии по отношению к Руси в 30 — 60-х годах X в. Владение Нижним Подунавьем при наличии в Болгарии дружественного правительства — вот те условия, на которые Святослав согласился летом 970 года. Что касается его дальнейших намерений, то о них мы можем судить по тайному сговору Святослава с Калокиром, по дерзкому ответу послам Иоанна Цимисхия весной 970 года, по попытке организовать поход на Константинополь. Они, видимо, заключались в том, чтобы нанести решающий удар как по самой Византийской империи, так и по ее владениям в Причерноморье и Крыму или во всяком случае иметь на византийском престоле своего ставленника, который бы пошел навстречу территориальным и экономическим интересам Руси.

В ходе военных действий весной и летом 971 года вторая антивизантийская коалиция, состоявшая из руссов, болгар, венгров, печенегов и созданная Святославом либо в конце 969, либо в начале 970 года, окончательно прекратила свое существование.

У нас нет сведений об участии в антивизантийских действиях венгров и печенегов после заключения мира с Византией летом 970 года. Наступление Цимисхия было столь неожиданным и стремительным, что Святослав, видимо, даже не успел призвать на помощь своих давних союзников — угров, да и сам он не поспел на выручку Преславы. К тому же у нас есть известие Скилицы о том, что Святослав в Доростоле не надеялся «ни на какую помощь», что «собственная их страна находилась очень далеко, а соседние варварские народы, боясь ромеев, не соглашались помочь им»⁵⁵. В число этих народов, безусловно, входили угры.

Относительно позиции печенегов у нас есть известие как русской летописи, так и византийских источников. Говоря в Доростоле о необходимости заключить мир с греками, Святослав с горечью признал: «А Руска земля далеча, а печенежи с нами ратьни, а кто ны поможет?»⁵⁶ Русская летопись почти дословно повторяет сообщение Скилицы, хотя это были совершенно независимые друг от друга источники.

Скилица также сообщает о просьбе Святослава к Цимисхию послать к печенегам посольство, которое (среди прочих условий) должно было обеспечить свободный проход русского войска через причерноморские степи на родину. Печенеги отказались⁵⁷.

Наконец, и русские, и византийские источники рассказали о гибели Святослава на порогах под ударами печенегов, что подтвердило опасения русского князя, высказанные им в Доростоле.

Следовательно, в период напряженных боев с византийской армией руссы могли рассчитывать лишь на помощь болгар. Но и эта помощь слабела по мере успехов Цимисхия.

Когда окончательно распался болгаро-русский союз? После взятия Преславы или уже во время сражений за Доростол? Мы поддерживаем точку зрения А. Стоукса, который писал, что после ряда поражений руссов болгары частично перешли на сторону Византии⁵⁸. Однако следует сделать оговорку. Г. Г. Литаврин совершенно справедливо указывал, что в этом случае речь должна идти не о болгарях вообще, а о части болгарской знати⁵⁹. После поражения руссов и их болгарских сторонников под Преславой их совместная борьба против Византии и ее сторонников в Болгарии продолжалась, но обстановка уже менялась в пользу греков. Поэтому часть болгарских городов выразила свою лояльность Византии, хотя значительная часть болгар еще продолжала поддерживать Святослава и сражаться против греков.

Чем труднее было положение Святослава, тем больше колебания проявляла болгарская знать, особенно та ее часть, которая, хотя и пошла за руссами, но сделала это под давлением обстоятельств. Не случайно Святослав в целях предотвращения заговора казнил в Доростоле одних и заточил других.

Дипломатия Святослава в Болгарии исходила именно из наличия в стране двух борющихся враждебных группировок. Активно поддерживая одну из них, русский князь способствовал подавлению другой.

Византия в этом смысле проводила аналогичную политику, ориентируясь на своих сторонников в Болгарии. Страна была расколота внутривластической борьбой, проходившей за спиной царя Бориса, который, опираясь в основном на провизантийскую группу, в 970—971 годах вынужден был править под давлением прорусски настроенной знати, поддержанной Святославом.

Драматизм положения Болгарии заключался в том, что, занимая провизантийские позиции, царь и часть болгарской знати вели страну к гибели. Именно эта участь постигла ее после ухода руссов на родину. Расколота, залитая кровью, ограбленная и униженная Восточная Болгария была окончательно сломлена Византийской империей.

Русско-византийский договор 971 года

Завершающим этапом дипломатической деятельности Святослава явилось заключение им в июле 971 года договора с Византией.

Как сообщает русская летопись, Святослав, убедившись в малочисленности своей дружины, в развале антивизантийской коалиции и враждебности печенегов, направил своих послов к Цимисхию с просьбой о мире. Причем летописец убежден, что Святослав находился в это время в Переяславце, а Цимисхий в Доростоле.

«Се же слышавъ, царь, — отмечает далее летопись, — радъ бысть и посла к нему дары больша первых»¹. Лев Дьякон, знавший подробности событий под Доростолом, сообщает, что наутро после последней битвы Святослав направил своих людей с предложением мира из Доростола в греческий лагерь под городом, однако о самих переговорах — заключении мира и благожелательной реакции Цимисхия на русское предложение (император «охотно принял предложение союза»²) византийский хронист пишет примерно то же, что и русский летописец.

Итак, мирные переговоры начались. Их ход и содержание, форма и значение самого договора 971 года стали предметом оживленной дискуссии в историографии.

Первые оценки этого дипломатического документа были даны еще в XVIII веке В. Н. Татищевым и М. М. Щербатовым. В. Н. Татищев полагал, что договор 971 года лишь подтвердил соглашение 944 года³. М. М. Щербатов

на основании данных византийских источников обратил внимание на то, что по русско-византийскому соглашению Святослав был признан «римским другом и союзником», а также подчеркнул обязательства обеих сторон, содержащиеся в договоре: Русь — не нападать на Византию, Византия — не покушаться на Болгарию⁴.

И. Н. Болтин, А. Л. Шлецер, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев и другие историки XVIII — первой половины XIX веков в основном излагали содержание договора 971 года, рассматривая его как признание неудачи русских походов на Балканы⁵. М. П. Погодин считал этот договор вообще «тягостным» для Руси⁶. С. А. Гедеев оценил его в ряду других русско-византийских соглашений как «совершенно полный документ» со вступлением, «договорными пунктами», заключением, а его краткость объяснил военными условиями, работой «походной канцелярии» Иоанна Цимисхия⁷. А. В. Лонгинов также рассматривал соглашение 971 года как стереотипный мирный договор, имеющий форму утвердительной или «обетной» княжеской грамоты. Автор считал, что и летопись, и Лев Дьякон говорят о двукратных переговорах руссов с греками по поводу договора, и представлял себе выработку договора следующим образом. В утвердительной грамоте, подготовленной руссами, содержались речи Святослава, сообщенные послам, которых он направил в греческий лагерь. На этой грамоте и присягнул позднее русский князь. Документ был передан Цимисхию, а в обмен Святослав получил императорский хрисовул. А. В. Лонгинов полагал также, что договор 971 года возвращал Русь и Византию к нормам отношений, сформулированным еще в 907 году⁸. Эту же мысль высказал и Д. Я. Самоквасов, подчеркнувший, что новым в договоре 971 года явилось русское обязательство не нападать на Болгарию. В основе и этого договора, считал автор, лежало обязательство империи уплачивать дань Руси⁹.

Таким образом, в дореволюционной историографии нашли отражение две оценки договора 971 года. Одни историки находили в нем свидетельство неудачи руссов и указание на их поражение в войне с Византией. Другие рассматривали это соглашение просто как документ, восстанавливавший прежние нормы отношений двух государств и включавший ряд новых обязательств Руси на Балканах.

Эти же точки зрения нашли отражение и в советской литературе. С. П. Обнорский рассматривал договор 971 года как свидетельство неудачи походов Святослава

на Балканы¹⁰. М. Д. Приселков полагал, что документ, помещенный в летописи, вообще нельзя рассматривать как договор — это лишь обязательства Святослава по отношению к Византии¹¹. Ф. И. Успенский оценил заключение договора 971 года как полный крах всей внешней политики Руси конца 60 — начала 70-х годов X в.¹² Д. С. Лихачев высказал мнение, что договор «скорее представляет собою текст присяги», он носит следы неудачи похода¹³.

Б. Д. Греков занял в данном вопросе компромиссную позицию, подчеркнув, что договор 971 года является документом совсем иного типа, нежели договоры, заключенные с империей Олегом и Игорем. В соглашении, заключенном Святославом, речь идет не о взаимных обязательствах сторон, а лишь об обещании русского князя не нападать на Византию, Херсонес, Болгарию и оказывать грекам военную помощь. Однако Б. Д. Греков не поддержал точку зрения, высказанную ранее Обнорским, Успенским и некоторыми другими учеными, об отражении в договоре полной неудачи русского похода¹⁴.

Мысль об односторонних обязательствах Руси по договору 971 года проведена в «Очерках истории СССР», а сам договор назван «почетным для Руси миром»¹⁵. В «Истории Болгарии» также обращено внимание лишь на военные обязательства Руси¹⁶. Этой же точки зрения придерживается М. В. Левченко. Он объединил в один мирный договор условия мира, о которых рассказали византийские хронисты, и текст договора, заключенного в июле 971 года, хотя для этого не было никаких оснований. Византийские авторы изложили условия прекращения военных действий и дали общую оценку отношений Руси и Византии после заключения мира, русская же летопись привела конкретный текст соглашения, неизвестный греческим хронистам. В работе М. В. Левченко отсутствует четкая оценка договора 971 года. С одной стороны, он говорит о нем как о соглашении, возобновлявшем, по-видимому, «старый договор 944 года, регулирующий торговые и дипломатические отношения обоих государств»¹⁷, а с другой — характеризует итог похода Святослава против Византии как «полную неудачу»¹⁸, что не соответствует смыслу развернутого двустороннего, включающего взаимные обязательства договора 944 года, который, по мысли автора, был возобновлен в 971 году.

В многотомной «Истории СССР» соглашение 971 года расценено как письменный договор о ненападении¹⁹.

В «Истории Византии» Г. Г. Литаврин отмечает, что договор содержал обязательства не только Руси, но и Византии, однако эти последние автор раздела увидел не в статьях помещенного в летописи соглашения, а, как и М. В. Левченко, в условиях мира, переданных Львом Дьяконом²⁰. Вместе с тем Г. Г. Литаврин отметил, что после Доростолского договора торговые и дипломатические отношения Византии с Русью возобновились, однако он не рискнул предположить, что было восстановлено действие норм договора 944 года. Автор распространил понятие «друзья», которое использует Лев Дьякон, характеризуя новую фазу в отношениях между двумя странами, лишь на русских, прибывших в Константинополь по торговым делам, но это, как мы полагаем, весьма отличается от статуса Руси как «друга» и «союзника» империи в целом.

В. Т. Пашуто представлял договор 971 года в виде «предложений Святослава, написанных на пергаменте и скрепленных его печатью», и отметил, что в 971 году между Византией и Русью был восстановлен «прежний договор» (надо думать, договор 944 г.), в который русский князь внес «некоторые новые статьи политического характера». Речь шла об обязательствах русской стороны не нападать, используя свои силы или «наемные иноязычные войска», на Византию и ее владения, на Херсонес, на Болгарию, быть союзником империи в случае нападения на нее. Здесь же В. Т. Пашуто вслед за М. В. Левченко и Г. Г. Литавриным приводит и обязательства Византии по отношению к Руси, о которых сообщил Лев Дьякон: предоставить руссам свободный проход на родину, продовольствие, считать руссов, появившихся в Константинополе с торговыми целями, «друзьями». «Следовательно, — подводит итог В. Т. Пашуто, — восстанавливался довоенный порядок, с той лишь разницей, что военные обязательства Руси приобрели односторонний характер»²¹.

Подробно остановился на форме договора 971 года С. М. Каштанов. Он отметил, что этот документ, в отличие от соглашения 911 и 944 годов, мало напоминает императорский хрисовул, что связано с особой процедурой его оформления. Если в грамотах 911 и 944 годов слова «Равно другаго свещанья» (первые слова обоих документов) выражали, согласно точке зрения С. М. Каштанова, равносильность грамот соответствующему хрисовулу, то эти же слова договора 971 года автор переводит иначе,

а именно: «Экземпляр, равносильный другому экземпляру, составленному при Святославе, великом князе Русском, и при Свенельде, при синкеле Феофиле». Под «другим» экземпляром С. М. Каштанов понимает договор, заключенный в лагере Святослава. Он не был оригиналом Святославовой грамоты, так как русские послы, по мнению автора, приехали позднее к императору без текста, а лишь с «речами» князя. В лагере же руссов был составлен акт, написанный от имени Византии в присутствии синкелла Феофила — главного императорского посла. С. М. Каштанов считает, что в этом экземпляре могли содержаться те самые обязательства Византии, о которых сообщает Лев Дьякон. Тогда же Святослав дал клятву соблюдать мир и закрепить свои обязательства в грамоте, которая будет написана уже при Цимисхии со слов русских послов.

Что касается слов заголовка «и ко Иоанну», то они относятся уже к тексту самой Святославовой грамоты, составленной в ставке императора. Косвенное подтверждение этого факта автор видит в форме засвидетельствования грамоты: «се же имейте... запечатахомъ». Здесь имеется в виду множественное число, в отличие от единственного числа предшествующих фраз. Слово «запечатахомъ», то есть «запечатали», относится к действию русских послов, которые запечатали грамоту своими печатями, так как Святослав уже принес присягу на верность договору и дальнейшее подтверждение грамоты не предполагалось.

Сообщение в договоре о том, что он написан не «на двою харатью», как прежние документы, а на одной «харатье» («на харатье сей»), указывает, по мнению С. М. Каштанова, что в лагере греков был составлен лишь русский экземпляр договора, греческий же был написан в лагере Святослава в присутствии синкелла Феофила. Таким образом, у каждой из сторон оказался экземпляр договора, полученный от другой стороны. В летописи же оказался перевод копии с греческой записи, сделанной в лагере Цимисхия²².

В зарубежной историографии специально русско-византийским договором 971 года, как и другими соглашениями Руси с греками, занимались И. Свеньицкий, С. Микуцкий, И. Сорлен.

И. Свеньицкий, анализируя договор 971 года, оценил его как почетный для Руси, хотя и отметил, что он не включал условие уплаты дани Руси Византией и преду-

смастривал полный отказ Руси от притязаний на Херсонес²³.

С. Микуцкий, как и некоторые другие исследователи, рассматривал грамоту 971 года как «старинную княжескую хартию», автором которой был сам Святослав. Здесь, по мнению историка, помещены лишь обязательства русской стороны, и все они носят «политический» характер²⁴. С. Микуцкий затрудняется ответить на вопрос, который для С. М. Каштанова абсолютно ясен: имели ли послы Святослава с собой только проект соглашения, которому греки придали форму договора, или руссы принесли с собой целиком готовую грамоту. При этом автор обращает внимание на три детали, которые могли бы подсказать решение вопроса: титул императоров — соправителей Цимисхия, сыновей Романа II, Василия и Константина — в договоре определяется словом «богодохновенные», что, по мнению С. Микуцкого, не соответствует византийской титулатуре и указывает на следы русской редакции текста. Заключительная формула грамоты читается как русская клятва. В начале же грамоты обозначено место заключения договора, что также выходит за рамки византийской дипломатической документалистики²⁵.

Все это указывает на русское происхождение документа, а это значит, что он был составлен лишь спустя некоторое время после окончания переговоров, а не тогда, когда русская миссия была в греческом лагере и греческие канцеляристы могли взять подготовку документа в свои руки и устранить те несвойственные греческой дипломатической документалистике черты, которые были отмечены выше²⁶.

В более поздней своей работе С. Микуцкий обратил внимание на то, что в этой грамоте, характеризующейся «бедностью» формуляра, почти полностью отсутствует греческое влияние, но в то же время она содержит некоторые элементы, которых не знают прежние документы: хартия была утверждена княжеской печатью, дата заключения соглашения вытекает из самого ее текста²⁷.

И. Сорлен полагала, что договор отразил неудачу Святослава по созданию на Балканах огромной империи: в акте представлены лишь русские обязательства, которые означали отказ от этих политических претензий²⁸. Сам же договор она, как и некоторые другие историки, представляет в виде княжеской грамоты, включающей лишь русские обязательства²⁹. Это типичный «мир», вен-

чающий окончание военных действий. Он носит более общий характер, чем договоры 911 и 944 годов. В нем нет ни одной статьи, касающейся торговли. Он подвел итоги военной кампании, а потому выглядит лаконичным во всем, что не относится к чисто военным сюжетам: вступление и заключительная часть договора лишь обозначены³⁰. Где был составлен договор, как он вырабатывался, в какой канцелярии был написан? Дать определенные ответы на эти вопросы И. Сорлен затрудняется. С одной стороны, пишет она, «Повесть временных лет» указывает на Доростол в качестве места заключения договора, а с другой — там же говорится, что «писано» при Феофиле, которого автор не без оснований отождествляет с видным византийским дипломатом епископом Евхаитским. А это значит, что грамота могла быть продиктована византийцем Святославу, о чем говорит и наличие в ней обязательств лишь русской стороны³¹.

Для И. Сорлен неясно и место переговоров, которые привели к выработке текста договора.

Согласно русской летописи, они велись в византийском лагере, но И. Сорлен не доверяет здесь летописи, так как, судя по тексту документа, составлен он был в русском лагере. В то же время автор находит возможным предположить, что он был написан Феофилом в русском лагере или греками в византийском лагере после соответствующих переговоров³².

Вместе с тем И. Сорлен обращает внимание на такие детали, которые указывают в пользу выработки договора русской стороной. Это и наличие подписи одного Святослава, и изложение текста от первого лица, то есть от лица князя, и пропуск имени императора в инвокации текста. В договоре нет речи о русских христианах (Святослав и его войны — язычники), и это находит отражение в документе. Обращает автор внимание и на аргументы С. Микуцко: отсутствие греческого эквивалента употребленному в грамоте титулу греческих императоров, нетрадиционное для греков указание на место свершения акта и его дату³³. И весь стиль грамоты, предназначенной для вручения императору, говорит о том, что она составлена русской стороной. Единственным признаком греческого влияния И. Сорлен признает известную формулу: «Равно другаго освещанья»³⁴. В целом же данная грамота — первый документ, где не видно заимствований русской стороной формул византийской дипломатической документалистики.

Наконец, одна из последних оценок договора 971 года дана в работе А. Власто. Он заметил, что, судя по содержанию документа, Святославу пришлось расстаться с мечтами о Балканах, но он мог действовать в качестве греческого наемника в районе Крыма. Тем самым автор полностью отрицает какие-либо достижения русской дипломатии в начале 70-х годов и считает, что в районе Крыма и Северного Причерноморья Русь защищала лишь византийские интересы³⁵.

Таким образом, в историографии по-разному оценивается ход выработки договора, остается неясным вопрос о характере договора: был ли это тягостный для Руси или, напротив, почетный мир, содержал ли он обязательства одной Руси или обеих сторон, являлся ли он конкретной княжеской грамотой или представлял собой стереотипное международное соглашение, возвращающее обе договаривающиеся стороны к нормам соглашения 944 или даже 907 года.

До сих пор окончательно не определен весь объем заключенного соглашения. Являлись ли обязательства Византии, сообщенные греческими хронистами, частью договора или правы те историки, которые объединяют условия договора 971 года и условия, сообщенные византийскими авторами, и в первую очередь Львом Дьяконом, или эти последние были включены в какую-то особую грамоту.

Ответ на все эти вопросы, на наш взгляд, можно получить, осуществив комплексный анализ не только хода переговоров и содержания русско-византийского договора 971 года, но и предшествовавших соглашений Святослава с греками, а также других русско-византийских соглашений в X веке.

Русская летопись при всей краткости сообщения о ходе переговоров дает по этому вопросу более богатый материал, чем византийские хроники.

Как формулирует летописец цель переговоров? — «Хочю имети миръ с тобою твердъ и любовь». А это значит, что Святослав, согласно летописным сведениям, предполагал возобновить с Византией договор «мира и любви», то есть вернуться к прежним мирным и дружественным отношениям между двумя странами, которые в прошлом определялись сначала договорами 907 и 911 годов, а позднее договором 944 года.

Первое предложение Святослава было встречено греками положительно, и в русский лагерь отправилось от-

ветное посольство Цимисхия, вручившее дары Святославу. Летописец отмечает: «Се же слышавъ, царь радъ бысть и посла к нему дары больша первых»³⁶. Святослав принял дары и устроил совет с дружиной. И здесь вновь, как в 907 и 944 годах, в центре переговоров стоял один из основных для Руси вопросов, касавшийся возобновления Византией уплаты ей ежегодной дани³⁷.

Русские послы явились в греческий лагерь, и наутро византийский император принял их. В соответствии с уже сложившейся процедурой переговоров Цимисхий предложил русским послам изложить свои предложения: «Да глаголють сли рустии». Послы от лица Святослава заявили: «Тако глаголетъ князь нашъ: «хочю имети любовь со царемъ гречьскимъ свершеную прочая вся лета». Тем самым летописец вторично подчеркивает, что цель русского посольства — возобновление состояния «мира и любви» между двумя государствами; на сей раз она выражена в речах русских послов.

Русский посол начал излагать речи Святослава, а греческий писец по указанию императора стал «писати вся речи Святослава на харатью»³⁸. По мысли летописца, запись этих речей и составляет смысл помещенного ниже в летописи текста русско-византийского договора 971 года.

Первые слова договора также раскрывают нам процедуру его выработки. Оказывается, что данный договор составлен в результате переговоров, проведенных в Доростоле в присутствии Святослава и Свенельда, и запись его текста осуществлена в присутствии «синкела Фефела», а сам текст от имени Святослава адресуется к Иоанну Цимисхию. Именно так, на наш взгляд, следует понимать короткую преамбулу договора, последовавшую за словами «Равно другаго свещанья» («Равно другаго свещанья, бывшаго при Святославе, велицемъ князи рустемъ, и при Свенальде, писано при Фефеле синкеле и к Ивану, нарицаемому Цемьскию, царю гречьскому, въ Дерестре, месяца июля, индикта въ 14, в лето 6479») ³⁹.

Таким образом, весь ход переговоров выглядит в соответствии с летописными данными следующим образом.

Первоначально русское посольство появилось в греческом лагере. Оно передало Цимисхию предложения Святослава о «мире и любви» и встретило положительную реакцию. Затем византийский император направил своих представителей с дарами в Доростол. Там и начались переговоры с целью заключения соглашения.

С русской стороны переговоры возглавляли Святослав и Свенельд, с греческой — «синкел Фефел», которого историки отождествляют с уже знакомым нам епископом Феофилом Евхаитским⁴⁰, участвовавшим ранее в переговорах с болгарами. Выработанный проект договора, адресуемый от имени Святослава Цимисхию, и был сообщен в виде речей русскими послами, вновь появившимися в греческом лагере. Затем документ был окончательно подготовлен во время переговоров русского посольства в лагере греков и утвержден русскими послами. Все это указывает на большую дипломатическую активность сторон, которая, кстати, проявлялась еще ранее в ходе событий лета — осени 970 года и была прервана весной 971 года с началом военных действий.

Историки, писавшие о ходе переговоров, упустили из виду переданные летописью сведения о трехкратной встрече русских и греческих представителей в период выработки договора. Она свидетельствовала об упорных переговорах и, видимо, исключала предполагаемые некоторыми авторами обстоятельства, при которых греки просто продиктовали руссам условия договора.

К этому следует добавить, что после утверждения договора Святослав, по свидетельству Льва Дьякона и Скилицы, обратился к Цимисхию с предложением личной встречи. Сам этот факт вообще чрезвычайно характерен для переговоров «варварских» вождей с греками. И болгарские ханы, и аварские каганы, и руссы в 860 году, и князь Олег в 907 году настойчиво стремились по окончании военных действий непременно лично встретиться с византийскими императорами. Это был вопрос престижа. Такое же пожелание выразил и Святослав, и встреча состоялась. Русский великий князь и византийский император встретились на берегу Дуная и говорили о «мире»⁴¹.

Характерно, что древний миниатюрист в мадридском манускрипте хроники Скилицы передал эту встречу совсем в ином стиле, чем ее описал Лев Дьякон. На рисунке нет ни пышного одеяния Цимисхия, ни сопровождающей его блестящей свиты, ни скромно одетого Святослава, находящегося в ладье. На миниатюре изображены два сидящие друг против друга человека. Это переговоры равных партнеров. Лишь скипетр и корона отличают изображение византийского императора⁴².

Прежде чем перейти к содержанию договора 971 года, необходимо выяснить, как соотносятся сведения об усло-

виях мира, сообщаемые греческими хронистами, и те условия, которые сформулированы в акте 971 года.

Мы уже отмечали, что некоторые историки объединяют эти сведения в одно целое. Однако делать этого, на наш взгляд, нельзя. В данном случае перед нами факты вовсе не одного и того же ряда.

Лев Дьякон сообщает, что русские послы на переговорах в лагере Цимисхия согласились с греками о следующих условиях мира: руссы передают грекам Доростол, освобождают пленных, уходят из Болгарии и возвращаются в свое отечество. В свою очередь греки обязывались предоставить руссам возможность покинуть на своих судах Доростол, не атаковать их на огненосных кораблях, разрешить недавним противникам привозить к себе хлеб, а русских торговцев, появившихся в Византии, «считать по-прежнему друзьями». Цимисхий предоставил руссам на обратную дорогу хлеб — по две меры на каждого воина⁴³. Сведения Скилицы гораздо лаконичнее. Он сообщает о просьбе Святослава к грекам «принять его в число друзей и союзников ромеев» и пропустить вместе с войском на родину, с чем греки и согласились.

Скилица далее расшифровывает смысл этой просьбы. Оказывается, имелся в виду не только безопасный уход руссов из Доростола по Дунаю, но и посредничество византийского императора в предоставлении гарантий такой же безопасности со стороны печенегов при проходе руссов через причерноморские степи. Скилица сообщает, что по просьбе Святослава Иоанн Цимисхий послал к печенегам все того же епископа Феофила, который предложил печенежским вождям восстановить союз с империей, впредь не переходить через Дунай, не разорять Болгарию и позволить руссам «пройти через их земли в свое отечество». Печенеги согласились со всеми предложениями греков, кроме последнего⁴⁴. Над поредевшим, измученным военной страдой русским войском нависла серьезная угроза.

О просьбе Святослава принять его в число «друзей» и «союзников» Византии писал также Зонара⁴⁵. Самое любопытное заключается в том, что ни одно из условий мира, сообщаемых Львом Дьяконом, не нашло отражения в договоре 971 года, хотя, на первый взгляд, кажется, что византийский хронист сообщает важное условие мира — восстановление для русских торговцев статуса «друзей» империи, которое соответствует духу договора 971 года. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это условие лишено всякого смысла. Отноше-

ния «дружбы» или «мира и любви» связывали не торговцев двух стран, а два государства как таковые, и обмен торговыми караванами в рамках заключенных договоров, определявших и статус русских торговых людей в Византии, являлся лишь следствием этих отношений «дружбы» и «любви». Поэтому в действительности Лев Дьякон сообщает условия, не имеющие никакого отношения к договору 971 года, а один из его пунктов о восстановлении между государствами отношений «дружбы» и «любви» передает в весьма туманной форме.

Совершенно по-иному трактует этот вопрос Скилица. Он говорит именно о том, что Русь как государство была вновь причислена к «друзьям» и «союзникам» империи. Восстановление этого временно утраченного статуса Руси определялось целым рядом стереотипных условий, таких как уплата Византией своему «варварскому» «другу» и «союзнику» ежегодной дани, выработка взаимных политических, военных и экономических обязательств. В применении к Руси это означало возобновление действия норм договоров 907—944 годов.

В связи с этим сообщение Льва Дьякона о придании русским торговцам статуса «друзей» империи как условия мира представляется путаным и неверным по существу.

Но как быть с другими условиями мира, сообщаемыми этим византийским хронистом, об одном из которых — беспрепятственном пропуске русского войска на родину — пишет и Скилица?

Нам представляется, что речь в данном случае идет об условиях не мирного договора, которые, как известно, сформулированы в грамоте 971 года, а об условиях, на которых воюющие стороны согласились с тем, чтобы только начать переговоры с целью заключения этого мирного договора. Перед нами типичное «полевое» перемирие, открывающее путь к мирным переговорам.

Действительно, все условия, о которых говорит Лев Дьякон, затрагивают лишь чисто военную область и касаются не отношений между двумя государствами, а менее значительных, сугубо практических вопросов. Речь идет об уходе русских из Доростола и из Болгарии, передаче грекам их пленных, предоставлении руссам гарантий безопасного отхода по Дунаю, обеспечении их продовольствием на дорогу. Это, конечно, не договор о мире, а условия прекращения военных действий. Такое же значение в принципе имели приостановление Олегом

в 907 году наступления на Константинополь, некоторый отход его войска от города, что и создало предпосылки для дальнейших переговоров с целью заключения мирного договора между Олегом и Львом VI⁴⁶.

Поэтому, по нашему мнению, совершенно ошибочно ставить в один ряд эти конкретные предварительные условия мирных переговоров и договор 971 года, рассматривать как равнозначные обязательства Руси и Византии, сформулированные, с одной стороны, в этом типичном перемирии, а с другой — в межгосударственном договоре 971 года. Тем более неправомерно было бы считать, как это делает С. М. Каштанов, что в документе, идущем от Византии и написанном Феофилом в лагере Святослава, якобы сформулированы обязательства греческой стороны, а в договоре 971 года представлены обязательства русской стороны.

Кроме того, совершенно неясно, как может быть равносильным договор 971 года «другому экземпляру», то есть документу, идущему от лица Византии и содержащему лишь обязательства греков, если смысл обязательств как Византии, так и Руси полностью отличается друг от друга.

Как показывает опыт подобных «полевых» переговоров Византии с арабами, персами, болгарами, аварами, руссами, пункты об отводе войск, обмене пленными и т. д. являлись, как правило, лишь устными условиями для приостановления военных действий и начала переговоров о межгосударственных соглашениях, определяющих будущие отношения между воюющими странами⁴⁷.

В связи с этим нуждается в серьезных коррективах ранее предложенная схема порядка переговоров, выработки соглашения 971 года. Именно во время первого появления русских послов в лагере Цимисхия и была достигнута договоренность относительно условий перемирия, которые могли быть уточнены во время «ответного» греческого посольства в лагерь Святослава. Там же, в лагере Святослава, в присутствии самого великого князя, Свенельда, главного византийского посла — многоопытного Феофила, епископа Евхаитского, начались переговоры по поводу выработки межгосударственного договора. И речь при этом шла о выработке не двух разных грамот — византийской (необходимости в ней не было) и русской, а той, что была подготовлена совместно русскими вождями и Феофилом и адресовалась Иоанну Цимисхию. Проект этой грамоты на русском языке в виде

«речей» послов был представлен византийскому императору и записан по-гречески императорскими переводчиками и писцами.

Вот на этом моменте, проясняющем многое из процедуры выработки грамоты 971 года, хочется остановиться подробнее.

Во-первых, следует обратить внимание на слова договора о том, что он писан при «Фефеле синкеле и к Ивану, нарицаемому Цемьскию...», то есть писан не Феофилом, а при нем, а значит, изначальный текст грамоты был сразу же составлен в русском лагере на русском языке. Посол же Феофил выступает в данном случае лишь как представитель греческой стороны, принимающий участие в выработке условий договора. Этому соответствует и известие русской летописи о характере переговоров уже в греческом лагере: русский посол изложил императору «вся речи Святославля», а писец записывал их «на харатью». Посол говорил по-русски, а его речи записывались писцом по-гречески, поскольку в русском тексте не было необходимости: проект договора на русском языке был у послов на руках. Этот греческий вариант грамоты 971 года не являлся противнем русского варианта, поскольку грамота адресовалась не обеими сторонами друг другу, а шла лишь от русской стороны к греческой — от Святослава к Иоанну Цимисхию. Поэтому в ее тексте слово «харатья» и употребляется в единственном числе. Однако для «отработки» текста греки должны были иметь перевод русского текста на греческий язык, что и было сделано во время переговоров в греческом лагере.

В общем верное замечание С. М. Каштанова о том, что летописи не дают основания полагать, что русские послы приехали к императору с текстом — они приехали с «речами», требует уточнения. Дело в том, что «речи», которые писец записывал на «харатью», и были предварительным текстом, выработанным в русском лагере в присутствии Феофила. Это вовсе не исключает того, что греки могли сделать в проекте договора поправки, вставить в него новые пункты и т. д. Однако основа договора была заложена в Доростоле, о чем недвусмысленно говорится в первых его словах, которые мы переводим иначе, чем С. М. Каштанов: «Согласно договоренности, достигнутой (или состоявшейся) при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, написано при Феофиле синкелле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю гре-

ческому, в Доростоле... Я, Святослав, князь русский...».

Трудно согласиться, что «другим экземпляром» был договор, написанный от имени Византии и содержащий те самые обязательства «однодневного» характера, о которых сообщил Лев Дьякон.

Что касается клятвы, которую дал Святослав, то здесь мы согласны с С. М. Каштановым. Русский князь мог это сделать в своем лагере в отношении документа, который должен был быть окончательным составлен в греческом лагере, но проект которого выработали в Доростоле в присутствии Святослава. Указание в тексте грамоты на Доростол как на место написания документа также подтверждает нашу мысль, что оригинал грамоты на русском языке был составлен в основном в русском лагере.

К этому надо добавить и наблюдения С. Микуцкого и И. Сорлен о том, что для данного документа характерны некоторые черты, не свойственные византийской дипломатической документалистике (титулатура византийских императоров, определение места составления договора, его дата) и указывающие на русское происхождение текста.

И конечно, наиболее веским аргументом в пользу русского происхождения грамоты (и на это также было обращено внимание в историографии) является ее изложение от первого лица — от лица русского князя Святослава: «Азъ Святославъ, князь русский, яко же кляхъся, и утвержаю на свещанье семь роту свою...»⁴⁸.

Что касается множественного числа первого лица в конце грамоты как свидетельства того, что она впервые составлена в греческом лагере, то действительно здесь видны следы процедуры, в которой русские послы приняли участие в греческом лагере: они запечатали грамоту своими печатями, но это вовсе не исключает создания оригинала грамоты в Доростоле. И в основе летописного текста договора 971 года лежит не перевод копии с греческой записи (зачем нужно было идти таким сложным путем, если имелся текст грамоты на русском языке?), а русский оригинал договора, или его рабочая копия.

Понимание всех этих тонкостей необходимо для того, чтобы представить себе истинный смысл дипломатических переговоров относительно важного межгосударственного русско-византийского соглашения. Оно выработывалось на протяжении нескольких дней, в течение трехкратных русско-византийских переговоров. Русская сторо-

на была не только их полноправным участником, но и взяла на себя выработку начального проекта договора, который позднее был представлен Иоанну Цимисхию и одобрен в греческом лагере.

А теперь о наиболее спорной стороне проблемы: содержании и историческом значении договора 971 года.

Как отмечено в историографии, этот договор имеет форму княжеской грамоты: он составлен от имени Святослава. И недаром ее называли «обетной» грамотой Святослава, первой русской княжеской грамотой. Однако в данных оценках форма подчас заслоняла собой смысл документа. По своему содержанию соглашение 971 года имеет все черты межгосударственного соглашения.

Прежде всего следует отметить, что, как и в договорах 907, 911, 944 годов, сторонами, заключившими соглашение 971 года, являются два государства. Князь Святослав выступает от имени Руси, «боляр и прочих» («и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии», «Яко же кляхъся ко царемъ гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся») ⁴⁹. Конечным адресатом грамоты является не только Иоанн Цимисхий, но и его соправители — византийские императоры Василий и Константин «со всеми людьми вашими».

Необходимо иметь в виду и то, что Русь обязуется, а Византия, следовательно, это принимает, и впредь соблюдать «мир» и «свершену любовь» «до конца века». Таким образом, договор охватывает не только живущее поколение, но и поколения будущие, что также является чертой основополагающего государственного соглашения.

В свое время Эверс, Карамзин, Лавровский и некоторые другие историки затруднялись объяснить вышеприведенную фразу о сохранении Русью «мира и любви» со «всяким» греческим императором. Делалась даже попытка объяснить это место фальсифицированным и заменить «неверное» «всякимъ» на «верное» «высоким» ⁵⁰. Между тем договаривающиеся стороны просто согласились на пролонгированное действие договора и при будущих правителях обоих государств.

Хотя грамота действительно составлена от первого лица и идет от русских к грекам, в этом межгосударственном соглашении выступают две договаривающиеся стороны. И это видно не только из того, что в документе представлены русская и греческая стороны, но и из самого содержания пунктов договора.

Первой статьёй данного соглашения является восстание между воюющими сторонами довоенного состояния «мира и любви», то есть возвращение Руси статуса «друга» и «союзника» Византийской империи. Святослав клянется сохранять «до конца века» к Византии «мир и свершену любовь». Рассказ летописца о начале переговоров между руссами и греками также ведет нас в этом же направлении. Русскому посольству, посланному наутро после решающей битвы к Цимисхию, было наказано передать желание Святослава утвердить с греками «мир и любовь». Тут же летописец устами Святослава расшифровывает одно из основных для Руси условий такого соглашения — уплата империей дани Руси. В ответ на согласие греков заключить мирный договор и на появление в русском лагере византийского посольства с дарами Святослав заявил дружине: «Но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди доволно намъ»⁵¹. А это значит, что греки во время первых переговоров в своем лагере дали согласие возобновить уплату ежегодной дани Руси, той самой, за которую боролся Олег, ратовал в 944 году Игорь, которую получал Святослав от Никифора Фоки, сидя в Переяславце, и которой он добивался и добился от Цимисхия летом 970 года. Дань, как мы показали выше, являлась непременным условием заключения «варварскими» государствами договоров «мира и любви» с Византийской империей, тем более речь о ней шла при заключении договора о «дружбе» и «союзе» между империей и тем или иным «варварским» государством.

Скилица и Зонара совершенно определенно писали о том, что по миру 971 года восстанавливался статус Руси как «друга» и «союзника» Византии. А это означало целый комплекс обязательств сторон по отношению друг к другу и первое из них со стороны империи предусматривало уплату дани Руси. Есть на этот счет свидетельства и в тексте договора 971 года. Там говорится, что Святослав поклялся вместе с «болярами» и всей Русью «да схраним правая съвещанья»⁵², то есть первые договоры. Большинство ученых, занимавшихся данным сюжетом, в том числе и Д. С. Лихачев, Б. А. Романов, в академическом издании «Повести временных лет» переводили слова «правая съвещанья» как «прежний (или первый) договор»⁵³, между тем как правильный перевод этих слов — «прежние (или первые) договоры». И это ясно не только из формы множественного числа слова «свещанье» (договоренность, совещание, договор), но и из последующей за

этим словом фразы: «Аще ли от техъ самсхъ прежереченыхъ не схъранимъ», то есть, если «мы тех самых вышеупомянутых (договоров) не будем соблюдать»⁵⁴. Как видим, множественное число слов «тех самехъ прежереченыхъ» относится к предыдущему понятию — «правая съвещанья». А это значит, что Святослав ссылается, на все предшествующие «прежние договоры» Руси с Византией, в том числе и на основополагающий среди них договор 907 года. Именно в нем впервые в развернутом виде были определены принципиальные условия взаимоотношений двух государств, говорилось о «мире и любви» между двумя странами, об уплате империей дани Руси, определялся статус русских послов и торговцев в Византийской империи⁵⁵. В ходе последующих за договором 907 года военных конфликтов между Русью и Византией нарушались не конкретные статьи, скажем, соглашений 911 или 944 годов, а именно принципиальные положения первого развернутого русско-византийского соглашения, на основе которого строились конкретные отношения в политической, военной, экономической и юридической сферах. В июле 971 года Русь и Византия возвращались к изначальным отношениям, определенным условиями соглашения 907 года, которые были повторены и несколько откорректированы в части статуса русских послов и купцов в 944 году.

Русь и Византия возвращались к нормам отношений, определенным не одним каким-то договором, а всеми прежними русско-византийскими соглашениями, и прежде всего соглашением 907 года, поскольку именно в нем было сформулировано условие об уплате империей дани Руси. Оставались в силе и принципиальные положения договора 944 года, определяющие отношения между двумя странами. Однако не все они остались без изменений. Договор 971 года, сохранив принцип отношений между Русью и Византией, внес в них новшества, касающиеся тех политических и военных противоречий, которые вызвали конфликт между двумя государствами в 966—967 годах и в дальнейшем привели к русско-византийской войне 970—971 годов. Святослав заявляет: «Яко николи же помышлю на страну вашу, ни собираю вой, ни языка иногю приведу на страну вашу и елико есть подъ властью гречскою, ни на власть корсуньскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну болгарьску. Да аще инъ кто помыслить на страну вашу, да и азъ буду противенъ ему и борюся с нимъ»⁵⁶. Этим и отличается новый договор от соглаше-

ния 944 года. Святослав обязуется не нападать на Византию и на территории, ей подвластные — на Херсонес и подчиненные ему населенные пункты, а также на Болгарию силами русского войска или войск иных стран и народов — союзников или наемников Руси. Одновременно русский князь подтверждает сформулированное еще в договоре 944 года условие о русской помощи империи по просьбе последней («Аще ли хотети начнеть наше царство от васъ вои на противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть к намъ, елико же хочемъ...») ⁵⁷. Но насколько действительно новыми являются приведенные выше обязательства русской стороны?

Еще в договоре 944 года есть пункт, запрещающий Руси «имать волости» в «Корсуньстей стране» ⁵⁸. В договоре 971 года он повторен и усилен тем, что Херсонес здесь стоит в одном ряду с самой Византией и Болгарией, а также тем, что обязательства Святослава касаются не только русского войска, но и иноязычных союзных Руси войск. Практически повторен и пункт о союзной военной помощи Руси по отношению к империи ⁵⁹. Заметим, что в договоре не пересмотрено обязательство империи оказывать военную помощь Руси по ее просьбе, сформулированное в договоре 944 года. Подлинно новыми являются обязательства Руси не нападать на Византию и Болгарию и не использовать против Византии, Херсонеса и Болгарии своих союзников. По существу эти обязательства означают отказ (по крайней мере формальный) Руси от своей балканской политики и прекращение антивизантийских действий совместно с венграми, печенегами и другими возможными союзниками. Эти пункты договора 971 года, несомненно, являются следствием военных неудач Святослава в этом же году.

В то же время ссылка (видимо, далеко не случайная) на прежние русско-византийские соглашения показывает, что, согласно договору 971 года, остались неизменными другие политические и военные статьи договора 944 года. Во всяком случае они не прокорректированы и не повторены, как в выше рассмотренном обязательстве.

В новом договоре не сказано ни слова о судьбе Белобережья, устья Днепра, о русских территориях в Северном Причерноморье, то есть о том, чему посвящены определенные статьи в договоре 944 года. Если к этому добавить, что греки в период развития русско-византийского конфликта 970 года настаивали на возвращении Святослава из Болгарии в свое отечество, к Боспору Киммерийско-

му, что после ухода из Доростола русское войско оказалось на Белобережье и зимовало там, становится очевидно, что военно-политические ограничения, наложенные Византией на Русь, проигравшую военную кампанию, касались в основном территории самой Византии и Болгарии, где Русь полностью теряла свои политические позиции. Напротив, результаты продвижения Руси в Северном Причерноморье, Приазовье, Поволжье, закрепление русских позиций в районе Нижнего Поднепровья, Поднепровья вплоть до границ с Болгарией остались не пересмотренными этим русско-византийским соглашением.

Практически в договоре 971 года были подтверждены все важнейшие статьи политического, экономического, юридического характера, сформулированные в соглашениях 907 и 944 годов.

В связи с этим рассуждения о том, что договор 971 года содержал лишь обязательства Святослава (русской стороны), становятся безосновательными. В этом документе действительно содержались обязательства русской стороны, но сформулированы они были не в 971, а в 907 и 944 годах, точно так же как договор 971 года включал и все обязательства греческой стороны, взятые на себя Византией, согласно тем же межгосударственным равноправным соглашениям.

Новые же военно-политические обязательства Святослава были выделены в договоре 971 года особо.

Таким образом, смысл договора 971 года состоит в восстановлении между Русью и Византией отношений *status quo*, сложившихся к 966 году, то есть к началу первой балканской кампании Святослава. На этом согласились обе стороны, хотя грамота составлена лишь от имени русского великого князя, что само по себе несет в себе элемент определенного ущемления государственного престижа Руси и еще раз говорит о военной неудаче Святослава в 971 году. В связи с этим версия о полной неудаче всей внешней политики Руси этого периода, о договоре 971 года как о «тягостном мире» и т. п. представляется неубедительной. Конечно, балканские позиции Руси были утрачены, но зато были закреплены завоевания в жизненно важных для раннефеодального русского государства районах Северного Причерноморья, в Приазовье и Нижнем Поволжье. Неточными являются и причины, выдвигаемые некоторыми историками для объяснения краткости договора: военное время, особые обстоятельства и т. д. Мы полагаем, что договор был кратким потому, что в его рас-

ширении не было никакой необходимости: Святослав обязался соблюдать прежние соглашения, новые же политические моменты были в нем отражены в полной мере. В данной военно-политической ситуации это удовлетворяло греков, и они согласились с формой и содержанием выработанного обеими сторонами договора. В свете изложенного становится понятной ненужность двух разных экземпляров договора, включающих обязательства как русской, так греческой сторон.

С осени 971 по весну 972 года был разыгран последний трагический акт дипломатической борьбы между Русью и империей. Дойдя на возвратном пути в ладьях до днепровских порогов, Святослав обнаружил здесь враждебные орды печенегов и повернул назад в Белобережье, где и зимовал. В связи с этим в историографии было высказано немало предположений о том, что именно греки инспирировали выступление печенегов против Святослава с тем, чтобы нанести страшному сопернику решающий удар. Однако отмечалось также отсутствие на этот счет точных сведений в источниках. Действительно, в «Повести временных лет» сказано, что печенегов известили о возвращении Святослава «съ маломъ дружины», но имеющем «именье много» и «полонъ бецисленъ» переяславцы⁶⁰, вернее, видимо, антирусски настроенная часть горожан Переяславца, взявшая верх в городе после ухода руссов с Дуная. В то же время нельзя не обратить внимание и на уже приводившиеся сведения Скилицы. Из его сообщения становится ясным, что византийский посол, сообщив печенегам о возвращении войска Святослава на родину и попросив их обеспечить безопасный проход руссов через свои владения, получил отказ. Однако Святославу об этом отказе сообщено не было, и он двинулся вверх по Днепру к порогам в полной уверенности, что его просьба к Иоанну Цимисхию о посредничестве у печенегов исполнена. Мы не знаем, организовал ли епископ Евхаитский нападение печенегов на русское войско, оплачена ли была византийским золотом гибель Святослава, но факт дипломатического вероломства греков, характерного для их внешней политики в целом, здесь налицо. В этом решающем дипломатическом единоборстве Святослава и Иоанна Цимисхия последнее слово осталось за византийским императором. И тем не менее в результате балканских походов Святослава и заключения договора 971 года Русь сумела закрепить за собой завоевания в Северном Причерноморье, Приазовье, Поволжье.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что во второй половине 60 — начале 70-х годов X в. дипломатия древней Руси решала новые задачи, вставшие перед древнерусским государством в связи с активизацией его внешней политики, подчинением его власти большинства восточно-славянских племен, укреплением позиций Руси в Северном Причерноморье, в частности в районе Таманского полуострова, в Нижнем Поднепровье и Поднепровье.

Внешняя политика князя Святослава Игоревича являлась закономерным продолжением усилий, предпринятых еще Олегом и особенно Игорем по укреплению позиций Руси в Северном Причерноморье, на восточных торговых путях, на подступах к Балканам.

Поход руссов на Восток, разгром Хазарии, военное давление на крымские и причерноморские владения Византии, овладение районом Приазовья и Нижнего Поволжья, отвоевание у Болгарии Нижнего Подунавья, контрролировавшего русские торговые пути на Балканы и на Запад, небезуспешная попытка поддержать антивизантийскую группировку болгарской знати, опиравшуюся на антивизантийские настроения болгарского народа, наконец, действия Руси с целью нанести решающий удар Византийской империи и посадить на императорский трон своего ставленника — все это характеризует последовательную линию Руси в осуществлении своей внешней политики. Новые внешнеполитические задачи древнерусского государства, осуществление которых выпало на долю энергичного, предприимчивого Святослава, требовали и нового уровня дипломатии. Многообразные приемы и методы древнерусской дипломатии при Святославе Игоревиче основывались на дипломатическом опыте прошлого, способствовали его дальнейшему обогащению в соответствии с

развитием древнерусской государственности, расширяющимися политическими связями Руси с другими странами.

Удар по Волжской Булгарии, землям буртасов, Хазарскому каганату был нанесен Русью в удобный для нее момент соперничества Византии и Хазарии в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе и был обеспечен действием союзного (944 г.) договора с Византией и благожелательным нейтралитетом со стороны империи к этому решительному военному предпринятию древней Руси.

Одновременно Русь предприняла ряд политических мер для овладения захваченными районами Приазовья и Поволжья. Договор, заключенный с жителями отвоеванных у Хазарии районов, должен был обеспечить здесь прочную и долговую власть древнерусского государства.

Внешнеполитические успехи Святослава в районах Северного Причерноморья, Приазовья и Поволжья неминуемо должны были привести к обострению русско-византийских противоречий.

Окончательное вопреки договору 944 года овладение Русью устьем Днепра, подчинение своей власти славяно-русских племен, живших по Днестру и Бугу, установление протектората над греческими климатами в Крыму создали серьезную угрозу византийским владениям в Северном Причерноморье, и в первую очередь Херсонесу. В связи с этим Византия заключает с Русью тайный договор 967 года, который предусматривал восстановление мирных отношений между двумя государствами, нарушенных русской агрессией в Крыму, отказ Руси от дальнейших нападений на византийские владения в Северном Причерноморье, согласие Византии в обмен на это не препятствовать Руси в овладении Нижним Подунавьем. Святослав использовал при этом развивающийся болгаро-византийский конфликт, дальнейшее ослабление Болгарии, стремясь не только овладеть Нижним Подунавьем, но и восстановить традиционные дружественные отношения с Болгарией, нарушенные в 30—60-х годах X в., поддерживать антивизантийски настроенную часть болгарского правительства, феодальной верхушки.

Вместе с тем древнерусские политики, отдавая себе отчет в неизбежности столкновения с империей в будущем, попытались заключить другой тайный договор — на сей раз лично с византийским послом Калокиром о захвате императорского престола этим русским ставленником.

Безопасность крымского тыла была обеспечена согла-

шением с владельцем греческих климатов в Крыму, признавшим свою вассальную зависимость от Руси.

Готовясь в 967 году к дунайскому походу, Святослав создал первую коалицию, обеспечив союз с венграми, поддержавшими его в русско-болгарской войне.

Одной из главных целей восточного похода Руси являлось овладение Подунавьем. Захватив его, Святослав попытался закрепить этот район за собой: сделал Переяславец своей резиденцией, заключил мир с болгарским правительством, поддерживал мирные отношения с империей на условиях договоров 907 и 944 годов и дополнительного соглашения 967 года.

Но с момента появления Святослава на Дунае дни русско-византийского договора 967 года были сочтены. Византия начинает активную дипломатическую борьбу за ликвидацию его результатов: организует набег печенегов на Киев, заключает антирусский союз с Болгарией, способствует началу второй болгаро-русской войны. В свою очередь Святослав укрепляет отношения с венграми, держит при себе Калокира — претендента на императорский трон в Константинополе, следит за развитием внутренних событий в Византии.

Наконец, Святослав весной 970 года начинает против империи войну в ответ на антирусские происки Византии, ее требование пересмотреть договоренность 967 года, вытеснить Святослава из Подунавья, отказ от соблюдения условия русско-византийского договора 907 года об уплате дани, утвержденного в 944 году.

В этой войне Русь выступила во главе коалиции, в состав которой кроме нее входили Болгария, печенеги и венгры. Ее образованию предшествовали русские посольства в Паннонию к венграм и в причерноморские степи к печенегам, а также определенные политические шаги в отношении Болгарии, в результате которых болгарский народ выступил союзником Руси в этой войне. Руссы поддерживали в стране антивизантийскую группировку, подавили сопротивление провизантийски настроенной знати, заключили антивизантийский союз с новым болгарским правительством, поддержали государственность дружественной страны, проявили уважение к религии и традициям болгарского народа.

Русско-византийской войне 970 года предшествовали неоднократные дипломатические переговоры сторон, закончившиеся неудачей. И лишь после военных действий, которые в конце концов развернулись близ самого Кон-

стантинополя, воюющие стороны вернулись к отношениям, определенным договорами 907 и 944 годов и соглашением 967 года.

И вновь для Византии это соглашение явилось лишь средством выиграть время, что стало очевидно во время неожиданного прорыва византийской армии сквозь балканские проходы весной 971 года.

В ходе военной кампании летом 971 года Святославу не удалось возродить антивизантийскую коалицию в прежнем составе. Лишь руссы и антивизантийски настроенные болгары сражались до конца с войсками Цимисхия.

Русско-византийский договор 971 года, выработанный в ходе неоднократных дипломатических контактов обеих сторон, ознаменовал собой окончательный их отказ от соглашения 967 года в отношении Болгарии и вновь возвращал Русь и Византию к исходной точке — тем отношениям, которые сложились между обоими государствами к 966 году, то есть к году успехов русского оружия на Востоке. Договор 971 года возобновил действие норм соглашений 907 и 944 годов, в результате чего Русь вернулась к мирным и союзным отношениям с Византией, признавшей завоевания древнерусского государства середины 60-х годов, укрепление его позиций в Северном Причерноморье.

Дипломатические усилия древней Руси периода 60—70-х годов X в. способствовали широкому выходу древнерусского государства на международную политическую арену, служили одним из мощных факторов расширения и развития древнерусского феодального государства.

Приложение

«Повесть временных лет» о княжении Святослава Игоревича

Текст (ПВЛ, ч. I, с. 46—53)

- 964 В лето 6472. Князю Святославу възрастѣши и възмужавши, нача вон совкупляти многи и храбры, и легько ходя, аки пардусь, войны многи творяше. Ходя възь по собе не возяше, ни котъла, ни мясь варя, но потонку изрезавъ коницу ли, зверину ли или говядину на углах испекъ ядыше, ни шатра имяше, но подькладъ постлавъ и седло в головахъ; тако же и прочии вон его вси бяху. И посылаше къ странамъ, глаголя: «Хочю на вы ити». И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи, и рече вятичемъ: «Кому дань даете?». Они же реща: «Козаромъ по щьлягу от рала даемъ».
- 965 В лето 6473. Иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася битися, и бывши брани, одоле Святославъ козаромъ и градъ ихъ и Белу Вежю взя. И ясы победи и казогы.
- 966 В лето 6474. Вятичи победи Святославъ, и дань на нихъ възложи.
- 967 В лето 6475. Иде Святославъ на Дунай на Болгары. И бившемъся обоимъ, одоле Святославъ болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеви, и седе княжа ту въ Переяславци, емля дань на грьцех.
- 968 В лето 6476. Придоша печенези на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславци, и затворися Волга въ граде со унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ граде Киеве. И оступиша печенези градъ в силе велице, бещцелено множество около града, и не бе лъзе изъ града вылести, ни вести послати; изнемогаху же людье гладомъ и водою. Собрашеся людье оная страны Днепра в лодьяхъ, об ону страну стояху, и не бе лъзе внити в Киевъ ни единому ихъ, ни изъ града к онемъ. И въстужиша людье въ граде и реща: «Несть ли кого, иже бы моглъ на ону страну дойти и рещи имъ: аще не подступите заутра, предатися имамъ печенегомъ?». И рече единъ отрокъ: «Азь преиду». И реща: «Иди». Онъ же изиде изъ града с уздою, и ристаше, сквозе печенежски, и мняхуть и своего. И яко приближися к рече, свергъ порты сунуся въ Днепръ, и побреде. Видевше же печенези, устремишася на нь, стреляюще его, и не могоша ему ничто же створити. Они же видевше с оная страны, и прихаша в лодьи противу ему, и взяша и в лодью и привезоша и къ дружине. И рече имъ: «Аще не подступите заутра

къ городу, предатися хотять людье печенегомъ». Рече же воевода ихъ, имянемъ Претичь: «Подъступимъ заутра в лодяхъ, и попадше княгиню и княжиче умчимъ на сю страну. Аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ». Яко бысть заутра, вседъше в лодьи противу свету и въстрѣбиша вельми, и людье въ граде кликнуша. Печенези же мнѣша князя пришедша, побегоша разнѣ от града. И изиде Ольга со унуки и с людьми к лодьямъ. Видевъ же се князь печенежскій, вззратися единъ къ воеводе Претичю и рече: «Кто се приде?». И рече ему: «Людье оная страны». И рече князь печенежскій: «А ты князь ли еси?». Опъ же рече: «Азъ есмь мужъ его, и пришелъ есмь въ сторожихъ, и по мнѣ идеть полкъ со княземъ, бе-щисла множество». Се же рече, гроя имъ. Рече же князь печенежскій къ Претичю: «Буди ми другъ». Опъ же рече: «Тако створю». И подаста руку межю собою, и вѣдасть печенежскій князь Претичю конь, саблю, стрелы. Опъ же дасть ему броне, щитъ, мечъ. И отступиша печенези от града, и не бяше лъзе коня напоити: на Лыбеди печенези. И послаша кияне къ Святославу, глаголюще: «Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своея ся охабивъ, малы бо насъ не взяша печенези, и матеръ твою и дети твои. Аще не пождеши, ни обратиши насъ, да пакн ны возмутъ. Аще ти не жаль очини своея, ни матерѣ, стары суща, и детей своихъ». То слышавъ Святославъ вборзе вседе на коне съ дружиною своею, приде Киеву, целова матеръ свою и дети своя, и съжалися о бывшемъ от печенегъ. И собра вой, и прогна печенегъ в поли, и бысть миръ.

969

В лето 6477. Рече Святославъ къ матери своей и къ бояромъ своимъ: «Не люблю ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середѣ земли моея, яко ту вся блага сходятся: отъ Грекъъ злато, поволоки, вина и овоцѣе разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръ сребро и комони, изъ Руси же скоро и воскъ, медъ и челядь». Рече ему Волга: «Видиши мя болну суццю; камо хоцещи отъ мене ити?». Бе бо разболелася уже; рече же ему: «Погребъ мя иди, ямо же хочещи». По трехъ днѣхъ умре Ольга, и плакаася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великомъ, и несоша, и погребоша ю на месте. И бе заповедала Ольга не творити трызны над собою, бе бо имущи презвутерь, сей похорони блаженую Ольгу.

Си бысть предътекущая крестьянстей земли аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ светомъ. Си бо съяше аки луна в нощи, тако и си в неверныхъ чловецехъ свѣтящѣся аки бисеръ в кале: кални бо бѣша грехомъ, неомовени крещеньемъ свѣтымъ. Си бо омыся купелью святою, и свелечѣся греховныя одежа ветхаго чловека Адама, и въ новыи Адамъ облечѣся, еже есть Христось. Мы же рцѣмъ к ней: радуйся, руское познанье къ богу, начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде в царство небесное отъ Руси, сию бо хвалятъ рустие сынове аки началницу: ибо по смерти моляше бога за Русь. Праведныхъ бо душа не умирають, яко же рече Соломанъ: «Похваляему праведному възвеселятсѣ людье», бесъсмертѣе бо есть память его, яко от бога познавается и от чловекъ. Се бо вси чловеци прославляють, видяще лежащю в теле на многи лета; рече бо вворокъ: «Прославляющая мя прославлю». О сяковыхъ бо Давыдъ глаго-

лаше: «В память вечную праведникъ будеть, от слуха зла не убоятся; готов сердце его уповати на господя, утвердися сердце его и не подвижется». Соломанъ бо рече: «Праведници въ веки живуть, и отъ господя мзда имъ есть и строение вышняго. Сего ради примуть царствие красоте и вснець доброте от руки господия, яко десницею покрыть я и мышцею зашитить я». Защитилъ бо есть сию блажену Вольгу от противника и супостата дьявола.

970

В лето 6478. Святославъ посади Ярополка в Києве, а Ольга в деревехъ. В се же время придоша людье ноугородьстии, просяще князя собе: «Аще не поидете к намъ, то налеземъ князи собе». И рече к нимъ Святославъ: «А бы пошелъ кто к вамъ». И отпреса Ярополкъ и Олегъ. И рече Добрыня: «Просите Володимера». Володимеръ бо бе отъ Малуши, ключнице Ользины; сестра же бе Добрынь, отецъ же бе има Малкъ Любечанинь, и бе Добрыня уй Володимеру. И реша ноугородьци Святославу: «Въдай ны Володимера». Онъ же рече имъ: «Вотъ вы есть». И пояша ноугородьци Володимера к собе, и иде Володимеръ съ Добрынею, уемъ своимъ, Ноугороду, а Святославъ Переяславцю.

971

В лето 6479. Приде Святославъ в Переяславецъ, и затворишася болгаре въ граде. И излесоша болгаре на сечю противу Святославу, и бысть сеча велика, и одолаху болгаре. И рече Святославъ воемъ своимъ: «Уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!» И къ вечеру одоле Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ грекомъ, глаголя: «Хочю на вы ити и взяти градъ вашъ, яко и сей». И реша гръци: «Мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повежьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы». Се же реша гръци. лстяче подь Русью; суть бо гречи летивы и до сего дни. И рече имъ Святославъ: «Есть насъ 20 тысяць, и прирече 10 тысяць, бе бо Русь 10 тысяць толко. И пристроиша гръци 100 тысяць на Святослава, и не даша дани. И поиде Святославъ на греки, и изидоша противу Руси. Видевше же Русь убоишася зело множества вой, и рече Святославъ: «Уже намъ некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ земле Руские, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побегнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убсжати, но станемъ крепко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». И реша вои: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ». И исполчишася русь, и бысть сеча велика, и одоле Святославъ, и бѣжаша гръци. И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоятъ и до днешняго дне пусты. И созва царь боляре своя в полату, и рече имъ: «Што створимъ, яко не можемъ противу ему стати?» И реша ему боляре: «Посли к нему дары, искусимъ и, любьзнивъ ли есть злату, ли паволокамъ?» И посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра, реша ему: «Глядай взора и лица его и смысла его». Онъ же, вземъ дары, приде къ Святославу. И поведаша Святославу, яко придоша гръци с поклономъ. И рече: «Въведете я семо». Придоша, и поклонишася ему, и положиша предъ нимъ злато и паволоки. И рече Святославъ, кроме зря, отрокомъ своимъ: «Схороните». Они же придоша ко царю, и созва царь боляры. Рша же послани, яко «Придохомъ к нему, и вдахомъ

дары, и не возре на ня, и повеле схоронити». И рече единъ: «Искуси и еще, послѣ ему оружье». Онѣ же послушаша его, и послаша ему мечъ и ино оружье, и принесоша к нему. Онъ же, примѣ, нача хвалити, и любити, и целовати царя. Придоша опять ко царю, и поведаша ему вся бывшая. И реша бояре: «Люте се мужъ хочеть быти, яко именья не брежеть, а оружье емлетъ. Имися по дань». И посла царь, глаголя сице: «Не ходи къ граду, возми дань, еже хочещи»; за маломъ бо бе не дошелъ Царяграда. И даша ему дань; имашеть же и за убьенныя, глаголя, яко «Род его возметъ». Взя же и дары многы, и възратися в Переяславецъ с похвалою великою. Видевъ же мало дружины своѣя, рече в собе: «Еда какъ прельстивше избьютъ дружину мою и мене», беша бо мнози погибли на полку. И рече: «Поиду в Русь, приведу боле дружины».

И посла слы ко цареви въ Деревьстръ, бо бе ту царь, рька сице: «Хочу имети миръ с тобою твердъ и любовь». Се же слышавъ, царь радъ бысть и посла к нему дары больша первых. Святославъ же прия дары, и поча думати съ дружиною своєю, рька сице: «Аще не створимъ мира со царемъ, а увестъ царь, яко мало насъ есть, пришедше оступятъ ны въ граде. А Руска земля далеча, а печепези с нами ратыни, а кто ны поможетъ? Но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди довольно намъ. Аще ли почнетъ не управляти дани, да изнова из Руси, совкупивше вои множайша, поидемъ Царюгороду». Люба бысть речъ си дружине, и послаша лепшие мужи ко цареви, и придоша въ Деревьстръ, и поведаша цареви. Царь же наутриѣ призва я, и рече царь: «Да глаголють сли рустии». Они же реша: «Тако глаголетъ князь нашъ: хочю имети любовь со царемъ гречьскимъ свершеную прочая вся лета». Царь же радъ бысть и повель писцю писати вся речи Святослава на харатыю. Нача глаголати соль вся речи, и нача писецъ писати. Глаголя сице:

«Равно другаго свещанья, бывшаго при Святославе, велицемъ князи рустемъ, и при Свенальде, писано при Фефеле синкеле и к Ивану, нарицаемому Цемьскию, царю гречьскому, въ Дерестре, месяца июля, индикта въ 14, в лето 6479. Азь Святославъ, князь руский, яко же кляхъся, и утвержаю на свещанье семь роту свою: хочю имети миръ и свершену любовь со всякимъ великимъ царемъ гречьскимъ, съ Васильемъ и Костянтиномъ, и съ богодохновенными цари, и со всеми людьми вашими и иже суть подо мною Русь, болгаре и прочии, до конца века. Яко николи же помышлю на страну вашу, ни собираю вой, ни языка иного приведу на страну вашу и елико есть подъ властью гречьскою, ни на власть корсуньскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну болгарьску. Да аще инъ кто помыслить на страну вашу, да и азь буду противенъ ему и борюся с нимъ. Яко же кляхъся ко царемъ гречьскимъ, и со мною болгаре и Русь вся, да схранимъ правая свещанья. Аще ли от техъ самехъ прежереченыхъ не съхранимъ, азь же и со мною и подо мною, да имемъ клятву от бога, въ его же верусмъ в Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ золоти, яко золото, и своимъ оружьемъ да исечени будемъ. Се же имейте во истину, яко же сотворихомъ ныне къ вамъ, и написахомъ на харатыи сей и своими печатями запечатахомъ».

Створивъ же миръ Святославъ съ греки, поиде в лодьхъ къ порогомъ. И рече ему воевода отень Свеналдъ: «Поиди, княже, на конихъ около, стоять бо печенези в порозехъ». И не послуша его и поиде в лодьхъ. И послаша переяславци къ печенегомъ, глаголюще: «Се идеть въ Святославъ в Русь, вземъ имень много у грекъ и полонъ бецислепъ, съ маломъ дружины». Слышавше же се печенизи заступиша пороги. И приде Святославъ къ порогомъ, и не бе лъзе проити порогъ. И ста зимовати в Белобережьи, и не бе у них брашна уже, и бе гладъ великъ, яко по полугривне глава коняча, и зимова Святославъ ту.

972

Весне же приспевши, в лето 6480, поиде Святославъ в пороги. И нападе на нь Куря, князь печенежский и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбе его съделаша чашу, оковавше лобъ его, и пьяху из него. Свеналдъ же приде Киеву къ Ярополку. И всех летъ княженья Святослава леть 20 и 8.

Перевод (ПВЛ, ч. I, с. 244—250)

964

В год 6472. Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину или зверину, или говядину и, зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав потник, с седлом в головах. Такими же были и все прочие его воины. И послыл в иные земли со словами: «Хочу на вас итти». И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам — по щелягу от рала даем».

965

В год 6473. Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.

966

В год 6474. Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

967

В год 6475. Пошел Святослав на Дунай на болгар. И билсь обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их 80 по Дунаю, и сел княжить там, в Переяславце, беря дань с греков.

968

В год 6476. Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга в городе Киеве со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром. И осадил печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города. И нельзя было ни выйти из города, ни вести послать. И изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том берегу. И нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из Киева к ним. И стали тужить

люди в городе, и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу,— сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь», и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?». Ибо знал он по-печенежски и его принимали за своего. И когда приближился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему на ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал на это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города враспынную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?». А тот ответил ему: «Люди той стороны (Днепра)». Печенежский князь снова спросил: «А ты не князь ли уж?». Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы пригрозить печенегам. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы, а тот дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города. И нельзя было выпести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послал киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул. А нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?». Услышав эти слова, Святослав с дружиною скоро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал войнов, прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

969

В год 6477. Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае,— там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы». Отвечала ему Ольга: «Видишь — я больна; куда хочешь уйти от меня?» — ибо она уже разболелась. И продолжала: «Когда похоронишь меня,— отправляйся куда захочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее и внуки ее, и все люди. И понесли, и похоронили ее на открытом месте. Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника — этот и похоронил блаженную Ольгу.

Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед светом. Она ведь сияла, как луна в ночи, так и она светила среди язычников, как

жемчуг в грязи; были тогда люди загрязнены грехами, не омыты святым крещением. Эта же омылась в святой купели, и сбросила с себя греховные одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, то есть в Христа. Мы же взываем к ней: «Радуйся русское познание бога, начало нашего с ним примирения». Она первая из русских вошла в царство небесное, ее и восхваляют сыны русские — свою начинательницу, ибо и по смерти молится она богу за Русь. Ведь души праведных не умирают; как сказал Соломон: «Веселится народ похвальному праведнику». Память праведника бессмертна, так как признается он и богом и людьми. Здесь же ее все люди прославляют, видя, что она лежит много лет, не тронутая тлением; ибо сказал пророк: «Прославляющих меня прославлю». О таких ведь Давид сказал: «В вечной памяти будет праведник, не убоится дурной молвы; готово сердце его уповать на господя; утверждено сердце его и не дрогнет». Соломон же сказал: «Праведники живут во веки; награда им от господя и попечение о них у всевышнего. Посему получают они царство красоты и венец доброты от руки господя, ибо он покроет их десницею и защитит их мышцею». Защилил ведь он и эту блаженную Ольгу от врага и супостата — дьявола.

970

В год 6478. Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши — ключницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». Он же ответил им: «Вот он вам». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрыней, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец (на Дунае).

971

В год 6479. Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И выпили болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть! Постоим же мужественно братья и дружина!». И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Не вмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань на всю свою дружину и скажи сколько вас, чтобы разочлились мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», но прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч, и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их, — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамям земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвые не принимают позора. Если же побежим, — позор нам будет. Так не побегим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили вой-

ны: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и доныне пусты. И созвал царь бояр своих в палату, и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытает его: любит ли он золото или паволоки?». И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказавши ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями!». Он же взял дары и пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном, и сказал Святослав: «Введите их сюда». Те вошли и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них, — приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражать ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь». Ибо только немногим не дошел он до Царьграда. И дали ему дань. Он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет де за убитого род его». Взял же и даров много, и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою и меня», так как многие были убиты в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И послал послов к царю в Доростол, где в это время находился царь, говоря так: «Хочу иметь с тобою твердый мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем, и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, печенеги с нами в войне, и кто нам тогда поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, — того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград». И была лоба речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол, и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: «Хочу иметь полную любовь с греческим царем на все будущие времена». Царь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать. Говорил же он так:

«Список с договора, заключенного при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю греческому, в Доростоле месяца июля, 14 индикта, в год 6479. Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми подданными

мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и полную любовь с каждым великим царем греческим, с Василием и с Константином, и с богодохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собирать на нее воинов, и не наведу иного народа на страну вашу, ни на то, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим царям, а со мною бояре и все русские, да соблюдем мы прежний договор. Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, — от Перуна и Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и пусть посечет нас собственное наше оружие. Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями».

Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его, и пошел в ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них (русских) еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову. И тут перезимовал Святослав.

972

В год 6480, когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было 20 и 8.

Примечания

1. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Византийские хроники и русские летописи

- ¹ См. *Leonis Diaconi caloënsis Historiae libri decem*. Bonnae, 1828, p. 61—63, 70, 76, 81—82 (далее: *Leo Diac.*).
- ² *Ibid.*, p. 103, 105—106.
- ³ *Ibid.*, p. 107—108.
- ⁴ *Ibid.*, p. 108—109.
- ⁵ *Ibid.*, p. 109.
- ⁶ *Ibid.*, p. 110—111, 116—117.
- ⁷ *Ibid.*, p. 126.
- ⁸ *Ibid.*, p. 130—131.
- ⁹ *Ibid.*, p. 131.
- ¹⁰ *Ibid.*, p. 134—136.
- ¹¹ *Ibid.*, p. 136—137, 138.
- ¹² *Ibid.*, p. 139.
- ¹³ *Ibid.*, p. 148.
- ¹⁴ *Ibid.*, p. 155—158.
- ¹⁵ *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum*. Berolini et Novi Eboraci, 1973, p. 277 (далее: *Scyl.*).
- ¹⁶ *Ibid.*, p. 287—288.
- ¹⁷ *Ibid.*, p. 288.
- ¹⁸ *Ibid.*, p. 289.
- ¹⁹ *Ibid.*, p. 295.
- ²⁰ *Ibid.*, p. 297.
- ²¹ *Ibid.*, p. 298, 300.
- ²² *Ibid.*, p. 299.
- ²³ *Ibid.*, p. 302.
- ²⁴ *Ibid.*, p. 305.
- ²⁵ *Ibid.*, p. 309.
- ²⁶ *Ibid.*, p. 310—311.
- ²⁷ См. *Ioannis Zonarae Epitome historiarum*, vol. IV. Lipsiae in aedibus B. G. Teubneri, 1874, p. 87 (далее: *Zonar.*).
- ²⁸ *Ibid.*, p. 94.
- ²⁹ *Ibid.*, p. 98.
- ³⁰ *Ibid.*, p. 101.
- ³¹ *Ibid.*, p. 102.
- ³² См. *Повесть временных лет*, ч. I. М., 1950, с. 47 (далее: ПВЛ).
- ³³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1950, с. 117.
- ³⁴ См. ПВЛ, ч. I, с. 47; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 117; Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII в. М., 1851, с. 14 (далее: Летописец Переяславля-Суздальского...).
- ³⁵ ПВЛ, ч. I, с. 47; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 117; Летописец Переяславля-Суздальского..., с. 14.
- ³⁶ ПВЛ, ч. I, с. 48.

- 37 Там же.
 38 Там же.
 39 Там же, с. 49.
 40 Там же, с. 50.
 41 Там же.
 42 Там же.
 43 Там же.
 44 Там же, с. 51
 45 Там же.
 46 См. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М. — Л., 1950, с. 5.
 47 Там же.
 48 Там же, с. 27.
 49 Там же, с. 28.

О достоверности византийских и русских источников

- ¹ См. *Чертков А.* Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967—971 годах. М., 1843, с. 17, 19—20.
² Там же, с. 19, 148—149.
³ Там же, с. 49, 194.
⁴ Там же, с. 157.
⁵ Там же, с. 195.
⁶ См. *Белов Е.* Борьба великого князя киевского Святослава Игоревича с императором Иоанном Цимисхием. — ЖМНП, ч. CLXX, 1873, декабрь, с. 170.
⁷ Там же, с. 191.
⁸ См. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. I. М., 1959, с. 168, 313—314, прим. 229.
⁹ *Баглей Д.* История Льва Днакона как источник для русской истории. — Сборник сочинений студентов Университета св. Владимира, кн. I, вып. X. Киев, 1880, с. 26.
¹⁰ Там же, с. 2.
¹¹ Там же, с. 5—6.
¹² Там же, с. 26.
¹³ Там же, с. 17.
¹⁴ Там же, с. 22—23.
¹⁵ Там же, с. 24.
¹⁶ Там же, с. 12—13.
¹⁷ Там же, с. 13—14.
¹⁸ Там же, с. 16—17.
¹⁹ См. *Лонгинов А. В.* Договоры русских с греками, заключенные в X в. Одесса, 1904, с. 90.
²⁰ ПВЛ, ч. I, с. 46—47.
²¹ См. *Тагищев В. Н.* История Российская, т. II. М.—Л., 1963, с. 48.
²² См. *Рыбаков Б. А.* Путь из Булгара в Киев. — Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 190—192. Т. Н. Никольская убедительно показала, что вятичи в VIII—IX веках уже обитали в районе верхней и нижней Оки (см. *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. М., 1981, с. 13—43).
²³ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 119.

- ²⁴ Там же, с. 120—121.
- ²⁵ См. *Васильевский В.* Заметка к статье Н. П. Ламбина о годо смерти Святослава. — Записки императорской Академии наук, т. XXVIII. СПб., 1876.
- ²⁶ *Шахматов А. А.* Указ. соч., с. 125.
- ²⁷ Там же, с. 126.
- ²⁸ Там же, с. 126—127.
- ²⁹ Там же, с. 128—129.
- ³⁰ Там же, с. 8.
- ³¹ См. *Сахаров А. И.* Дипломатия древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980, с. 109—111.
- ³² Нам представляется, что доводы, касающиеся тяжелого положения киевлян после отступления печенегов от города, приводимые в подтверждение «вставочного», искусственного характера этих сведений, также весьма спорны. Летописец сообщает лишь о том, что печенеги прекратили штурм киевских стен, заключили перемирие. Это вовсе не означает, что они ушли от города. Положение столицы продолжало оставаться тяжелым, и для автора Начального свода не было никакой нужды изменить текст. Если же он все-таки внес изменения в текст, то почему не заметил «противоречия», о котором пишет Шахматов? Ответить на этот вопрос невозможно.
- ³³ Оспаривая точку зрения А. А. Шахматова о связи этой части русской летописи с болгарским первоисточником, Е. А. Рыдзевская подчеркнула, что болгарский автор вряд ли стал бы рисовать эффектную картину испытания дарами с таким сочувствием к Святославу, как это сделано в летописи (см. *Рыдзевская Е. А.* К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи; *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. — Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1978. М., 1978, с. 208).
- ³⁴ См. *Сюзюмов М. Я.* Об источниках Льва Дьякона и Скилицы. — Византийское обозрение, т. 2, вып. 1. Юрьев, 1916.
- ³⁵ Там же, с. 106—113.
- ³⁶ Там же, с. 133.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ См. о нем подробнее: *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974, с. 197—242.
- ³⁹ См. *Сюзюмов М. Я.* Указ. соч., с. 144 и сл.
- ⁴⁰ Там же, с. 160.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же, с. 161.
- ⁴³ Там же, с. 161—163.
- ⁴⁴ Там же, с. 164.
- ⁴⁵ См. *Успенский Ф. И.* Значение походов Святослава в Болгарию. — Вестник древней истории, 1939, № 4(9), с. 92.
- ⁴⁶ См. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949, с. 454.
- ⁴⁷ См. *Тихомиров М. Н.* Походы Святослава в Болгарию. — В кн.: *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 117—118 (первое издание этой работы относится к 1947 г.).
- ⁴⁸ См. *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 259.
- ⁴⁹ Там же, с. 275.
- ⁵⁰ См. *Благоев Н. П.* Критиченъ погледъ върху известията на Лъв

Дякопъ за българите. — Македонски прегледъ. Списание за наука, литература и общественъ животъ, година VI, кн. I. София, 1930, с. 25, 34 и сл.

⁵¹ Там же, с. 37, 42—43.

⁵² См. *Stokes A. D.* The Background and Chronology of the Balkan Campaigns of Svyatoslav Igorevich. — The Slavonic and East European Review, vol. XL. London, 1961, No 94, p. 57; *idem.* The Balkan Campaigns of Svyatoslav Igorevich. — The Slavonic and East European Review, vol. XL. London, 1962, No 95, p. 483, 486, 489—490.

⁵³ *Leo Diac.*, p. 117.

⁵⁴ ПВЛ, ч. I, с. 51.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, с. 48.

⁵⁷ Там же.

Сведения арабских авторов и другие источники

¹ Мы пользуемся здесь переводом этих записей, сделанным Т. М. Калининой по публикации оригинала, предпринятой И. Крамерсом в 1939 году (см. *Калинина Т. М.* Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времени Святослава. — Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1975, М., 1976, с. 91, 93, 95).

² См. *Бартольд В. В.* Арабские известия о руссах. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, с. 849; *Якубовский А. Ю.* О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв., — Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. III., 1946, № 5, с. 470—471; *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 427. *Минорский В. Ф.* Куда ездили древние русы? — Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964, с. 26.

³ См. *Мошин В.* Русь и Хазария при Святославе. — *Seminarium Kondakowianum*, t. VI. Praha, 1933, p. 193—195.

⁴ См. *Пашуго В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 95.

⁵ *Калинина Т. М.* Указ. соч., с. 92.

⁶ Там же, с. 92.

⁷ Там же, с. 93.

⁸ Там же, с. 94.

⁹ Там же, с. 96.

¹⁰ Там же, с. 98. Сообщение Ибн-Хаукаля об уходе руссов в «Рум и Андалус» рассмотрел также В. Ф. Минорский. Он выразил сомнение в том, что Святослав мог отпустить часть своей дружины в далекие края, однако предположил, что если при нем находились союзники, пришедшие путем «из варяг в греки», то он, пользуясь мирными отношениями с Византией, мог получить разрешение на их проход через проливы в Испанию и далее вокруг Европы. (см. *Минорский В. Ф.* Указ. соч., с. 27). Но в этом случае становится неясным сообщение восточного автора об уходе руссов в «Рум», то есть в Византию.

¹¹ См. *Пашуго В. Т.* Указ. соч., с. 94.

¹² См. *Калинина Т. М.* Указ. соч., с. 95.

¹³ *Розен В. Р.* Император Василій Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883, с. 177.

¹⁴ Там же, с. 181.

- ¹⁵ Всеобщая история Степаноса Таронского Асох'ика по прозванию — писателя XI столетия. Пер. с арм. Н. Эмина. М., 1864, с. 127—128.
- ¹⁶ Liutprandi cremonensis episcopi relatio de legatione Constantinopolitana. Patrologiae cursus completus. Seriae latinae, т. 136, J.—P. Migne, Paris, 1853, p. 917 (далее: *Liutpr.*).
- ¹⁷ *Ibid.*, p. 921.
- ¹⁸ *Ibid.*, p. 927.

2. ИСТОРИОГРАФИЯ

Отечественные историки дореволюционного периода

- ¹ *Тагицев В. Н.* Указ. соч., с. 48.
- ² Об этом говорит и Никоновская летопись, использовавшая, по-видимому, тексты, восходящие к «Истории» Льва Дьякона, так как в нее включено многое из того, что не нашло отражения в древней русской летописной традиции, но о чем рассказал византийский историк в своем труде: о борьбе за власть в Византии, о личности Иоанна Цимисхия и т. д. (см. ПСРЛ, т. IX. Спб., 1862, с. 31, 33, 35).
- ³ *Тагицев В. Н.* Указ. соч., с. 49.
- ⁴ Там же, с. 51.
- ⁵ Там же, с. 52.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См. *Ломоносов М. В.* Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года. Полн. собр. соч., т. 6. М. — Л., 1952, с. 245—246.
- ⁸ См. *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. Спб., 1901, с. 318 и сл.
- ⁹ Там же, с. 325.
- ¹⁰ Там же, с. 328—329.
- ¹¹ *Болтин И. Н.* Критические примечания на первый том истории князя Щербатова, т. I. Спб., 1793, с. 246.
- ¹² См. *Шлецер А. Л.* Нестор, ч. III. Спб., 1819, с. 482.
- ¹³ Там же, с. 533.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же, с. 540.
- ¹⁶ Там же, с. 578—579.
- ¹⁷ Там же, с. 593—597.
- ¹⁸ *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. I. Спб., 1830, с. 184.
- ¹⁹ Там же, с. 226.
- ²⁰ *Чертков А.* Указ. соч., с. 158.
- ²¹ Там же, с. 217.
- ²² Там же, с. 211—258.
- ²³ Там же, с. 190—192.
- ²⁴ Там же, с. 35, 49, 51.
- ²⁵ Там же, с. 219.
- ²⁶ Там же, с. 228, 238.
- ²⁷ *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции, т. I. М., 1846, с. 184—186; *его же.* Древняя русская история до монгольского ига, т. I. М., 1871, с. 31—32, 34.

- ²⁶ *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига, с. 39.
- ²⁹ Там же, с. 34, 36.
- ³⁰ Там же, с. 37.
- ³¹ *Соловьев С. М.* Указ. соч., с. 161, 169.
- ³² Там же, с. 167.
- ³³ Там же, с. 169.
- ³⁴ *См. Гильфердинг А.* История сербов и болгар. Соч., т. I. СПб., 1868, с. 139 и сл. («Придя в Болгарию, чтобы пожить там с дружиною, — писал А. Ф. Гильфердинг, — с первого шага путивши дружину грабить и разорять, он уже не в силах был остановиться на этом пути». — Там же, с. 144).
- ³⁵ *См. Иловайский Д.* История России, т. I. М., 1906, с. 36 и сл.
- ³⁶ *См. Грушевський М.* Історія України-Руси, т. I. Львів, 1904, с. 411.
- ³⁷ Там же, с. 414.
- ³⁸ *См. Пресняков М. Е.* Лекции по русской истории, т. I. Киевская Русь. М., 1938, с. 84.
- ³⁹ *См. Знойко Н. О* посольстве Калокира в Киев. — ЖМНП. Новая серия. Ч. III. СПб., 1907, апрель, с. 232.
- ⁴⁰ Там же, с. 238 и сл.
- ⁴¹ Там же, с. 257—258.
- ⁴² *См. Довнар-Запольский М. В.* История русского народного хозяйства. Киев, 1911, с. 82—97.

Советская историография

- ¹ *Пархоменко В. А.* У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л., 1924; *Бахрушин С. В.* Держава Рюриковичей. — Вестник древней истории, 1938, № 2; *Лебедев И.* Войны Святослава I. — Исторический журнал, 1938, № 5; *Успенский Ф. И.* Указ. соч.; *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. — Л., 1939; *Бартольд В. В.* Указ. соч., с. 849; *Державин Н. С.* История Болгарии, т. I. М. — Л., 1945, с. 196—248; т. II. М. — Л., 1946, с. 14; *Якубовский А. Ю.* Указ. соч., с. 469—472; *Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 111—119; *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 454—462; *Карышковский П. О.* Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава. — Вопросы истории, 1951, № 8; *его же.* О хронологии русско-византийской войны при Святославе. — Византийский временник, т. V. 1952; *его же.* К истории балканских походов при Святославе. — Краткие сообщения Института славяноведения, вып. 14. М., 1955; Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. I. М., 1953, с. 86—92; История Болгарии, т. I. М., 1954, гл. 6. Международное положение в Юго-Восточной Европе в середине X в. Походы Святослава, с. 89—94; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 251—290; *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 426—429; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I. М., 1966, с. 494—496; История Византии, т. 2. М., 1967, с. 232—235; *Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 69—73, 93—95.
- ² *Пархоменко В. А.* Указ. соч., с. 53, 90. Правда, в дальнейшем В. А. Пархоменко отказался от подобной оценки деятельности Святослава, связав ее с Киевской Русью, а не с норманнами (*см. Пархоменко В. К* вопросу о «норманнском завоевании» и происхождении Руси. — Историк-марксист, 1938, № 4, с. 109).

- ³ «Говорить о прочной государственной организации в эту эпоху, — писал С. В. Бахрушин, — еще трудно. Нет даже государственной территории в полном смысле этого слова» (*Бахрушин С. В. Указ. соч.*, с. 95).
- ⁴ См. Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 92—93.
- ⁵ Там же, с. 95.
- ⁶ См. Юшков С. В. Указ. соч., с. 31.
- ⁷ См. Успенский Ф. И. Указ. соч., с. 92.
- ⁸ Там же, с. 93.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же, с. 94.
- ¹¹ Там же, с. 94—95.
- ¹² Там же, с. 96.
- ¹³ См. Державин Н. С. Указ. соч., т. I, с. 205.
- ¹⁴ Там же, т. II, с. 14.
- ¹⁵ Лебедев И. Указ. соч., с. 47.
- ¹⁶ Там же, с. 53—54.
- ¹⁷ Там же, с. 54.
- ¹⁸ Там же, с. 56—57.
- ¹⁹ Там же, с. 59.
- ²⁰ См. Греков Б. Д. Указ. соч., с. 454—455.
- ²¹ Там же, с. 455. Эта точка зрения находится в соответствии с общей оценкой Б. Д. Грековым внешней политики древней Руси. «Внешняя политика Киевского государства, — писал он в 1945 году, — не авантюра, продиктованная склонностями тех или иных вождей, а система, определяемая интересами растущего государства» (*Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. М. — Л., 1945, с. 53*).
- ²² См. Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 456.
- ²³ Там же, с. 457; См. также Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства, с. 66.
- ²⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 458.
- ²⁵ См. Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства, с. 65.
- ²⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 460.
- ²⁷ См. Бартольд В. В. Указ. соч., с. 851—852.
- ²⁸ См. Якубовский А. Ю. Указ. соч., с. 470—472.
- ²⁹ См. Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией, с. 111—112.
- ³⁰ Там же, с. 112—113.
- ³¹ Там же, с. 114—115.
- ³² Там же, с. 116, 118.
- ³³ Там же, с. 117.
- ³⁴ Там же, с. 118.
- ³⁵ Карышковский П. О. Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава, с. 101—102.
- ³⁶ «Болгары, — писал П. О. Карышковский, — видели в русском князе своего вождя против несправедливой Византии, а Святослав чувствовал себя в некоторой степени преемником политических заветов Симеона» (*Карышковский П. О. Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава, с. 104—105*).
- ³⁷ Там же, с. 105.
- ³⁸ См. Карышковский П. О. О хронологии русско-византийской войны при Святославе, с. 127—133; *его же*. Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава, с. 105.

- ³⁹ См. Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. I, с. 86—87.
- ⁴⁰ См. История Болгарии, т. I, с. 89.
- ⁴¹ Там же, с. 90.
- ⁴² Там же, с. 92.
- ⁴³ Там же, с. 93.
- ⁴⁴ Там же, с. 94.
- ⁴⁵ См. *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 251—252, 257—258.
- ⁴⁶ Там же, с. 252.
- ⁴⁷ Там же, с. 254—255.
- ⁴⁸ Там же, с. 255.
- ⁴⁹ Там же, с. 260.
- ⁵⁰ Там же, с. 260—261.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же, с. 263.
- ⁵³ Там же, с. 264—265.
- ⁵⁴ Там же, с. 266—271.
- ⁵⁵ Там же, с. 266—272.
- ⁵⁶ Там же, с. 275, 277.
- ⁵⁷ Там же, с. 282.
- ⁵⁸ Там же, с. 287.
- ⁵⁹ Там же, с. 289.
- ⁶⁰ См. *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 427—429.
- ⁶¹ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I, с. 495.
- ⁶² Там же, с. 496.
- ⁶³ См. История Византии, т. 2, с. 233.
- ⁶⁴ Там же, с. 234.
- ⁶⁵ Там же, с. 235.
- ⁶⁶ *Пашуго В. Т.* Указ. соч., с. 93.
- ⁶⁷ Там же, с. 93—94.
- ⁶⁸ Там же, с. 69—70.
- ⁶⁹ Там же, с. 70.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Там же, с. 71.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же.

Работы зарубежных историков

- ¹ См. *Причек И.* История болгар. Одесса, 1878, с. 241—243.
- ² См. *Schlumberger G.* Un empereur byzantin au X siècle. Nicephore Phocas. Paris, 1890, p. 548, 570, 573, 735. (см. также второе издание этой работы: Paris, 1923, p. 460 etc.); *idem.* L'épopée byzantine à la fin du X siècle. Paris, 1896, p. 36, 76—79, 82.
- ³ См. *Дринов М. Д.* Съчинения, т. I. София, 1909, с. 331—332.
- ⁴ Там же, с. 338—339, 341—342.
- ⁵ Там же, с. 343—344.
- ⁶ См. *Златарски В. Н.* История на Българската държава през средните векове, т. I. Първо Българско царство, ч. 2. София, 1927, с. 569—570.
- ⁷ Там же, с. 577.
- ⁸ Там же, с. 580, 583—584.
- ⁹ Там же, с. 593—600 и сл.
- ¹⁰ Там же, с. 625 и сл.
- ¹¹ Там же, с. 590.
- ¹² См. *Благоев Н. П.* Царь Борис II. — Годошник на Софийския

университетъ. Юридически факультет, кн. XXVI. София, 1930, с. 3.

- ¹³ Там же, с. 9.
- ¹⁴ Там же, с. 12—15.
- ¹⁵ Там же, с. 17, 19.
- ¹⁶ Там же, с. 20.
- ¹⁷ Там же, с. 21—22.
- ¹⁸ Там же, с. 24—26.
- ¹⁹ Там же, с. 27.
- ²⁰ См. *Благоев Н. П.* Критиченъ погледъ върху известията на Лъв Дяконъ за българите. — Македонски прегледъ. Списание за наука, литература и обществовъ животъ, година VI, кн. I. София, 1930, с. 37, 42—43.
- ²¹ См. *Мутафчиев П.* Русско-болгарские отношения при Святославе. — *Seminarium Kondakovianum*, IV. Prague, 1931, p. 78.
- ²² Там же, с. 79.
- ²³ Там же, с. 79—80.
- ²⁴ Там же, с. 82.
- ²⁵ Там же, с. 84—85.
- ²⁶ Там же, с. 87—89.
- ²⁷ См. *Ransiman S.* A History of the First Bulgarian Empire. London, 1930, p. 201—203, 210.
- ²⁸ См. *Boak A. E. R.* Earliest Russia Moves against Constantinople. — *Queen's Quarterly*, vol. 55, Kingston—Ontario, 1948, No 3, p. 315—316; *Paszkiewitz H.* The Origin of Russia. London, 1954, p. 433; *Dvornik F.* The Making of Central and Eastern Europe. London, 1949, p. 70, 89—90; *idem.* The Slavs. Their Early History and Civilization. Boston, 1956, p. 202; *Vlasto A. P.* The Entry of the Slavs into Christendom. Cambridge, 1970, p. 252, 316.
- ²⁹ См. *Boak A. E. R.* Op. cit., p. 315—316.
- ³⁰ См. *Vlasto A. P.* Op. cit., p. 252.
- ³¹ См. *Vernadsky G.* Kievan Russia. New-Haven—London, 1948, p. 45; *idem.* The Origins of Russia. Oxford, 1959, p. 273—277.
- ³² См. *Sorlin I.* Les Traités de Byzance avec la Russie au X-e siècle. II (partie). — *Cahiers du monde Russe et Soviétique*, vol. II. Paris, 1961, No 4, p. 465.
- ³³ См. *Stokes A. D.* The Background and Chronology of the Balkan Campaigns of Svyatoslav Igorevich; *idem.* The Balkan Campaigns of Svyatoclav Igorevich.
- ³⁴ См. *Stokes A. D.* The Background and Chronology of the Balkan Campaigns of Svyatoslav Igorevich, p. 46—50.
- ³⁵ *Ibid.*, p. 51, 56.
- ³⁶ *Ibid.*, p. 57.
- ³⁷ См. *Stokes A. D.* The Balkan Campaigns of Svyatoslav Igorevich, p. 467.
- ³⁸ *Ibid.*, p. 468.
- ³⁹ *Ibid.*, p. 469.
- ⁴⁰ *Ibid.*, p. 470.
- ⁴¹ *Ibid.*, p. 471.
- ⁴² *Ibid.*, p. 472.
- ⁴³ *Ibid.*, p. 472—473.
- ⁴⁴ *Ibid.*, p. 476.
- ⁴⁵ *Ibid.*, p. 479.
- ⁴⁶ *Ibid.*, p. 483.
- ⁴⁷ *Ibid.*, p. 485.
- ⁴⁸ *Ibid.*, p. 485—487.

- ⁴⁹ Ibid., p. 490.
- ⁵⁰ См. *Sevčenko I. Sviatoslav in Byzantine and Slavic Miniatures. — Slavic Review*, vol. XXIV. 1965, No 4, p. 709—713.
- ⁵¹ См. *Snegarov I. Dukhovno-kulturnite vrázki mezhdy Bálgariya i Russiya prez srednite vekove (X—XV v.)*. Sofia, 1950, p. 13—14.
- ⁵² См. История Болгарии, т. I. София, 1961, с. 137.
- ⁵³ Там же, с. 138.
- ⁵⁴ Там же, с. 139.
- ⁵⁵ См. *Ангелов Д.* История Византии, ч. 2. София, 1963, с. 82—83.
- ⁵⁶ Там же, с. 84, 87.
- ⁵⁷ Там же, с. 88—89.
- ⁵⁸ См. *Михайлов Е.* Българо-руските взаимоотношения от края на X до 30-те години на XIII в. в руската и българската историография. — Годешник на Софийския университет. Философско-исторически факултет, кн. III. История. София, 1966, с. 162.
- ⁵⁹ См. *Коларов Х.* Средновековната Българска държава (уредба, характеристика, отношения със съседните народы). В. Търново, 1977, с. 67.
- ⁶⁰ См. *Коларов Х.* Указ. соч., с. 68.
- ⁶¹ Там же, с. 69.
- ⁶² Там же, с. 71—72.
- ⁶³ Там же, с. 73.
- ⁶⁴ Там же.

3. ДИПЛОМАТИЯ СВЯТОСЛАВА

Восточный поход Святослава

- ¹ ПВЛ, ч. I, с. 20.
- ² Там же, с. 47.
- ³ А. В. Гадло считает, что целью восточного похода Святослава было именно покорение вятичей и лишь его появление в Вятчской земле послужило поводом для открытого столкновения Руси и Хазарии (см. *Гадло А. В.* Восточный поход Святослава (к вопросу о начале Тмутараканского княжения). — Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 68).
- ⁴ См. *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 254; *В. Т. Пашуто.* Указ. соч., с. 93. См. также *Гадло А. В.* Указ. соч., с. 60.
- ⁵ См. ПВЛ, ч. I, с. 47.
- ⁶ А. В. Гадло считал, что действия Святослава в приволжской Хазарии и его поход по степям от Каспия к Таманскому полуострову были возможны лишь благодаря союзу Руси с кочевавшими в районе Дона печенегами. Автор предполагает, что печенеги шли вместе с руссами по Волге и кавказским предгорьям, завершая разгром хазарских городов и селений (см. *Гадло А. В.* Указ. соч., с. 61).
- ⁷ См. *Якубовский А.* Ибн-Мискавейх о походе руссов в Бердаа в 332=943/4 г. — Византийский временник, т. XXIV, 1926, с. 66.
- ⁸ ПВЛ, ч. I, с. 47; *Летописец Переяславля-Суздальского...*, с. 14; *Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)*, с. 26.
- ⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 117.
- ¹⁰ См. *Тагищев В. Н.* Указ. соч., с. 49.

Обстановка на Балканах в середине 60-х годов X в.

- ¹ См. История Болгарии, т. I. М., 1954, с. 88; *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 247, 251; История Византии, т. 2, с. 200.
- ² См. *Благогов Н. П.* Царь Борис II, с. 9.
- ³ См. История Болгарии, т. I. М., 1954, с. 87, 90; *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 241, 248, 250; История Византии, т. 2, с. 214—215; *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией, с. 112.
- ⁴ См. *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 248.
- ⁵ См. *Златарски В. Н.* Указ. соч., с. 577; История Болгарии, т. I. М., 1954, с. 88; *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 248; *Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 112.
- ⁶ См. История Болгарии, т. I. М., 1954, с. 88.
- ⁷ См. Constantinus Porphyrogenitus de thematibus et de administrando imperio. Vonnae, 1840, p. 71 (далее: De administrando imperio...).
- ⁸ *Ibid.*, p. 69—71, 80—81.
- ⁹ ПВЛ, ч. I, с. 34.
- ¹⁰ См. История Венгрии, т. I. М., 1971, с. 109.
- ¹¹ См. ПВЛ, ч. I, с. 32—33.
- ¹² См. История Болгарии, т. I. М., 1954, с. 89; *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 251; История Венгрии, т. I, с. 109.
- ¹³ См. *Scyl.*, p. 276—277; *Zonar.*, p. 87.
- ¹⁴ См. *Розен В. Р.* Указ. соч., с. 177.
- ¹⁵ Что касается тезиса о слабости Болгарии и ее неспособности противостать набегам угров, то он не выдерживает критики в свете того факта, что правительство Петра предприняло отчаянную попытку воспрепятствовать русскому вторжению в Болгарию в 967 году, а затем отвоевало назад Переяславец.
- ¹⁶ См. *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 251; История Византии, т. 2, с. 214.

Миссия Калокира

- ¹ Эта дата дана в «Истории Болгарии» (т. I. М., 1954, с. 90), в «Истории Византии» говорится о конфликте Византии и Болгарии в 965—967 годах (т. 2, с. 233). М. В. Левченко считал, что конфликт относился к концу 965 — весне 966 года (см. *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 25—232). П. О. Карышковский датировал его 967 годом (см. *Карышковский П. О.* О хронологии русско-византийской войны при Святославе, с. 137; *его же.* Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава, с. 105).
- ² *Leo Diac.*, p. 61.
- ³ *Ibid.*, p. 63.
- ⁴ *Ibid.*, p. 77.
- ⁵ *Scyl.*, p. 277; *Zonar.*, p. 87.
- ⁶ А. В. Гадло предположил, что впервые Калокир встречался со Святославом еще в Северной Таврии во время движения руссов от берегов Каспия на Дон и дальше на родину. Именно там он провел с ним первые переговоры, обеспечивающие безопасность Херсонеса, и информировал о них Никифора Фоку. Затем он отправился с новым поручением в Киев. Таким образом, А. В. Гадло пишет о двух посольствах Калокира к Святославу (см. *Гадло А. В.* Указ. соч., с. 64).

⁷ Розен В. Р. Указ. соч., с. 177.

⁸ Ср.: у Льва Дьякона идет речь о захвате болгарских пограничных городов.

⁹ ПВЛ, ч. I, с. 52.

¹⁰ Летописец Переяславля-Суздальского..., с. 14.

¹¹ *Leo Diac.*, p. 103.

¹² *Ibid.*, p. 106.

¹³ *Ibid.*, p. 129. М. В. Бибиков, анализируя греческую рукопись XI века Тактикон R-II-11, обратил внимание на то, что она сообщает о реорганизации во второй половине X века фемного устройства Византии, укрупнении старых, образовании мелких пограничных фем. И здесь кроме фемы Херсонеса упоминается стратег Боспора. Автор приводит мнение на этот счет Э. Арвайлер о связи этого факта с последствиями русско-византийской войны 971 года. Боспор Киммерийский перешел в руки греков, и они образовали здесь новую фему, которая была затем утрачена после ваятия Владимиром Святославовичем Херсонеса (см. *Бибиков М. В.* Новые данные Тактикона Икономидиса о Северном Причерноморье и русско-византийских отношениях. — Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975. М., 1976, с. 87—88). А это, на наш взгляд, еще раз говорит в пользу того, что в 40—60-х годах Таманским полуостровом прочно владела Русь. Правда, не исключено, что греческая фема соседствовала здесь с русскими владениями, так как договор 971 года оставил неизбылемыми все предыдущие договоренности Руси и Византии относительно Северного Причерноморья.

Еще раз о «Записке греческого топарха»

¹ См. *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 291—293.

² Там же, с. 300.

³ *Васильевский В. Г.* Записка греческого топарха. — Труды, т. 2. СПб., 1909, с. 138.

⁴ Там же, с. 145—146. М. В. Левченко оспаривает перевод В. Г. Васильевским и Ф. Вестбергом слова «переправа» и полагает, что речь может идти о «переходе» известного пространства; слово «туземцы» М. В. Левченко перевел как «местные жители», а слова «близкого себе» как «своего друга» (см. *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 301—303). Однако нам представляется, что правы те ученые, которые вели речь о переправе, а не о переходе. Автор записки говорит о ледоходе на Днепре, о том, что суда приставали к берегу с трудом, и о конных, которые вступили на берег (см. *Васильевский В. Г.* Указ. соч., с. 145). Речь идет именно о переправе отряда.

⁵ См. *Васильевский В. Г.* Указ. соч., с. 147.

⁶ Там же, с. 153—154.

⁷ Там же, с. 154.

⁸ Там же, с. 155.

⁹ Там же, с. 172.

¹⁰ Там же, с. 172—173.

¹¹ *Гедеонов С. А.* Отрывки о варяжском вопросе. — Записки императорской Академии наук, т. I. СПб., 1862; *Куник А.* О записке готского топарха. СПб., 1874; *Westberg F.* Die Fragmente des Toparcha gothicus (Anonymus Tauricus) aus dem 10 Jahrhundert. — Записки императорской Академии наук, т. V. СПб., 1901,

- № 2; *его же*. Записка готского топарха. — Византийский временник, т. XV, вып. I. М., 1908 (1909), с. 71—132; *Кулаковский Ю.* Записка готского топарха. — ЖМНП, ч. 340, 1902, с. 449—459; *Шестаков С.* Памятники христианского Херсонеса, вып. III. М., 1908, с. 80—81; *Васильев А.* Готы в Крыму. — Известия Академии истории материальной культуры, т. I, 1921, с. 1—80. *Мошин В.* Русь и Хазария при Святославе. — Seminarium Kondakovianum, t. VI. Praha, 1933, p. 188—191. *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 461; *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. Л., 1945, с. 261; *Талис Д. А.* Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. — Византийский временник, т. 14, 1958, с. 106.
- ¹² См. *Васильевский В. Г.* Записка греческого топарха. — ЖМНП, ч. 185, 1876, с. 368—434.
- ¹³ См. *Ламбин Н. П.* Поход Олега. — ЖМНП, 1973, июль, с. 126.
- ¹⁴ См. *Бурачков П. Т.* О записке готского топарха. — ЖМНП, ч. 192, 1877, с. 199—252; *Пархоменко В. А.* Новые толкования Записки готского топарха. — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. II (59). Симферополь, 1928, с. 133—134.
- ¹⁵ См. *Успенский Ф. И.* Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX—X вв. — Киевская старина, т. 25, 1889, № 5—6, с. 253—294; *Милюков П.* Время и место действия Записки греческого топарха. — Труды 8-го археологического съезда в Москве, т. III, М., 1897, с. 278—289.
- ¹⁶ См. *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 331—339.
- ¹⁷ Там же, с. 329.
- ¹⁸ *Sevčenko I.* The Date and Author of so-called Fragments of Toparcha Gothicus. — *Dumbarton Oaks Papers.* Washington d. c. 1971, No 25, p. 117—188.
- ¹⁹ De administrando imperio., p. 80.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ *Калинина Т. М.* Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времен Святослава, с. 93.
- ²² См. *Сахаров А. Н.* Указ. соч., с. 225—226.
- ²³ См. *Гадло А. В.* Указ. соч., с. 61.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См. *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 335—336.
- ²⁶ *Тагищев В. Н.* Указ. соч., с. 49.
- ²⁷ См. *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 302—304.
- ²⁸ De administrando imperio., p. 77.
- ²⁹ «Я [первый] сказал своим сотрапезникам, что нам нельзя [будет] выйти из дому и перебраться на ночлег в другое место» (*Васильевский В. Г.* Указ. соч., с. 146).
- ³⁰ См. обзор источников и литературы по этому вопросу: *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 304—309.
- ³¹ См. *Васильевский В. Г.* Труды, т. 2, с. 146.

Тайный русско-византийский договор и дипломатия Руси в 967—968 годах

¹ *Leo Diac.*, p. 63.

² Ibid., p. 77.

³ См. *Знойко Н.* О посольстве Калокира в Киев, с. 266.

⁴ См. История Болгарии, т. I. М., 1954, с. 91—92.

- ⁵ ПВЛ, ч. I, с. 47.
- ⁶ См. *Татищев В. Н.* Указ. соч., с. 51—52.
- ⁷ См. *Сакъзов И.* Външна и вътрешна търговля на България през VII—XI век. — Списание на Българското икономическо дружество, кн. 7—8, 1925, с. 285—324.
- ⁸ См. *Сергеевич В.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910, с. 628.
- ⁹ ПВЛ, ч. I, с. 38.
- ¹⁰ См. *Сахаров А. Н.* За похода на Олег срещу Византия през 907 г., и за първия руско-български съюстен договор. — Исторически преглед, 1978, № 2, с. 69—76; *его же.* Дипломатия древней Руси. IX — первая половина X в., с. 52—54, 103—104.
- ¹¹ См. *Leo Diac.*, p. 77.
- ¹² См. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches 565—1453. 1 Teil: Regesten von 565—1025.* München und Berlin, 1924, Nr. 784.
- ¹³ См. *Златарски В. Н.* Указ. соч., с. 550 и сл.; *Благоев Н. П.* Указ. соч., с. 34—37; *Успенский Ф. И.* Указ. соч., с. 92—94; *Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 114—115; *Карышковский П. О.* Русско-българские отношения во время Балканских войн Святослава, с. 105; *его же.* О хронологии русско-византийской войны при Святославе, с. 137—138; *История Болгарии*, т. I. М., 1954, с. 92; *История Византии*, т. 2, с. 233.
- ¹⁴ См. *Дринов М. Д.* Указ. соч., с. 332; *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 258—263; *Stokes A. D.* The Background and Chronology of the Balkan Campaigns of Svyatoslav Igorevich, p. 56—57; *idem.* The Balkan Campaigns of Svyatoslav Igorevich, p. 472 etc. В. Т. Пашуто отметил, что переговоры Калокира в Киеве велись около 967 года (см. *Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 69).
- ¹⁵ См. *Scyl.*, p. 309—310.
- ¹⁶ См. *Сахаров А. Н.* Дипломатия древней Руси: IX — первая половина X в., с. 109—110, 227—228.
- ¹⁷ См. *Scyl.*, p. 287—288; *Zonar.*, p. 93.
- ¹⁸ См. *Leo Diac.*, p. 103.
- ¹⁹ *Ibid.*, p. 79—82.
- ²⁰ ПВЛ, ч. I, с. 48.
- ²¹ См. *Leo Diac.*, p. 103.
- ²² См. *Татищев В. Н.* Указ. соч., с. 51.
- ²³ В этом вряд ли можно сомневаться, имея в виду сохранение части русского войска в Болгарии и набеги руссов до воцарения Иоанна Цимисхия, то есть до зимы 969 года, на византийские владения.
- ²⁴ См. *Татищев В. Н.* Указ. соч., с. 49.
- ²⁵ См. *Liutpr.*, p. 921.
- ²⁶ Об этом мы узнаем как из «Повести временных лет», сообщившей, что во время второго похода в Болгарию Святославу вновь пришлось брать штурмом Переяславец, так и из «Истории» В. Н. Татищева, рассказавшего о захвате Переяславца болгарским войском при помощи сочувствовавших ему жителей города.
- ²⁷ См. *Liutpr.*, p. 927.
- ²⁸ См. *Сахаров А. Н.* Дипломатия древней Руси: IX — первая половина X в., с. 225—227.

Дипломатия Святослава в период русско-византийской войны 970—971 годов

- ¹ ПВЛ, ч. I, с. 50.
- ² *Татищев В. Н.* Указ. соч., с. 51.
- ³ Устюжский летописный свод, с. 27.
- ⁴ См. История Византии, т. 2, с. 213—214.
- ⁵ ПВЛ, ч. I, с. 50.
- ⁶ *Татищев В. Н.* Указ. соч., с. 51.
- ⁷ *Leo Diac.*, p. 103.
- ⁸ *Ibid.*, p. 105.
- ⁹ *Ibid.*, p. 106.
- ¹⁰ См. *Сахаров А. Н.* Дипломатия древней Руси: IX — первая половина X в., с. 53—54, 101—102.
- ¹¹ См. *Leo Diac.*, p. 103, 105, 114—115.
- ¹² См. История Болгарии, т. I, с. 92; *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 265.
- ¹³ ПВЛ, ч. I, с. 50.
- ¹⁴ Там же, с. 51.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См. *Сюзюмов М. Я.* Указ. соч., с. 164.
- ¹⁷ См. *Leo Diac.*, p. 107—108.
- ¹⁸ *Ibid.*, p. 108—111.
- ¹⁹ *Ibid.*, p. 108.
- ²⁰ См. *Scyl.*, p. 288.
- ²¹ См. *Leo Diac.*, p. 117.
- ²² ПВЛ, ч. I, с. 50.
- ²³ *Leo Diac.*, p. 117.
- ²⁴ См. ПВЛ, ч. I, с. 50.
- ²⁵ См. *Сахаров А. Н.* Дипломатия древней Руси: IX — первая половина X в., с. 69—70, 75, 108—110.
- ²⁶ См. *Leo Diac.*, p. 126.
- ²⁷ *Ibid.*
- ²⁸ *Scyl.*, p. 295.
- ²⁹ *Ibid.*
- ³⁰ ПВЛ, ч. I, с. 50—51.
- ³¹ Устюжский летописный свод, с. 28.
- ³² См. *Sevčenko I.* Sviatoslav in Byzantine and Slavic Miniatures, p. 710.
- ³³ В. Н. Татищев даже записал в своей «Истории Российской», что во время переговоров о мире Святослав якобы заявил послам: «Ежели хотите мир иметь, я с охотою учиню, токмо заплатите по договору, чего неколико лет изправили» (*Татищев В. Н.* Указ. соч., с. 52).
- ³⁴ См. *Чертков А.* Указ. соч., с. 51; *Лебедев И.* Указ. соч., с. 56; *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 277; *Stokes A. D.* The Balkan Campaigns of Svyatoslav Igorevich, p. 486, 493.
- ³⁵ Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века. М., 1972, с. 141.

Создание антивизантийского союза

- ¹ См. *Patrologiae cursus completus. Series graeca* (PG), t. 111, J. — P., Migne. Paris, 1863, p. 153—154.
- ² *De administrando imperio.*, p. 70.
- ³ *Ibid.*, p. 82.

- ⁴ ПВЛ, ч. I, с. 33.
- ⁵ Там же, с. 34.
- ⁶ Цит. по: *Калинина Т. М.* Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времен Святослава, с. 98.
- ⁷ Правда, В. Ф. Минорский считал, что о печенегах как о союзниках Руси можно говорить лишь в применении ко времени Игоря, когда, согласно летописи, кочевники приняли участие в его походе на Византию. Что касается времени Святослава, то печенеги были уже противниками Руси и именно от их рук киевский князь погиб на порогах (см. *Минорский В. Ф.* Указ. соч., с. 27). Однако В. Ф. Минорский прошел при этом мимо факта союзных действий руссов и печенегов под Аркадиополем, что говорит о том, что какая-то часть печенежских колен сотрудничала с Русью и в 60—70-х годах X в.
- ⁸ ПВЛ, ч. I, с. 48.
- ⁹ См. также: *Stokes A. D.* The Balkan Campaigns of Svyatoslav Igorevich, p. 483.
- ¹⁰ ПВЛ, ч. I, с. 48.
- ¹¹ *Leo Diac.*, p. 108.
- ¹² *Scyl.*, p. 288.
- ¹³ *Ibid.*, p. 289.
- ¹⁴ *Татищев В. Н.* Указ. соч., с. 51.
- ¹⁵ Стоукс А. Д. также считает на основании сообщения Скилицы, что русские провели переговоры в Паннонии (см. *Stokes A. D.* The Balkan Campaigns of Svyatoslav Igorevich, p. 483).
- ¹⁶ ПВЛ, ч. I, с. 52.
- ¹⁷ В. Т. Пашуто говорит об обязательстве Святослава не нападать на владения Византии «с русскими или наемными иноязычными войсками» (*Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 72). Но речь здесь идет не только о наемниках, которыми могли быть печенеги, но и о естественных союзниках, которыми были угры.
- ¹⁸ См. *Leo Diac.*, p. 78; *Zonar.*, p. 87.
- ¹⁹ *Scyl.*, p. 277.
- ²⁰ См. ПВЛ, ч. I, с. 47.
- ²¹ См. *Leo Diac.*, p. 81.
- ²² Устюжский летописный свод, с. 27.
- ²³ См. *Leo Diac.*, p. 105.
- ²⁴ См. *Мутафчиев П.* Указ. соч., с. 89—90.
- ²⁵ См. *Карышковский П. О.* Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава, с. 103.
- ²⁶ См. *Leo Diac.*, p. 139.
- ²⁷ См. *Scyl.*, p. 298, 300.
- ²⁸ *Zonar.*, p. 98.
- ²⁹ См. *Leo Diac.*, p. 138—139.
- ³⁰ См. *Мутафчиев П.* Указ. соч., с. 80; *Лебедев И.* Указ. соч., с. 54; *Карышковский П.* Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава, с. 104; *Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 117—119; *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 270, 272; *Stokes A. D.* The Balkan Campaigns of Svyatoslav Igorevich, p. 486.
- ³¹ *Leo Diac.*, p. 136. См. об этом: *Мутафчиев П.* Указ. соч., с. 78, 80; *Лебедев И.* Указ. соч., с. 54; *Карышковский П.* Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава, с. 104; *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 271.
- ³² См. *Дринов М. Д.* Указ. соч., с. 342; *Златарски В.* Указ. соч., 1971, с. 571—573; *Благоев И. П.* Критичен погледъ върху извес-

- тията на Лъв Дяконъ за българите, с. 37 и сл.; *его же*. Царь Борис. II, с. 21; *Успенский Ф. И.* Указ. соч., с. 94.
- ³³ См. *Мутафчиев П.* Указ. соч., с. 80.
- ³⁴ См. *Карышковский П.* Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава, с. 105; *История Византии*, т. 2, с. 234.
- ³⁵ См. *Leo Diac.*, p. 134.
- ³⁶ См. *Scyl.*, p. 302.
- ³⁷ *Ibid.*
- ³⁸ См. *Leo Diac.*, p. 138—139.
- ³⁹ См. *Мутафчиев П.* Указ. соч., с. 78.
- ⁴⁰ *Leo Diac.*, p. 134.
- ⁴¹ *Leo Diac.*, p. 110.
- ⁴² *Ibid.*, p. 131.
- ⁴³ *Ibid.*, p. 128—129.
- ⁴⁴ *Ibid.*, p. 130—131.
- ⁴⁵ См. *Scyl.*, p. 295.
- ⁴⁶ См. *Leo Diac.*, p. 138—139.
- ⁴⁷ *Scyl.*, p. 301.
- ⁴⁸ См. *Leo Diac.*, p. 138, 158—159.
- ⁴⁹ См. *Розен В. Р.* Указ. соч., с. 181.
- ⁵⁰ Всеобщая история Степаноса Таронского Асох'яка по прозванию — писателя XI столетия, с. 127—128.
- ⁵¹ На это указывает и Скилица.
- ⁵² См. *Stokes A. D.* The Balkan Campaigns of Svyatoslav Igorevich, p. 486—487.
- ⁵³ *Ibid.*, p. 490.
- ⁵⁴ См. *Мутафчиев П.* Указ. соч., с. 82.
- ⁵⁵ *Scyl.*, p. 305.
- ⁵⁶ ПВЛ, ч. I, с. 51.
- ⁵⁷ См. *Scyl.*, p. 309—310.
- ⁵⁸ См. *Stokes A. D.* The Balkan Campaigns of Svyatoslav Igorevich, p. 486.
- ⁵⁹ См. *История Византии*, т. 2, с. 234.

Русско-византийский договор 971 года

- ¹ ПВЛ, ч. I, с. 51.
- ² *Leo Diac.*, p. 156.
- ³ «Прежние договоры утвердили, яко учинено при Игоре великом князе» (См. *Татищев В. Н.* Указ. соч., с. 52).
- ⁴ См. *Щербатов М. М.* Указ. соч., с. 328—329, 330.
- ⁵ См. *Волгин И. Н.* Указ. соч., с. 246; *Шлецер А. Л.* *Нестор*, ч. III, с. 593—597; *Карамзин Н. М.* Указ. соч., с. 184 и сл.; *Соловьев С. М.* Указ. соч., с. 167.
- ⁶ См. *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига, с. 39 и др.
- ⁷ См. *Геденов С. А.* *Варяги и Русь*, ч. I. *Варяги*. СПб., 1876, с. 277—278.
- ⁸ См. *Лонгинов А. В.* Указ. соч., с. 29, 89—90, 91—103.
- ⁹ См. *Самоквасов Д. Я.* Указ. соч., с. 23. В информационном плане излагали смысл соглашения 971 года М. С. Грушевский и М. Е. Пресняков (см. *Грушевский М.* Указ. соч., с. 411; *Пресняков М. Е.* Указ. соч., с. 84).
- ¹⁰ См. *Обнорский С. П.* Язык договоров русских с греками. — Язык и мышление, вып. VII—VIII. М.—Л., 1936, с. 82.

- ¹¹ См. *Приселков М. Д.* Указ. соч., с. 90.
- ¹² См. *Успенский Ф. И.* Указ. соч., с. 96.
- ¹³ См. *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 163. См. также комментарий Д. С. Лихачева к соответствующему тексту «Повести временных лет» (ПВЛ, ч. II. М., 1950, с. 318).
- ¹⁴ См. *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 460—461.
- ¹⁵ См. Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1, с. 86, 92.
- ¹⁶ См. История Болгарии, т. I. М., 1954, с. 94.
- ¹⁷ См. *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 287.
- ¹⁸ Там же, с. 289.
- ¹⁹ См. История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I, с. 496.
- ²⁰ См. История Византии, т. 2, с. 235.
- ²¹ *Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 72. В более ранней статье В. Т. Пашуто заметил, что договор 971 года подтвердил «право русских купцов по-прежнему торговать в Византии» (*Новосельцев А. П., Пашуто В. Т.* Внешняя торговля древней Руси. — История СССР, 1967, № 3, с. 85).
- ²² См. *Каштанов С. М.* О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. — Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 214—215. В своих более поздних работах С. М. Каштанов подтвердил данные выводы. Он писал: «Грамота 971 года производит впечатление записи клятвы Святослава в ставке императора, где русский князь был представлен своими послами» (*Каштанов С. М.* Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г.). — Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975, с. 94—95). Использование в тексте договора местоимения «азъ» («Азь Святославъ, князь русский...») в другой своей работе автор трактует как свидетельство влияния греческой кашцелярии, которая низвела русского князя до положения герцога, не написав королевского «мы» (см. *Каштанов С. М.* Интигуляция русских княжеских актов X—XIV вв. (Опыт первичной классификации). — Вспомогательные исторические дисциплины, вып. VIII, Л., 1976, с. 82—83).
- ²³ См. *Swiencickij I.* Die Friedensverträge der Bulgaren und der Russen mit Byzanz. — Studi Bizantini e neoellenici, vol. 5. Roma, 1939, S. 326.
- ²⁴ См. *Mikucky S.* Études sur la diplomatie russe la plus ancienne. — Bulletin international de l'Académie Polonaise des sciences et des lettres. Cracovie, 1953, No 7, p. 31.
- ²⁵ См. *Mikucky S.* Op. cit., p. 32—33.
- ²⁶ Ibid., p. 35—37.
- ²⁷ См. *Mikucky S.* Remarques sur la diplomatie russe de X-e et XI-e siècles. — Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellonskiego, Prace Historyczne, Lesz. 4. Krakow, 1960, No 26, s. 143.
- ²⁸ См. *Sorlin I.* Op. cit., p. 466.
- ²⁹ Ibid., p. 470.
- ³⁰ Ibid., p. 473.
- ³¹ См. *Sorlin I.* Op. cit., p. 470—471.
- ³² Ibid., p. 470—471.
- ³³ Ibid., p. 471.
- ³⁴ Ibid., p. 472.
- ³⁵ См. *Vlasto A. P.* Op. cit., p. 252.
- ³⁶ ПВЛ, ч. I, с. 51.

- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же, с. 52.
- ⁴⁰ См. библиографическую справку по этому вопросу: *Каштанов С. М.* О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в., с. 214, сн. 8.
- ⁴¹ См. *Leo Diac.*, р. 157.
- ⁴² См. *Sevčenko I.* Sviatoslav in Byzantine and Slavic Miniatures, р. 710.
- ⁴³ См. *Leo Diac.*, р. 155—156.
- ⁴⁴ См. *Scyl.*, р. 310.
- ⁴⁵ См. *Zonar.*, р. 101.
- ⁴⁶ См. *Сахаров А. Н.* Дипломатия древней Руси: IX — первая половина X в., с. 104—106.
- ⁴⁷ Там же, с. 22—36.
- ⁴⁸ ПВЛ, ч. I, с. 52.
- ⁴⁹ ПВЛ, ч. I, с. 52.
- ⁵⁰ *Лавровский Н.* О византийском элементе в языке договоров русских с греками. Спб., 1853, с. 158.
- ⁵¹ ПВЛ, ч. I, с. 51.
- ⁵² Там же, с. 52.
- ⁵³ Там же, с. 250.
- ⁵⁴ Заметим, что и эта фраза переведена неточно: «Если же не соблюдаем мы чего-либо из сказанного раньше...» Множественное число здесь также утрачивается (ПВЛ, ч. I, с. 250). А. А. Зимин совершенно верно переводит слова «правая съезданья» множественным числом — «нерушимые договоры», однако в его переводе утрачивается слово «прежние», а вместо него появляется необъяснимое «перушимые» (см. Памятники русского права, вып. I. М., 1952, с. 60).
- ⁵⁵ См. *Сахаров А. Н.* Дипломатия древней Руси: IX — первая половина X в., с. 111—116.
- ⁵⁶ ПВЛ, ч. I, с. 52.
- ⁵⁷ Там же, с. 38.
- ⁵⁸ Там же, с. 37.
- ⁵⁹ А. А. Зимин ранее также оцепил близость этой статьи к соответствующей статье договора 944 года (см. Памятники русского права, с. 62).
- ⁶⁰ ПВЛ, ч. I, с. 52.

Указатель имен

- Агафий 33
Ангелов Д. 87—89
Артамонов М. И. 44, 45, 60, 73
- Багaley Д. И. 25, 26, 34, 37, 39
Бартольд В. В. 44, 45, 60, 65, 66, 73
Бахрушин С. В. 60, 61
Белов Е. А. 24, 26, 34, 35
Благоев Н. П. 35, 79, 80, 102, 107, 134, 171, 179
Болтин И. Н. 55, 184
Борис II 14, 15, 16, 18, 35, 44, 63, 67, 69, 71, 78—82, 90, 107, 143, 146, 160, 170, 171, 176, 177—179, 182
Боук А. 83
Бурачков П. Т. 115
- Варда Скляр 14, 17, 20, 26, 34, 35, 37, 40, 41, 151—156, 165, 173, 174, 179
Варда Фока 14, 33, 35, 40, 44, 72, 86, 133, 150, 153, 156
Василий II, Болгаробойца 35, 61, 108, 132, 180, 188, 198
Васильев А. А. 115
Васильевский В. Г. 29, 112, 115
Вестберг Ф. 115
Вернадский Г. 83
Владимир Святославович 19, 116, 117, 123
Власто А. 83, 190
Волк 54, 56, 141, 147, 169
- Газе К. Б. 112, 117
Гедеонов С. А. 115, 184
Гильфердинг А. Ф. 58
Грушевский М. С. 58, 59
- Дворник Ф. 83
Державин Н. С. 60, 62
- Довнар-Запольский М. В. 59
Дринов М. Д. 78, 80, 102, 107, 135, 171
- Златарский В. Н. 66, 78, 79, 83, 85, 102, 109, 134, 155, 171
Знойко Н. 59, 128
Зонара И. 13, 16, 18, 23, 24, 32—36, 50, 56, 108, 170, 193, 199
- Ибн-Мискавейх 46
Ибн-Хаукаль 27, 40, 43—48, 65, 97—99, 121, 122, 164
Игорь 8, 44, 65, 70, 78, 90, 96, 97, 104, 105, 106, 110, 115, 145, 150, 159, 161, 162, 164, 185, 199
Иловайский Д. И. 58, 77
Иоанн Куркуас 15, 26, 34, 156, 157, 171, 176
Иоанн Цимисхий 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 24, 30, 31, 32, 37, 38, 39, 41, 49, 50, 56, 57, 58, 62, 72, 74, 75, 77, 78, 80, 81, 82, 86, 87, 88, 91, 110, 111, 123, 132, 133, 139, 140, 141, 147, 148, 149, 150, 152, 155—160, 170—177, 180—184, 187, 188, 191—193, 195, 196, 198, 199, 203, 204
Иречек И. 77
- Калинина Т. М. 45—48, 60, 164
Калокир 13, 15, 16, 18, 34, 36, 39, 57, 59, 64, 66, 69—71, 74—76, 80, 84, 91, 106, 108, 109, 127—129, 130—135, 137, 138, 142, 144, 146, 160, 161, 172, 181, 206
Карамзин Н. М. 56, 58, 77, 185, 198
Карышковский П. О. 60, 67, 68, 83, 84, 134, 170
Каштанов С. М. 186—188, 195—197
Кековмен 160

- Коларов X. 87, 89, 90
 Константин VII 32, 104, 105, 108,
 118, 119, 125, 163, 164
 Константин (сын Романа II) 188,
 198
 Кулаковский Ю. 115
 Куник А. 115
- Лавровский Н. А. 198
 Ламбин Н. П. 115
 Лебедев И. 60, 63, 64, 137
 Лев VI 195
 Лев Дьякон 13, 14, 16—21, 23—26,
 28, 29, 32—41, 50, 55—57, 59, 60,
 63, 66, 68, 71, 72, 76, 77, 80, 82,
 96, 105, 110, 111, 127, 128, 130—
 135, 138—141, 144, 148, 150—158,
 165, 166, 168—172, 174, 176, 183,
 186, 187, 190, 192, 193, 194, 197
 Левченко М. В. 34, 35, 39, 70—72,
 97, 102, 109, 115, 119, 123, 124,
 135, 136, 137, 140, 155, 169, 185,
 186
 Леон 132
 Литаврин Г. Г. 74, 75, 182, 186
 Ллутспранд 36, 50, 135, 137, 139,
 144, 145
 Лихачев Д. С. 199
 Ломоносов М. В. 55
 Лонгинов А. В. 26, 184
- Мавродин В. В. 115
 Мария 102, 107
 Микуцкий С. 187—189, 197
 Милюков П. Н. 115, 116, 119
 Минорский В. Ф. 44, 45
 Михайлов Е. 89
 Мошин В. 44, 115
 Мутафчиев П. 72, 80, 81, 82, 86,
 169, 171, 173, 179, 180
- Никифор II Фока 13, 16, 31, 49,
 50, 54—56, 66, 69, 70, 71, 75, 78,
 79, 81, 84, 86, 87, 89, 103, 106,
 108, 109, 110, 127, 128, 131—133,
 136—139, 146, 148, 150, 162, 168,
 173, 199
 Никифор Эротик 13, 82, 134, 135,
 136, 137
 Николай Мистик 162
 Новосельцев А. П. 45, 46, 48
- Олег 44, 65, 70, 90, 95, 115, 130,
 145, 159, 185, 194, 195, 199, 205
 Олег Святославович 19
 Ольга 8, 9, 29, 31, 96, 141, 159
 Отгон I 50, 106
 Отгон III 132, 164
- Пархоменко В. А. 60, 115
 Пашкевич Г. 83
 Пашуто В. Т. 48, 60, 74, 75, 76, 77,
 97, 109, 186
 Петр II 78—81, 88, 102—104, 106,
 107, 143, 150, 162, 167, 170, 178
 Петр, патрикий 14, 20, 34, 39, 40,
 139, 151—154, 165, 173, 179
 Погодин М. П. 56, 58, 140, 184
 Пресняков М. Е. 58, 59
 Претич 29, 164
 Приселков М. Д. 185
 Продолжатель Георгия Амартола
 105
 Продолжатель Феофана 32
- Роман I Лакапин 102, 145
 Роман (сын Петра II) 16, 80, 107,
 177
 Роман II 133, 188
 Романов Б. А. 199
 Рыбаков Б. А. 27, 60, 62, 73
 Рэнсимен С. 78, 83
- Самоквасов Д. Я. 184
 Самуил 119
 Свенельд 25, 39, 44, 58, 187, 191,
 192, 195, 196
 Свеньцицкий И. 187
 Святослав 9, 13—49, 53—92, 95—
 100, 108—111, 115, 117, 121—124,
 126—163, 165—175, 178—193,
 195—208
 Сергеевич В. И. 130
 Симеон 59, 82, 102—104, 115, 116,
 119, 130, 143, 149, 162, 178
 Скилица И. 13, 16, 17, 18, 23, 24,
 28, 29, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 40,
 41, 50, 56, 80, 81—86, 106, 107,
 108, 109, 134, 135, 151, 152, 157,
 158, 165, 166, 167, 170—172, 175,
 176, 181, 182, 192—194, 199, 203
 Снегаров И. 87
 Соловьев С. М. 24, 25, 56, 58, 77,
 185
 Сорлен И. 83, 187—189, 197
 Степанос Таронский (Асох'ик)
 49, 76, 86, 177
 Стефан 116
 Стоукс А. 35, 83—86, 102, 109, 135,
 137, 140, 155, 179, 182
 Сурсувул 103
 Сфенкел 14, 15, 64, 78, 153, 160,
 170, 171, 175, 176, 205
 Сюзюмов М. Я. 29, 32—34, 38, 40,
 151, 152

- Талпе Д. А. 115
Татищев В. Н. 22, 24, 27, 53, 55,
56, 58, 100, 101, 109, 124, 130,
140, 142, 144, 145, 147—149, 165,
169, 183
Тихомиров М. Н. 34, 35, 60, 62,
65, 67, 70, 85, 88, 102, 109, 134
Третьяков П. Н. 62
Успенский Ф. И. 34, 37, 39, 60—62,
109, 115, 116, 119, 134, 137, 171,
185
Феофил Евхантский 13, 82, 134—
137, 192—193, 203, 204
Феофил, сивкелл 187, 189, 191,
192, 195, 196
Чертков А. 23, 33, 37, 56, 57, 72,
140
Чеслав 104
Шахматов А. А. 26—34, 39, 46, 97
Шевченко И. 86, 87, 117
Шлецер А. Л. 55, 56, 184
Шлюмберже Д. 77
Щербатов М. М. 55, 183
Эверс Г. 198
Юстиниан 115
Юшков С. В. 60, 61
Якубовский А. Ю. 44, 45, 60, 66
Ярополк Святославич 19
Яхья Антиохийский 34, 37, 49, 84,
107, 109, 112, 117, 122, 127, 176

Содержание

Введение	5
1. Обзор источников	11
Византийские хроники и русские летописи	13
О достоверности византийских и русских источников	23
Сведения арабских авторов и другие источники	43
2. Историография	51
Отечественные историки дореволюционного периода	53
Советская историография	60
Работы зарубежных историков	77
3. Дипломатия Святослава	93
Восточный поход Святослава	95
Обстановка на Балканах в середине 60-х годов X в.	101
Миссия Калокира	108
Еще раз о «Записке греческого топарха»	112
Тайный русско-византийский договор и дипломатия Руси в 967—968 годах	127
Дипломатия Святослава в период русско-византийской войны 970—971 годов	146
Создание антивизантийского союза	161
Русско-византийский договор 971 года	183
Заключение	204
Приложение	208
Примечания	217
Указатель имен	236

Сахаров Андрей Николаевич

Дипломатия Святослава

Редактор

Н. М. МАСЛОВА

Оформление художника

В. ЧАЙКИ

Художественный редактор

В. В. СУРКОВ

Технический редактор

О. В. КУДРЯВЦЕВА

Корректор

Л. А. СУРКОВА

ИБ № 735

Сдано в набор 24.09.81. Подписано в печать 16.03.82. А 01532. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,60. Усл. кр.-отт. 12,81. Уч.-изд. л. 13,76. Тираж 80 000 экз. Заказ № 682. Цена 1 р. 10 к. Изд. № 7-И/81.

Издательство «Международные отношения». 107053, Москва, Б-53, Садовая-Спасская, 20.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Сахаров А. Н.

С 22 Дипломатия Святослава. — М.: Междунар. отношения, 1982. — 240 с.

Эта книга является непосредственным продолжением монографии А. Н. Сахарова «Дипломатия древней Руси: IX — первая половина X в.» (1980 г.). В ней идет речь о 60—70-х годах X в., когда Русь, опираясь на предшествующий опыт, предпринимает дипломатические усилия для достижения своих внешнеполитических целей. Этот период является одной из ярких страниц в истории древнерусского государства, связанной с деятельностью великого князя Святослава Игоревича. Показаны средства, методы и приемы дипломатии Руси в этот период.

Для историков-международников, преподавателей, лекторов и широкого круга читателей.

С 0504000000—025
003(01)—82 14—82

ББК 63.3(2)41

1р. 10к.

Дипломатия Святослава